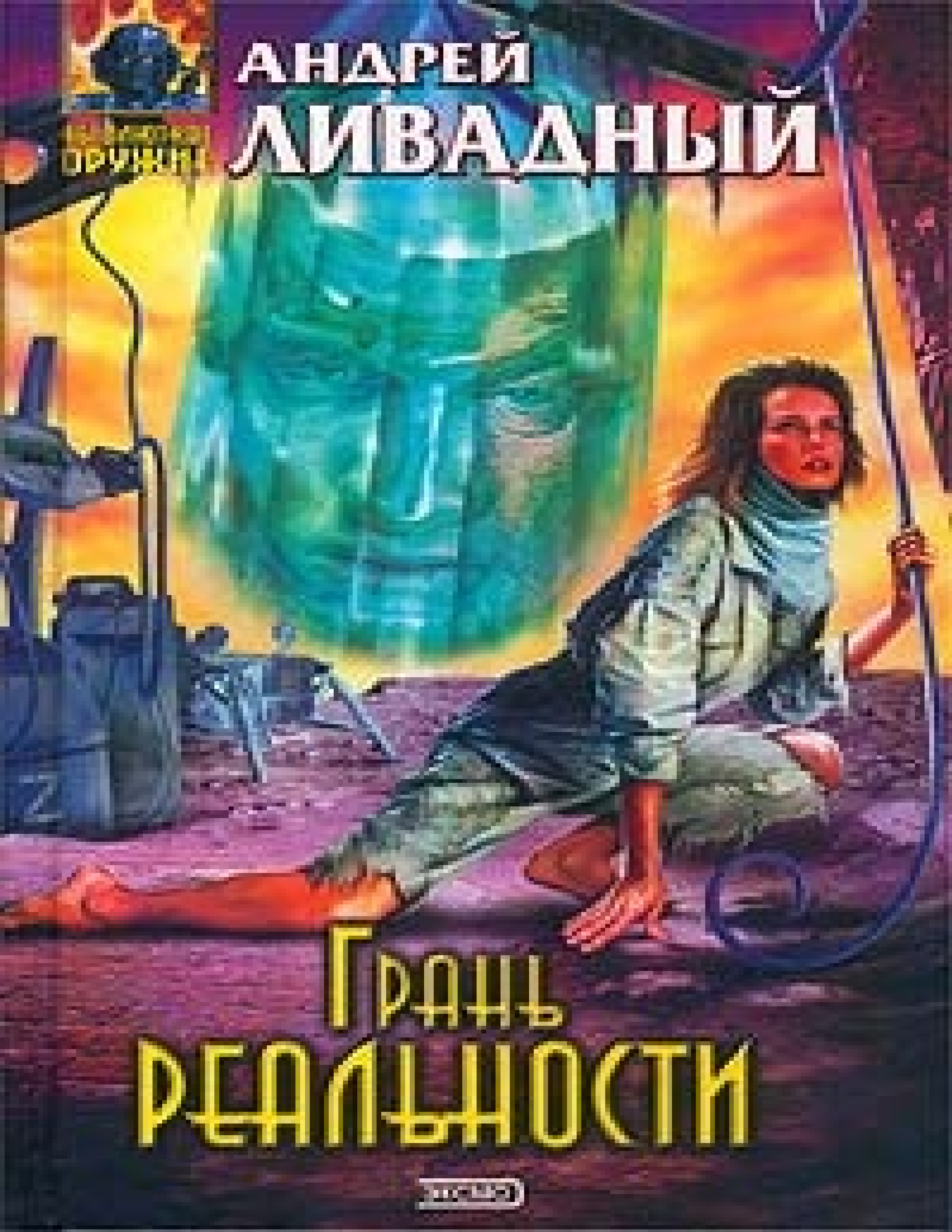

Андрей
Ливадный
Грань
реальности
Эксмо

Annotation

3820 год.

Попытка расы Харамминов разобщить человечество, привела к реанимации древнейшей сверхмашины Логриан — так называемого «Логриса». Вместе с пробуждением древних технологий для людей открылась перспектива виртуального бессмертия. Однако никто не мог с уверенностью сказать чем обернется «жизнь после смерти». Ответ на этот вопрос смог дать Кристофер Раули — первый человек, сумевший вернуться из Логриса.

Андрей Ливадный Грань реальности

ПРОЛОГ

Планета Гефест.
Одна из обезлюдевших промышленных колоний сектора Окраины…

Место, забытое богом и уже проклятое людьми. Фрагмент изуродованной реальности с куцей историей… частность, маленький эпизод колониальной поступи человечества, настолько ничтожный, что о нем мало кто знал вне круга заинтересованных лиц.

А заинтересованных в данный момент было всего двое: тучный, обезображенный неизлечимым недугом старик и молодой человек лет двадцати пяти, нагловатый, уверенный в себе и оттого – спокойный.

– Господин Раули, думаю, что торг здесь неуместен, – произнес молодой, продолжая начатый разговор. – Вы сильно преувеличили, назвав этот плевок всевышнего громким термином «колония».

– Миллионы квадратных километров освоенных территорий – это, по-вашему, чей-то плевок? – раздраженно переспросил старик, разглядывающий пустынные пейзажи, простирающиеся за панорамным окном офиса.

– А где люди? Куда подевалось население?

Раули пожал плечами:

– Людей тут, как видите, нет, господин Столетов. Последняя крыса бежала с тонущего корабля пятьдесят лет назад, когда все нефтяные скважины иссякли.

– В таком случае, что вы намерены мне предложить?

– Пространство. Огромное пространство, законсервированные климатические станции, массу органики, которая покрывает дно этой котловины. Инфраструктуру дорог, наконец. Завезите сюда людей, восстановите контроль локальной климатической зоны, и все вернется на круги своя. Недавно здесь обнаружены месторождения металлов, а если отправить поисковые партии дальше, за пределы горных хребтов, то на вулканических равнинах…

– Тем не менее, платить подобную цену за пустые земли, отравленную атмосферу и ржавую технику я не собираюсь, – грубо оборвал его монолог Столетов.

Кристофер Раули мысленно усмехнулся.

Малыш просто не знал, с кем имеет дело.

Посмотрев на безобразно потолстевшего старика, действительно трудно было представить, что он тоже был когда-то таким: молодым, уверенным в себе, энергичным и поклоняющимся одному богу – силе.

Теперь все круто изменилось. Прожитая жизнь незримо стояла за спиной, она обезобразила не только тело, но и душу.

– А я больше не могу играть со своей судьбой, – негромко произнес старик, не оборачиваясь, по-прежнему глядя сквозь огромное окно на желто-серую поверхность Гефеста. – Я неизлечимо болен, и мне нужен *Логр*. Вы привезли его с собой?

– Да, – раздался за спиной Раули лаконичный ответ.

«Ну вот, малыш, значит, сделка состоится, – подумал Крис. – *Стал бы ты выполнять предварительные условия, раздобывать Логр и тащиться с ним за столько световых лет, не собираясь покупать недвижимость и предварительно не посмотрев данных по предлагаемому в обмен миру…»*

Логика Раули была безупречна, и потому он спокойно смотрел на серые скалы и желтый песок, пятнами проступающий среди пожухлой травы, которой заросли давно заброшенные сельскохозяйственные угодья.

Раньше, до прихода людей, здесь плескалось первобытное море.

Теперь же, по прошествии полутора веков с момента колонизации, от него остались лишь два солончаковых озера с непригодной для питья водой.

Кристофер смотрел на обезвоженный ландшафт, напоминающий творение художника-сюрреалиста, и не испытывал при этом никаких угрызений совести ни перед природой, ни перед людьми. Он прожил слишком долгую, насыщенную событиями жизнь, чтобы предаваться сейчас глупым, нерациональным чувствам.

Собственно говоря, лично он не имел прямого отношения к тем драматическим изменениям, которые претерпел данный участок планеты под прессингом колонизации.

Полтора столетия назад его прадед купил эти земли на диком и негостеприимном планетоиде, входящем в состав только что открытых миров Окраины, где в отличие от благопристойных, цивилизованных планет Конфедерации Солнц правили законы корпоративных интересов и коммерческой выгоды.

Экипаж разведывательного корабля, обнаруживший этот мир, после стандартного набора исследований не стал мудрствовать относительно названия.

Гефест. Это имя, заимствованное из мифологии древней Земли,

наиболее точно отражало сущность вновь открытого мира, который, подобно кузнице мифического персонажа, был озарен красноватым сиянием множества действующих вулканов. Его атмосфера, полная пепла и ядовитых испарений, не годилась для дыхания, материки лежали неровными пластами окаменевшей лавы, и только в одном месте исследователи обнаружили жизнь.

Посреди молодых (в геологическом понимании) горных хребтов лежало море.

Циклопическая котловина, расположенная на высоте семисот метров относительно лавовых равнин, была заполнена солоноватой, теплой водой, в которой на протяжении нескольких миллионов лет процветала примитивная органика.

Удивительный природный казус: вода и микроскопическая жизнь в окружении мертвых гор и горячих, огнедышащих равнин. Примитивные микроорганизмы безудержно плодились в мутных водах и так же быстро умирали, исполнив свой немудреный жизненный цикл. Их микроскопические тела, незримые и невесомые на первый взгляд, опускались на дно и отлагались на базальтовом ложе котловины миллионами тонн органических наслоений.

Часть из них, вместе с водами теплого моря, просачивалась глубже, сквозь трещины скального основания, заполняя скрытые каверны планетной коры, где из органических отложений под действием давления и высокой температуры недр на протяжении миллионов лет образовывалась нефть.

Уникальный мир контрастов, идеальная природная лаборатория для ученых, занимающихся планетной эволюцией, оказался востребован вовсе не в научных целях.

Колониальная администрация, базирующаяся на далеком Аллоре, была в тот период еще слишком слаба, чтобы оказывать сколь либо заметное влияние на процессы освоения новых планет.

Резиденция, выстроенная прадедом Раули, располагалась на обширном горном плато, некогда царившем над безбрежными водами чуждого человеку моря. Это был остров, плоский и неприветливый, с обрывистыми скалистыми берегами, которые постоянно облизывал мутный, пенный прибой. В глубинах моря таилась не познанная экзобиологами примитивная жизнь, но она мало волновала владельца новоиспеченной колонии. Он приобрел этот участок чуждого мира исключительно из экономических соображений и не собирался проводить тут научные эксперименты. Прадеда интересовали нефть и способы ее

эффективной добычи.

Первый корабль, совершивший посадку на остров, доставил на своем борту специалистов по горнопроходческим и взрывным работам. Горные инженеры произвели разведку и достаточно быстро нашли тонкое место в обрамляющих водные просторы скальных массивах. Там излишек морских вод низвергался вниз чередой великолепных горячих водопадов, память о которых осталась теперь лишь на электронных снимках, сделанных в ту далекую пору. Взрывотехники превратили ограниченный сток в глубокое ущелье, через которое морские воды с ревом устремились вниз, низвергаясь на бесплодные, раскаленные внутренним жаром вулканические равнины.

Кристофер не мог осуждать прадеда, который варварски осушил море, оставив в котловине лишь минимум воды, необходимый для поддержания микроклимата. Наверное, на его месте он сам поступил бы так же. Море ушло, обнажив огромные пространства, покрытые многометровым слоем органических отложений. В тех местах, где морские глубины превышали двухсотметровую отметку, осталось два мутных заиленных озера, существующих и по сей день.

Обнажившееся дно, покрытое мощным слоем органических отложений, быстро высохло, превратившись из топкой грязи, над которой курилось марево зловонных испарений, в безобразные, сетчатые от трещин просторы, куда спустя полгода после посадки космического корабля выползли первые автоматические почвоукладчики.

Оставшаяся на месте морских просторов котловина, окруженная со всех сторон горными хребтами, была быстро и бесхитростно адаптирована к нуждам человека – все чуждое унес мутный поток безвозвратно изринутых вод, а почвоукладчики и автоматические станции контроля климата завершили процесс, превратив обнажившееся морское ложе в пригодные для строительства и земледелия пространства.

На добрую сотню лет в котловине воцарился мягкий микроклимат. Над ней незримо возвышался купол электромагнитной защиты, под которым клубились облака; спокойные, предсказуемые ветра гнали их по замкнутому кругу вдоль периметра горных хребтов, периодические дожди орошали сельскохозяйственные угодья, а буровые вышки, щедро разбросанные по природным месторождениям нефти, гнали неиссякаемый поток «черного золота» к двум перерабатывающим комплексам.

При жизни прадеда тут буйно расцвела жизнь, но в любом мире, как известно, за все нужно платить, и период процветания, основанный на бездумной эксплуатации недр, тоже не мог длиться вечно.

Формально Кристофер Раули вступил в права наследства десять лет назад, когда микроклимат котловины уже давно и необратимо нарушился. Два озера, оставшиеся на месте морских глубин, быстро пересыхали, а их вода, перенасыщенная соляными растворами, не годилась даже для промышленного употребления. Нефтяные скважины за полтора столетия эксплуатации исчерпали ресурс недр. Запасы нефти оказались не столь велики, как прогнозировали данные разведки, и поэтому дела в колонии шли неважно уже полвека назад, когда молодой Кристофер покидал отчий дом. Теперь его взгляду предстала совсем не та картина, которая врезалась в память ребенка: город, разросшийся на дне котловины, давно разрушился и опустел, электромагнитное поле больше не отгораживало атмосферу покинутой колонии от агрессивной воздушной среды Гефеста, а вся техника, брошенная тут, постепенно превращалась в груды металла, годного разве что для переплавки.

Отец Кристофера, Вениамин Раули, прежде чем передать бразды правления в руки старшего из наследников, успел сделать несколько шагов в сторону спасения единственного поселения планеты: он установил дополнительные станции климатического контроля, построил завод для химической очистки воды и попытался полностью компьютеризировать остатки нефтедобывающей отрасли, вбив бешеные деньги в приобретение для небольшой колонии собственной станции гиперсферной связи, соединив, таким образом, поселение Гефеста с общечеловеческой сетью Интерстар.

Последний шаг отца не казался Кристоферу разумным – зачем вымирающему поселению была нужна внепространственная связь на гиперсферных частотах, когда тут вскоре не осталось ни единой живой души?

…Он обернулся и посмотрел на молодого человека.

– Вы согласились на предварительные условия сделки, – произнес Кристофер. – Можете пояснить, что же вас смущает, господин Столетов?

Тот глотнул коньяку, предложенного хозяином, и кивнул, ставя бокал назад на низкий, покрытый слоем пыли стол.

– Проблема в станции ГЧ. Она не функционирует.

– Какого черта? При чем здесь ретранслятор гиперсферных частот? Речь шла о колонии – куске земли на поверхности планеты! – не скрывая раздражения, напомнил Раули.

– Да, но в документах указано, что для продажи выставлена «колония со всем эксплуатационным оборудованием», – процитировал Столетов. – Станция ГЧ фигурирует в списке приложения, – резонно напомнил он.

– Она не работает уже несколько десятилетий, пробурчал в ответ Кристофер. – На ее содержание нет денег.

– То есть ее оборудование исправно? – уточнил Столетов. – Это можно проверить?

– Теоретически, – ответил Раули, начиная понимать, что молодого человека интересует отнюдь не сама колония. «Что ж, станция ГЧ в денежном эквиваленте, наверное, сопоставима с одним супермощным, но чрезвычайно компактным компьютером расы логриан», – мысленно рассудил он.

– Это будет справедливая сделка, – озвучил Кристофер промелькнувшую в голове мысль, нарушая логику их разговора.

– В смысле? – переспросил Столетов, сразу же насторожившись.

– В смысле обоюдного риска, – позволил себе усмехнуться Крис. – Я не могу проверить справедливость утверждений, что *Логр* является устройством, гарантирующим жизнь после смерти, а вы, в свою очередь, сможете протестировать сервер сети Интерстар только после реактивации основных комплексов станции ГЧ. По-моему, я рискую больше, чем вы, Денис Андреевич.

Столетов посмотрел на него так, что у Раули вдруг возникло ощущение легкого озноба, прокравшегося вдоль позвоночника. Мальчик, судя по взгляду, был еще тот, даром, что Кристофер почувствовал в нем мертвую хватку молодого волка, только вступающего в пору своей зрелости, еще при первом, заочном знакомстве посредством сетевой видеосвязи.

– Я не нахожу это забавным, – произнес гость, откидываясь на спинку кресла.

– Я тоже. – Улыбка, за которой Раули машинально спрятал неприятно промелькнувшее чувство, стерлась с его обрюзгшего лица. – Нужно было четко обозначать свои истинные интересы, тогда недоразумений бы не возникло, – тоже оскалился он. – Мои дни сочтены, и у меня нет времени на торг. Отдавать себе отчет в том, что умираешь, – вещь малоприятная, можете поверить.

– Хочется жить? – иронично поинтересовался Столетов.

– Нет. – Раули нисколько не задел цинизм собеседника, – он сам был таким, пока старость не стерла его железного самоконтроля. – Хочется умереть, – лаконично ответил он. – Устал.

Они встретились взглядами и несколько секунд испытующе смотрели друг на друга.

Столетов не выдержал первым. Неизвестно, что он разглядел в

мутноватых, заплывших под припухшими веками глазах неизлечимо больного старика, но его рука потянулась к внутреннему карману.

– Ладно. – Он вытащил непрозрачную коробочку, какие обычно употребляют для упаковки ювелирных изделий, и поставил ее на стол. Легкое нажатие, и крышечка откинулась, обнажив утопленный в бархатную подкладку невзрачный, черный как смоль кристалл.

– Это и есть *Логр?*

– Да.

– Как я смогу им воспользоваться?

Столетов вытащил еще одну коробочку.

– Это адаптер, – пояснил он. – Вставляете в него *Логр*, и он станет совместим по размерам со стандартным гнездом кристаллопривода любого серийного компьютерного терминала.

– Затем?

– Затем остается вставить шунт нейросенсорного соединения в свой имплант – Столетов выразительно коснулся мягкой заглушки за своим правым ухом – и посидеть, расслабившись, минут пятнадцать… для верности можно полчаса. Вот и все.

– Так просто?

– Да.

– А что потом? – Раули заранее изучил процедуру, но привычка подстраховываться, производить, так сказать, контрольный выстрел при любых обстоятельствах не покидала его даже в эти дни, когда близкое, отвратительное дыхание смерти уже осенило его тело и разум.

– Транспортировка кристалла к миллиардам ему подобных, то есть в *Логрис*, – это уже ваша головная боль, – прямо ответил ему Столетов. – Можете нанять человека, можете воспользоваться услугами проверенных фирм, занимающихся межзвездной перевозкой такого рода.

– Разве доступ к *Логрису* так прост? – перебил его Раули.

Столетов неприязненно посмотрел на него.

– Не морочьте мне голову, – резко ответил он. – Думаю, вы не из тех, кто играет вслепую, особенно когда ставки задраны на уровень жизни и смерти. У вас уже есть канал доставки, или я не прав?

Кристофер позволил себе усмехнуться.

– Да, – кивнул он.

– Тогда не станем тратить время. Забирайте кристалл и подписывайте бумаги.

Часть I. ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Глава 1

Планета Элио.
Здание штаб-квартиры Конфедерации Солнц.
Кабинет начальника отдела внешней разведки…

– Молодец, Денис. Чисто провел операцию.

Столетов молча выслушал похвалу, подумав при этом, что сработать было нетрудно, старик действительно умирал, и его стремление любой ценой получить в свои руки артефакт древней расы до неприличия упрощало задание.

Полковник Грин посмотрел на подчиненного.

– Капитан, нам предстоит длительная командировка, – произнес он.

– Что-то серьезное? – Глаза Дениса оставались спокойными и бесцветными. Грин хорошо знал Столетова и понимал, что капитан сейчас напряженно ждет, даже не пытаясь угадать, в какую мясорубку кинут его на сей раз. Служба в отделе внешней разведки предполагала самый широкий спектр неожиданно возникающих проблем.

– Не напрягайся. – Грин сцепил пальцы рук в замок, вспоминая свой недавний разговор с непосредственным начальством, и вдруг понял, что последняя фраза, оброненная перед капитаном, попахивала ложью самоуспокоения.

На самом деле предстоящее задание обещало гораздо больше трудностей, чем любая иная спецоперация…

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Три миллиона лет назад, когда люди на Земле еще пребывали в святом неведении палеолита, в спиральном рукаве Галактики существовали четыре разумные расы, соседствующие друг с другом и успешно осваивающие космическое пространство.

По мере продвижения человечества в глубокий космос первыми были открыты и изучены артефакты расы ластоногих существ, обитавших в водной среде и потому получивших название «дельфоны». Затем были обнаружены древние постройки и остаточные поселения инсектов, за ними последовало открытие расы логриан – загадочных двухголовых ксеноморфов, и, наконец, последними, с кем столкнулись люди на пути

своей экспансии в глубь спирального рукава Галактики, оказались голубокожие харамміны – наиболее близкий нам по строению, гуманоидный вид разумных существ.

Однако, рассматривая события древнейшей истории, нужно заметить, что, кроме упомянутых рас, на огромной мизансцене миллионнолетней давности присутствовала еще одна сила, не наделенная таким качеством, как разум.

Это были Предтечи – космическая форма примитивной жизни, – которые однажды появились из глубин туманности Ориона и начали свою опустошительную миграцию в направлении галактического центра.

Эта миграция сыграла катастрофическую роль в судьбе древних рас, а ее отголоски спустя три миллиона лет коснулись и человечества, хотя сами орды амебоподобных созданий давно исчезли, канули в Лету.

Доподлинно известно несколько основополагающих факторов масштабной трагедии, разыгравшейся три миллиона лет назад в объеме пространства, который известен сегодня под названием «Рукав Пустоты».

Предтечи, чья истинная сущность до сих пор вызывает споры и разногласия, вели себя как неразумное, всепожирающее сонмище мигрирующих животных. Каждая отдельно взятая особь представляла собой аморфную массу, заключенную в кокон электромагнитного поля, и казалась неопасной, но в совокупности они составляли страшную, всепожирающую силу, с которой нельзя договориться и которую невозможно остановить. Предтеч насчитывались миллиарды, они медленно перемещались от одной звездной системы к другой, питаясь любым доступным веществом, начиная от межзвездной газопылевой смеси и заканчивая непосредственно небесными телами, такими, как метеоры, астероиды, луны и планеты.

Путь их миграции пролегал через космическое пространство, освоенное инсектами, логрианами и дельфонами. Скопление звезд, в котором непосредственно развивалась цивилизация хараммінов, лежало в стороне от гибельного курса предтеч.

Трудно описать истинные масштабы трагедии, разыгравшейся три миллиона лет назад и длившейся не одно тысячелетие. Три древние расы, планеты которых оказались на пути неразумных орд, по-разному отреагировали на неминуемо надвигающуюся угрозу. Инсекты и логриане предпочли сняться с места и мигрировать, дельфоны сделать этого не смогли: средой обитания ластоногих существ являлся океан, и в их распоряжении не оказалось миров, полностью или частично покрытых водой, куда можно было отступить или же вторгнуться под неумолимым

прессингом медленно перемещающихся в пространстве орд амебоподобных созданий, сеющих опустошение и смерть.

В этих условиях дельфонам не оставалось ничего иного, как вступить в борьбу с ними. Пытаясь сбить мигрирующие сонмища с гибельного курса, они взрывали звезды, пережигая в этих катастрофических вспышках миллиарды Предтеч, но те безудержно размножались, восполняя потери, и продолжали свою опустошительную, неторопливую миграцию.

Цивилизация дельфонов исчезла, а на месте взорванных ими звезд образовался печально известный Рукав Пустоты – полоса чернильного мрака, протянувшаяся на сотни световых лет, где до сих пор блуждают сорванные со своих орбит, опаленные неистовым огнем планетоиды – осиротевшие скитальцы, пережившие гибель своих солнц…

Цивилизация дельфонов не смогла остановить гибельную миграцию примитивных космических существ, но как в таком случае сложилась судьба инсектов и логриан, которые не принимали участия в титанической борьбе?

На сегодняшний день известно, что ни одна из рас древности не изобрела гиперпривод, по крайней мере в таком виде, как его создали люди, потому космические корабли логриан и инсектов были ограничены в скорости перемещения и радиусе возможного полета. Впереди уже гибли планеты дельфонов, и в сложившейся ситуации ближайшим убежищем для беглецов могло послужить только скопление звезд, освоенное харамминами.

Цивилизация голубокожих гуманоидов к тому моменту плотно заселяла пригодные для жизни системы скопления, но тем не менее три миллиона лет назад хараммины повели себя мудро: избегая полномасштабной войны, они приняли в границы освоенного ими пространства две беглые расы – инсектов и логриан, на неравных правах, разумеется. Их цивилизация впитала все лучшее, что смогли дать им беглые народы, – в частности, от инсектов они получили технологию постройки Сферы Дайсона, а от логриан – их сверхмощные компьютеры, заключенные в оболочку умещающегося на ладони кристалла.

Такой кристалл носил название «*Логр*».

Раса двухголовых ксеноморфов разработала их, изучая проблему бессмертия личности.

Миллионы подобных кристаллов, соединенные «месте, образовывали так называемый *Логрис* – древний аналог современной межзвездной сети Интерстар. *Логрис* отличался от человеческого единения сетевых машин прежде всего тем, что объединял не удаленные миры, а усопшие личности.

Это была виртуальная Вселенная, куда уходил разум каждого почившего в бозе логрианина. Первым и безусловным правилом *Логриса*, которое двухголовые ксеноморфы вывели на основе собственного горького опыта, являлся постулат о необратимости смерти. Ни одна личность не могла быть возвращена из *Логриса* в мир реальный. Реинкарнация на биологический носитель исключалась, но данный запрет носил исключительно моральную окраску и не имел ничего общего с технической стороной вопроса.

Тем временем миграция Предтеч продолжалась, их вихрь медленно перемещался вдоль границ шарового скопления звезд, и реальная опасность вторжения побудила хfamminов к действиям.

Пользуясь техническими достижениями логриан, они решились на адекватный угрозе шаг: скрыть раздражающий свет звезд, ориентируясь на который двигались предтечи, спрятать родные светила за непроницаемой вуалью гравитационного искривления метрики пространства, для чего по периферии скопления были установлены искусственные источники тяготения. Удаленные от пограничных солнц, они заставляли световые волны плавно поворачивать, пока те не искривлялись настолько, что начинали скользить по границам незримой сферы.

Со стороны казалось, что в данном месте зияет чудовищный провал пустоты, дополняющий собой печально известный Рукав, где действительно отсутствовали звезды…

…Минуло три миллиона лет.

На Земле прошли исторические эпохи, человечество вышло в околопланетное пространство, а затем и в глубокий космос, не подозревая, что на его пути, в скрытом вуалью забвения скоплении звезд, варятся в собственном соку три древние расы, давно утратившие реальное представление об истинной структуре Вселенной.

Хараммины, перенявшие у двухголовых ксеноморфов технологию *Логра*, но презревшие его основной этический принцип, превратились за это время в горстку правящих Бессмертных – так называемую Квоту.

Раз за разом возрождаясь в клонированных телах, их души за три миллиона лет прошли собственную эволюцию, которая в конечном итоге сделала их обладателей равнодушными, циничными, презирающими всех и вся…

Когда в границах скопления появился первый человеческий корабль, случайно прорвавший Вуаль искривленной метрики, для анклава харамминов, измельчавшего к тому времени до размеров небольшого

планетного поселения, факт «вторжения» новой расы явился настоящим шоком.

Уничтожив пришельцев, они впервые за прошедшую бездну лет обратили свой взгляд за пределы подконтрольного им скопления звезд и… ужаснулись.

У их «порога» бился временно остановленный Рукавом Пустоты неукротимый прибой человеческой экспансии.

Они увидели существ молодых, энергичных, чьи технологии внушали невольный трепет: гиперпривод позволял космическим кораблям новой цивилизации преодолевать сотни световых лет, разделяющих их колонии; машины людей видоизменяли биосферы планет, подгоняя их под эталон далекой прародины, боевая техника ужасала своей потенциальной мощью… В новой цивилизации хараммины увидели себя, как в зеркале… Они действительно были похожи на людей и могли бы пройти подобный путь развития, не закупорься их предки в свое время в границах шарового скопления звезд…

Для Квоты Бессмертных внезапно возродился призрак их судного дня. Растеряв в миллионнолетней стагнации большинство технологий, утратив саму идею экспансии, они поняли, что будут бессильны противостоять людям, как только произойдет широкомасштабный прорыв Вуали.

Они не строили иллюзий – для этого разум харамминов был слишком стар, опытен и циничен. Наблюдая за людьми, они все отчетливее понимали, что их никто не станет ни завоевывать, ни терпеть. Люди рано или поздно пройдут сквозь гравитационное искривление, но не с целью завоевания… нет, просто развивая собственную экспансию, продолжая поступательное движение вперед, временно остановившееся у черного провала мнимой пустоты. И данного факта будет достаточно для кончины Квоты как таковой. Миры инсектов и логриан, изнывающие под бременем перенаселения и уже фактически неподконтрольные своим прежним хозяевам, тут же «взорвутся»…

Единственной возможностью сохранить статус-кво, по логике харамминов, было нанесение превентивного удара по человечеству, который отшвырнул бы молодую цивилизацию назад, столкнув ее на путь регресса.

Но как осуществить подобную акцию, не имея ни армии, ни сопоставимых по мощи технологий, ни космического флота?

Это был трудный вопрос, однако Бессмертные из числа Квоты не зря кичились своим титулом. Хоть их и насчитывалось всего несколько тысяч, но за плечами каждого лежал опыт миллионов лет существования.

Они умели ждать, в очередной раз уповая на вечность, как на своего верного союзника… и не напрасно.

Наблюдая за сложной политической и экономической борьбой колонизированных людьми миров, хараммины быстро заметили разобщенность отдельных планет, нашли в этом слабину и, развивая мысль о превентивном ударе, обратили свой взор на технические достижения людей.

Сеть Интерстар, опутывающая звезды и позволяющая осуществлять мгновенную связь между мирами на гиперсферных частотах, показалась им наиболее уязвимой составляющей могущества молодой цивилизации. Гиперсферные маяки, без которых невозможна навигация в аномалии космоса, базировались на тех же мощностях, что и сама сеть, – каждая планета имела свою станцию Гиперсферной Частоты, но воедино их связывал единственный центральный узел, расположенный на орбитах планеты Элио, – столицы существовавшей на тот момент Конфедерации Солнц.

Функции Элианского узла не были продублированы в силу исторических причин. Именно отсюда начала свое развитие межзвездная компьютерная сеть Интерстар, и каждая новая планета, входящая в состав Конфедерации, просто подключала свою станцию ГЧ к центральному узлу. Такая монополия, естественно, являлась порочной, ненадежной практикой, но тут вступали в силу политические и экономические особенности развития самого человечества и Конфедерации в частности: военных и политиков устраивал статус планеты Элио как столицы всех человеческих миров, и они старались всячески поддержать его, в том числе используя монополию на межзвездную связь.

Никто не думал, что за разросшимся сообществом человеческих миров вот уже несколько десятилетий кряду наблюдают холодные, оценивающие глаза.

Хараммины действовали спокойно, расчетливо и методично.

Первый шок от случайного вторжения прошел, повторного прорыва Вуали не произошло, и это позволило хараминам освоиться, начать глубокое изучение новой цивилизации, получить образцы человеческих технологий, а вкупе с ними… и доступ в сеть Интерстар!

В тот роковой миг, когда чужие проникли в общечеловеческую кибернетическую сеть, великий, неколебимый принцип безграничной свободы и анонимности виртуального пространства стал работать против своих создателей.

Пользуясь этим действенным принципом, хараммины смогли не

только постичь «изнутри» психологию новой расы, но и восполнить, свой упадок технологий, закупая через сеть самые современные и смертоносные образчики человеческих вооружений.

Великий нонсенс, который уже не раз и не два подводил цивилизацию к роковой черте еще со времен давно позабытой сети Интернет, которая когда-то, до выхода человечества в дальний космос, существовала на планете Земля и анонимностью которой успешно пользовались древние террористические организации далекой прародины…

Некоторые ошибки мы склонны повторять вновь и вновь…

Хараммины не действовали вслепую. Они ждали своего часа, наблюдая за медленным упадком, а затем – за развалом Конфедерации Солнц, не выдержавшей прессинга со стороны молодых промышленных миров Окраины, которые жаждали планетных суверенитетов. Военно-космический флот Совета Безопасности Миров подвергался жесточайшей критике, Окраина реально грозила взорваться, инициировав третью галактическую войну, и старая Конфедерация не выдержала многолетнего прессинга, объявила, наконец, о самороспуске и консервации интернационального космического флота. Каждая из планет теперь получала право на полное самоопределение и могла владеть своим собственным космическим флотом, но до реального создания таких сил должны были пройти как минимум десятилетия.

Проникновение в сеть Интерстар предоставило хараммичам великолепную возможность для подготовки операции. Действуя, как анонимные клиенты, они закупали через виртуальные каналы не только технику и вооружение, но и информацию. Спрос всегда рождает предложение, и из сотен тысяч оставшихся не у дел бывших офицеров самораспустившейся Конфедерации Солнц нашлись те, кто продал чужакам необходимые данные, начиная от подробной схемы орбитальной обороны Элио и заканчивая кодами доступа к законсервированным компьютерам генерального штаба Совета Безопасности миров, который прекратил свою деятельность вместе с распадом звездного сообщества.

Планируя вторжение, хараммины учли, что после распада Конфедерации Солнц у людей более не стало единого космического флота и централизованного командования силами самообороны планет – то есть настал самый удобный момент для нанесения удара.

Оставалось лишь разрушить сеть Интерстар, и тогда каждая, отдельно взятая планета, лишившись связи на гиперсферных частотах, автоматически попадала в полную изоляцию и становилась легкой добычей для сил «второй волны», которую хараммины намеревались сформировать

из инсектов, просто указав правителям похожих на муравейники перенаселенных миров своего скопления на новые планеты, подлежащие захвату и колонизации.

Все было рассчитано до мелочей. В процессе изучения структуры сети Интерстар и психологии людей хараммины, планируя превентивный удар, сделали безошибочную ставку на внезапность нападения и разобщенность человеческих миров. Казалось, что в миг, когда первая ракета, пробив орбитальный заслон, взломала обшивку одной из семи узловых станций ГЧ, расположенных на орбитах Элио, все шансы человечества на выживание как независимой, экспансивной расы были сведены к нулю.

Атаку на Элио развивали всего два крейсера, захваченные хараамминами в разное время и укомплектованные экипажами из инсектов. Сами по себе корабли не представляли особо грозной силы, но атака на Элианские станции ГЧ и разрушение центрального сервера Интерстар тут же повлекли за собой непоправимые последствия. В одно мгновение рухнула вся инфраструктура межзвездной связи, отключились не только виртуальные каналы передачи данных, но и связанные с ними подпространственные навигационные маяки.

Человечество оказалось раздроблено, каждая отдельно взятая планета буквально ослепла и оглохла. Сотни световых лет, разделяющих человеческие миры, вдруг стали *реальностью*, такой же неодолимой, как это было в эпоху первых слепых рывков начала экспансии.

Не было средства, чтобы подать сигнал оповещения, не было и космического флота, чтобы противостоять полномасштабной агрессии хотя бы в рамках атакованной планеты Элио, не было информации о противнике, а когда на старто-посадочные поля Раворградского космопорта опустились «Нибелунги» – челночные носители, специально разработанные для доставки на планеты боевых серв-соединений, то у немногочисленного персонала диспетчерской смены исчезла всякая надежда на спасение…

Из черных провалов открывшихся рамп на стеклобетон посадочных полей ступили грозные шагающие боевые машины. В качестве пехотной поддержки их окружали не фигурки космических десантников, а страшные силуэты ксеноморфов!..

Это было вторжение *чуждой расы!..*

Наступил самый страшный день за всю новейшую историю цивилизации.

Сотни человеческих миров оказались расколоты, разобщены одним

варварским и точно продуманным ударом. Уже рухнуло самое слабое звено – прекратилась связь на гиперсферных частотах. Далее, по замыслу противника, следовал удар в самое сердце недавнего человеческого единства: захват штаб-квартиры Совета Безопасности Миров автоматически привел бы к непоправимым последствиям. Нападающие раздобыли коды доступа к центральному компьютеру генштаба, и в случае успеха в руки хfamминов попадала вся мощь законсервированной боевой техники бывшего звездного сообщества. Но до заветных бункеров, расположенных под площадью, над которой трепетали на ветру флаги двухсот семнадцати планет, им не дали дойти…

Драматические события на Элио, по сути спасшие человечество от разгрома, окончились плачевно для самих харамминов – их силы вторжения были разбиты ценой огромных потерь среди гражданского населения Раворграда… Далее последовало знаменитое сражение в Сфере Дайсона, прорыв Вуали и дерзкий рейд нескольких боевых кораблей на планету Бессмертных, в ходе которого была уничтожена Квота и обнаружено неизвестное шаровое скопление звезд.

Спустя несколько суток после атаки на планету харамминов был установлен контакт с современными обитателями скопления – цивилизациями инсектов и логриан, до тех пор считавшихся вымершими.

Они, не желая войны, охотно пошли на сотрудничество, не понимая того, что перед ними не полномочные представители человечества, а лишь горстка случайно избранных судьбой людей, *вынужденных* принимать далеко идущие решения, разговаривая от имени цивилизации… Но кто мог предсказать реакцию отдельных планет и мелких союзов на договоренности, достигнутые с иными расами? В отсутствие связи на гиперсферных частотах моральному бремени этих людей трудно было позавидовать.

Хараммины действительно раздробили человечество. Мгновенный информационный вакуум сделал обитаемые миры далекими и недоступными. В состоявшемся факте был заключен страшный урок, наказание за беспечность, но ничего уже нельзя было исправить.

В эти трагические дни и вызрело решение, показавшееся единственной соломинкой, за которую стоило ухватиться. После контакта с двумя древними расами стало ясно, что обнаруженные незадолго до трагических событий артефакты, а именно: миллионы кристаллов, найденных рудодобывающим комплексом «Спейсстоун» в глубинах Рукава Пустоты, среди разрушенных циклопических сооружений, являются не чем иным, как фрагментами того самого *Логриса* – мифической электронной

машины расы двухголовых ксеноморфов.

Логриане, вступившие в контакт с представителями человечества, опознали эти останки как разрозненные, но функциональные компоненты утраченного в период миграции Предтеч *Логриса*.

Анализ структуры парящих в космосе кристаллов, каждый из которых представлял собой мощнейший мини-компьютер, показал, что, собранные вместе, они по совокупности своих вычислительных ресурсов могут тысячекратно восполнить утрату Элианского компьютерного узла, вновь соединив человеческие миры в сеть Интерстар…

Для этого нужно было всего лишь собрать рассеянные в пространстве *Логры*, реанимировав тем самым древнюю машину иной расы, и подключить к ней передатчики гиперсферных частот.

Технически все выглядело просто, но от людей, поставленных в безвыходные условия, требовалось изрядное мужество, чтобы пойти на такой эксперимент, – после миллионов лет забвения уже никто не мог поручиться, что воссозданный *Логрис* будет управляемым…

Однако иного выхода не нашлось, и *Логрис*, миллионы лет назад раздробленный на отдельные кристаллические фрагменты, был восстановлен в мертвых глубинах Рукава Пустоты.

Риск оказался оправданным: горстка людей, победившая в нескольких скоротечных схватках с захватчиками, стала свидетелем необыкновенной гибкости древних технологий, когда вновь образованный в пространстве кристаллический смерч легко адаптировался к подключенным к нему приемопередающим устройствам, разработанным людьми, и сеть Интерстар, чей глобальный сбой вызвал хаос на двухстах семнадцати человеческих мирах, внезапно ожила. *Логрис*, как и предполагалось, проводил по своим кристаллам информационные потоки, не искажая их, и уже через несколько дней отдельные планеты обитаемой Галактики смогли вновь услышать друг друга…

Кристаллический смерч, окруженный демонтированными с космических кораблей приемопередающими устройствами гиперсферных сигналов, вращался в абсолютном мраке Рукава, и казалось, что информационная целостность Человечества восстановлена, но люди, ответственные за реанимацию древней машины, понимали, что данный успех может оказаться временным, а дальнейшие события, учитывая разобщенность цивилизации, способны привести к новым, непредсказуемым конфликтам и потерям.

Нужно было воспользоваться моментом и восстановить Конфедерацию Солнц, чтобы скрепить созданный союз трех рас,

инициировав тем самым новый виток в истории обитаемой Галактики…

Планета Элио.
За несколько месяцев до смерти Кристофера Раули…

Начало событиям, которые привели капитана Столетова на Гефест, где состоялась его сделка с Кристофером Раули, было положено ранним праздничным утром, в день, когда вся обитаемая Галактика отмечала десятилетнюю годовщину со дня новообразования Конфедерации Солнц.

Звонок мобильного коммуникатора раздался внезапно, но полковник Грин встал в этот день рано, намереваясь отправиться в город, и поэтому сразу ответил на вызов.

Голос в трубке был знаком.

– Слушаю, господин генерал. – Он сразу понял, что про любые планы, построенные на сегодняшний день, можно прочно забыть.

– Александр, я бы хотел тебя видеть, – подтверждая его опасения, произнес Белов.

– Да, сэр. Когда и где? – Грин не задавал лишних вопросов, когда речь шла о службе.

– Собирайся и приезжай ко мне в загородную резиденцию. Сегодня тут относительно безлюдно, так что сможем спокойно потолковать. Рыбалку любишь, полковник?

– Нет, сэр.

– Отлично, – неизвестно чему порадовался голос в трубке. – Я буду ждать тебя. Охрана проводит.

В мобильном коммуникаторе запищал частый сигнал отбоя.

* * *

В загородной резиденции, которую ведомство контрразведки снимало для своих сотрудников в полусотне километров от столицы Элио Раворграда, этим утром действительно царил сонный покой.

Полковник Грин хорошо понимал, что означает столь неурочный вызов. Ему собирались дать задание, но не стоило заранее ломать голову – какое именно.

Надев гражданский костюм, он взял из подземного гаража личную машину и через десять минут уже выехал на окружную трассу, которая шла вдоль маслянистых вод залива Эйкон, мимо памятника, установленного на

месте посадки колониального транспорта «Кривич» и пламенеющих над водной гладью могучих растительных великанов Раворов, к окружающей мегаполис лесопарковой зоне.

Свернув с кольцевой дороги, он провел машину по спиральному спуску многоуровневой развязки и углубился во влажный сумрак лесного массива, следуя по узкому асфальтированному шоссе, которое оканчивалось тупиком парковочной площадки, перед комплексом одно-двухэтажных зданий, в живописном беспорядке разбросанных в тенистой тиши могучих древесных крон.

* * *

Генерала он нашел сидящим в раскладном кресле на шатких деревянных мостках, уходивших от края обрывистого берега безымянной лесной речушки, вдаваясь на несколько метров в спокойную, похожую на мутное зеркало водную гладь искусственно созданной запруды. Под сенью деревьев, несмотря на солнечное утро, царил влажный полумрак.

– Садись, Александр, – полуобернувшись, пригласил его Белов, указывая на второе кресло, стоявшее тут же на краю мостков.

– Доброе утро, Петр Алексеевич.

– Доброе… – Генерал произнес это слово так, словно разжевывал его, предварительно пробуя на вкус. Он был сед как лунь, и неудивительно, что сзади его легко можно было принять за старика-пенсионера, коротающего свои дни в занятии рыбалкой. Белову в этом году исполнилось шестьдесят, а бремя забот, которое он нес вот уже десять лет кряду, добавило к возрасту немало своих неумолимых штрихов.

Грин присел в кресло, покосившись на короткое удилище в руках генерала.

«Что это, дань привычке конспирировать свои встречи, истинное увлечение или простая хандра?» – невольно спросил себя он. В день Конфедерации Солнц видеть сгорбленную спину генерала, который десять лет назад в нескольких километрах отсюда с горсткой безумцев остановил вторжение иной цивилизации, было, как минимум, странно…

Сам Грин являлся уроженцем другой планеты – Кьюига, а на Элио прилетел позже, спустя год после неудавшегося вторжения харамминов, однако он до сих пор не мог забыть потрясения, которое испытал, глядя на уродливый, трудно зарастающий шрам, располосовавший тело города. Исполинская, обугленная просека шла от основания мегаполиса к его

центру, разрубая массивы зданий на ширину в несколько кварталов, и жуткое впечатление от увиденного осталось в его душе на всю жизнь.

Это был путь, по которому боевые шагающие машины противника, внезапно обрушившиеся на столицу Элио, рвались к самому сердцу города, где располагалась штаб-квартира Совета Безопасности Миров.

Чужаков остановили в полукилометре от площади ценой множества жизней. Остановили, несмотря на полный развал военной машины, оставшейся от прошлой Конфедерации Солнц, несмотря на внезапность нападения и отсутствие на планете сколь-либо боеспособных воинских формирований.

Белов являлся одним из тех, кто сражался с харамминами, – это полковник знал точно. «Казалось бы, годовщина победы должна стать его праздником, размышлял Грин, глядя на старика, – так почему же он вызвал меня именно сегодня, а сам сидит, сгорбившись, на шатких мостках, с этой нелепой удочкой в руках?!» Очевидно, ему не удалось скрыть свое недоумение.

– Думаешь, у меня крыша поехала от старости? – покосившись на полковника, спросил Белов, перезакидывая удочку так, чтобы ярко-красный поплавок оказался подальше от берега.

Грин тактично промолчал. Тянуться в струнку было глупо, а отвечать невпопад – тем более.

– Ладно. Сейчас объясню. – Белов обернулся к столику, на котором стояла початая пластиковая бутылка без этикетки и красовалась на разовых тарелках нехитрая закуска. Протянув руку, он взял один из двух уже наполненных заранее стаканчиков и сказал: – Расслабься, полковник. С головой у меня все в порядке. Давай… за тех, кто погиб, в тот день…

Сделав глоток, Грин задохнулся, но, поборов спазм, все же допил.

Белов, насмешливо глядя на него, шумно выдохнул, потянулся за тонко нарезанным хлебом, но закусывать не стал, только понюхал горбушку и положил на тарелку перед собой.

Александр не решился на подобный подвиг.

– Водка, полковник. Самый древний напиток, – скупо пояснил генерал. – Больше не налью, если слезу вышибает. Мне твои мозги нужны трезвыми.

От города в этот миг внезапно донеслись тугие, ритмичные, тревожащие слух хлопки. Это началось запланированное заранее показное выступление серв-соединений. Действие, чей отзвук долетел до глубин окаймляющего город лесного массива, разворачивалось на специально оборудованных для этого равнинах старто-посадочных полей космопорта,

где по историческому сценарию в данный момент высаживались механизированные соединения противника, едва не поставившие десять лет назад жирную точку в человеческой истории.

Белов, прислушиваясь к отдаленному гулу канонады, посмотрел на Грина и внезапно произнес, кивнув на скупо сервированный стол:

– Пир во время чумы…

Грин удивленно приподнял бровь.

– Не шевели ушами, полковник, я знаю, что говорю, – произнес Белов и покосился на поплавок, безжизненно застывший на ровной, как мутное стекло, глади небольшой запруды.

Со стороны космопорта опять донесся грохот…

* * *

Полковник Грин прекрасно представлял, что творится сейчас на специально оборудованном демонстрационном поле.

…Стих рев планетарных двигателей челночных кораблей. Их обшивка дышала жаром; в наступившей тишине был слышен треск остывающих пластин брони, а спустя несколько мгновений, перекрывая эти звуки, нервно взвизгнули приводы открывающихся десантных рамп.

В сумеречном чреве «Нибелунгов» пришло в движение что-то огромное, затем раздался нарастающий утробный гул, который терялся на высоких частотах, – это выли, набирая обороты, стабилизирующие гироскопы многотонных боевых машин, и спустя минуту напряженного ожидания на откинутый пандус ближнего к трибунам челнока вдруг легла гигантская тень. Из десантного отсека, сотрясая стеклобетон посадочных полей, тяжкой поступью вышел первый «Фалангер» – шестидесятитонный боевой робот, похожий на увеличенную в тысячи раз, покрытую камуфлированной броней жабу… Кошмарное сервоприводное наследие прошлых галактических войн человечества на этот раз окружали не люди в бронескафандрах, а закованные в природный хитин инсекты…

За первой боевой машиной показались вторая, третья…

Всего их было десять. Трибуны притихли, глядя то на «Фалангеров», то на окружившие их фигуры ксеноморфов, казавшиеся жалкими букашками на фоне шагающих исполинов, то на беззащитный, хрупкий из-за своей высотности и многослойной структуры мегаполис, который должен был по историческому сценарию принять на себя мощь совокупного удара шестисот тонн смертоносного металла…

Первые четыре серв-машины тронулись с места, двигаясь по старто-посадочным полям в сторону кольцевой автомагистрали, но, ощутив разрозненное сопротивление нескольких огневых точек космопорта, внезапно остановились и произвели залп.

Оглушительный грохот автоматических орудий, режущие глаз стробоскопические всплески огня, дымящиеся клочья, разлетающиеся от попавших под залп автомашин… и бетонные обломки зданий, падающие, словно перекаленные шлаковые бомбы, извергнутые из жерла внезапно ожившего вулкана, – все это слилось во впечатляющую демонстрацию, не отражающую, впрочем, и сотой доли происходивших в действительности событий.

На трибунах сразу в нескольких местах истошно заплакали перепуганные и ничего не понимающие дети…

* * *

Отзвуки показательного выступления серв-машин долетали до тенистых глубин леса, заставляя деревья шуметь и вздрагивать, роняя с крон мелкие веточки и сорванную листву.

Белов отложил удилище.

Какая, к дьяволам Элио, рыба… Ее никогда не водилось тут, если в запруду специально не выпускали известное количество карасей перед приездом очередной группы отдыхающих.

– Почему вы не пошли на праздник, Петр Алексеевич? – спросил Грин.

– А что мне там делать? – насупился Белов. – Пялиться на показуху?

– Ну а память? Как же так, ведь вы…

– Саша, перестань, – оборвал собеседника Белов. – Те, кто действительно закрыл грудью Элио, погибли в тот день, под лазерными залпами и ступоходами «Фалангеров»… Я пришел на площадь подле здания Совета Безопасности уже после, когда бой отгремел и собравшиеся начали доставать провалившиеся сквозь перекрытие городского уровня машины врага, чтобы извлечь останки их пилотов. – Белов пожевал пустыми губами и добавил: – На самом деле ветеранов боя на Элио осталось всего ничего: полковник Горкалов, как ты знаешь, погиб спустя несколько дней в Сфере Дайсона, так что выжили только президент Конфедерации Шейла Норман и адмирал Сокура. Тогда он был лейтенантом… – припомнил Белов. – Служил в охранном подразделении

складов РТВ. Вот они трое, реквизировав боевые машины с консервационных складов, и встали поперек глотки нашим «братьям по разуму»…

– Но в реанимации *Логриса* вы уже участвовали, – уточнил Александр, заметив, что Белов неосознанно теребит тонкую цепочку, висящую у него на шее. К ней был прикреплен черный колючий кристалл, и Грин, проведя мгновенную аналогию, смог наконец предугадать смысловую нагрузку их неурочной встречи.

– Да, – скупо ответил Белов. – Потому и сижу тут…

– Реанимация *Логриса* кажется вам ошибкой? Я правильно понял? – полковник Грин вопросительно посмотрел на седого генерала.

– Нет, Саша, – покачал головой Белов, мысленно погружаясь в омут воспоминаний. – Реанимация древней машины была неизбежна, – произнес он. – После уничтожения центрального узла Интерстар мы все заглянули в бездну разобщенности и одиночества, которая раньше казалась незаметной… А оказалось, – он невесело усмехнулся, – что между звездами лежат бездны световых лет и мы вовсе не боги, которые властны над разумом и материей, а лишь горсть эгоистичных, самонадеянных существ, прихотливо развеянных по невообразимому пространству…

Генерал на миг замолчал, прислушиваясь к звукам возобновившейся канонады, а затем продолжил свою мысль под глухой аккомпанемент отдаленного рокота:

– У нас были два боевых крейсера и задача на выживание с множеством неизвестных. А кем мы являлись на самом деле? – Он вскинул взгляд на Грина и, не дождавшись ответа, пояснил: – Вечными лейтенантами, уволенными в самом начале своей карьеры, сразу после развала старой Конфедерации Солнц. За два десятилетия мы успели стать мирными гражданами, обрасти бытом и замашками обывателей. Группа обыкновенных мужчин и женщин в возрасте около сорока лет, в одночасье вырванных из мирной, сытой жизни внезапно грянувшим апокалипсисом, – вот кем мы были… Жизнь приперла нас к стенке, противник навел ствол между глаз, заставив стряхнуть жирок и вспомнить прежние навыки управления боевыми машинами и космическими кораблями. – Белов продолжал смотреть на полковника. – Мы выстояли один бой, второй… и вдруг наступила победа – ты понимаешь, что это значит?

Грин внимательно слушал Белова, пытаясь представить те исторические эпизоды, что скупо описывал седой генерал. Да, он понимал мысль Белова. С внезапной победой к ним пришло иное бремя: ответственность перед всей остальной цивилизацией за принятие

ежеминутных решений. По сути, недоукомплектованные экипажи двух космических крейсеров, оказавшись в Рукаве Пустоты, перед приподнявшимся пологом Вуали логрианских устройств, заглянули в абсолютно чуждый человеческому разуму мир скрытого шарового скопления, где планеты переполняла непонятная, чуждая жизнь.

На самом деле проблема, затронутая Беловым, казалась ему намного глубже и разностороннее, чем мог ухватить поверхностный взгляд.

«С того момента, как первый космический корабль покинул атмосферу Земли, прошло два тысячелетия космической эры, на протяжении которых мы не сталкивались с внешним врагом. Космос на поверку оказался пустынным, он был лишен проявлений иной разумной жизни… и постепенно, с течением времени, ожидание встречи притупилось, а наше одиночество во Вселенной из осторожного предположения ненавязчиво превратилось в постулат.

Мы не сталкивались с иными расами и потому постепенно начали ощущать себя хозяевами космоса, – думал Грин, искоса поглядывая на генерала, который мрачно прислушивался к доносящимся сюда звукам «потешной» канонады. – Освоение множества миров разделило цивилизацию, постепенно формируя анклавы планет, которые считали чужаками уже друг друга, а не каких-то мифических ксеноморфов. Мы сами стали друг для друга инопланетянами. Человечество десятки раз разваливалось на куски, пока сеть Интерстар не объединила звезды, связав воедино в виртуальном пространстве несовместимые в реальности планетные поселения…»

– Что молчишь, полковник? – нарушил ход его мыслей Белов.

Грин пожал плечами.

– Мы слишком долго считали себя одинокими, – высказал он скупую, обобщенную мысль.

– Тоже верно, – кивнул Петр Алексеевич, опять потянувшись к бутылке, но на сей раз он разлил ее содержимое неравными долями – себе сполна, а Грину так, на донышке.

Выпив, он вновь посмотрел на полковника и спросил:

– А что-нибудь изменилось за прошедшие годы?

Профессиональная память быстро пробежала по узелкам событий, перебирая их, как четки, и Грин был вынужден отрицательно покачать головой.

– Ничего.

– Правильно, – одобрил его ответ Белов. – По-прежнему несемся вперед, каждый по своей тропинке, хотя все понимают, что пора бы и

остановиться. После внезапной атаки на Элио изменилось сознание отдельных людей, – обобщил он свои слова. – А в мирах, которых напрямую не коснулась агрессия, мыслят по-прежнему, хотя теперь рядом с нами, буквально бок о бок сосуществуют две ксеноморфные расы, настолько чуждые, что дрожь по загривку бегает от одного их вида.

Грин опять был вынужден кивнуть. В логике генерала присутствовала изрядная толика его собственных мыслей.

– Мы сосредоточились на харамминах, напряглись и уничтожили их, тем более что сделать это было несложно – несколько тысяч существ на одной планете оказались легкой мишенью.

Полковник, во рту у которого от водки разлилась стойкая, стягивающая кожу на скулах горечь, задумался, медленно и машинально пережевывая бутерброд, взятый с тарелки.

– Логриане и инсекты – наши союзники, – осторожно напомнил он.

– Наши *внезапные союзники*, – уточнив, кивнул генерал. – Десять лет в масштабах трех цивилизаций – это, Саша, не срок. Но меня беспокоит другое. – Он вытащил наконец цепочку из-за ворота одежды, и подвешенный на ней *Логр* блеснул своими гранями, поймав свет. – *Логрис*, – отрывисто произнес старик. – Вот что меня беспокоит на самом деле. Не перебивай… – Белов на секунду умолк, собираясь с мыслями, а затем добавил более спокойно, уже без эмоций в голосе: – На первый взгляд суть *Логриса* проста: он состоит из миллионов кристаллов, каждый из которых сам по себе является мощным самодостаточным компьютером. Сейчас мы знаем структуру *Логра*, владеем технологией его производства, понимаем, почему в критический миг машина, созданная три миллиона лет назад, смогла стать проводником сети Интерстар…

Заметив недоуменный взгляд Александра, Белову пришлось пояснить:

– Смысл центрального узла Интерстар заключается в том, чтобы принять информацию и передать ее по адресу. Мы подключили к Логрису приемник гиперсферных частот и стали следить, что произойдет с тестовым сигналом. Каждый кристалл исправно принимал чуждую для него информацию и тут же старался избавиться от нее, передав соседнему Логру. Структура древней машины такова, что кристаллы соединены в нити, и стоило подключить к началу кристаллической последовательности приемник, а к концу – передатчик, ориентированный на станцию ГЧ планеты назначения, как схема заработала: информационный поток следовал через Логрис от приемника к передатчику, не искажаясь при этом.

Грин кивнул. Он видел несколько раз снимки сегодняшнего облика древней машины – на них был изображен черный многокилометровый

смерч, покрытый сотнями приемопередающих устройств.

– Значит, мы чисто механически провели по древней машине свою сеть? – все же переспросил он. – Облепили Логрис, как… паразиты?

– Примерно так, – согласился с его нелестной оценкой Белов.

– А что говорят сами логриане? Они не пытались объяснить суть своей сверхмашины? Ведь ксеноморфы наши союзники, – напомнил Грин.

– Этот вопрос висит в воздухе, Саша, – ответил генерал. – Не забывай, что они были рабами харамминов, деградировали вместе со своими хозяевами, а о *Логрисе* помнили как о чем-то великом, но утраченном. – Петр Алексеевич посмотрел на неподвижный поплавок и добавил: – Десять лет бесперебойного функционирования сети Интерстар показали, что древняя машина лояльна к внедренным в нее информационным потокам, хотя они ежесекундно забирают часть процессорной мощности от каждого кристалла. Суть моего беспокойства не в этом…

– Тогда в чем?

– Не «в чем», а «в ком», Саша… – Белов проводил взглядом медленно плывущую по запруде веточку и добавил: – Десять лет назад мы получили от логриан технологию изготовления черных кристаллов и вот недавно начали их массовое производство.

Грин вздрогнул от этих слов. Он понимал, что фраза, оброненная Беловым, скорее всего, является государственной тайной Конфедерации…

– Для чего? – напряженно спросил он, хотя ответ был известен ему заранее, по крайней мере догадаться было нетрудно…

– А ты сам подумай… – прищурившись, ответил Белов. – Три миллиона лет назад *Логры* были разработаны с целью сохранения личности, для продления жизни разумного существа после физической кончины телесной оболочки. – Взгляд генерала, направленный на Грина, отражал угрюмую проницательность. – Те кристаллы, по периферии которых протекает наша сеть Интерстар, содержат сущности логриан, почивших еще в доисторическую эпоху, – продолжил свою мысль Петр Алексеевич. – Теперь к данной практике собирается подключиться человечество, – заключил он, продолжая наблюдать за реакцией Грина.

Полковник заметно побледнел. Он умел владеть собой, но сейчас сжатая информация, внезапно поданная Беловым, выбила его из равновесия: хотя слухи о чем-то подобном муссировались в обитаемых мирах уже давно, но им никогда не давалось никакой официальной подпитки, и вот…

– Это государственная тайна Конфедерации? – задал он риторический в данной ситуации вопрос, стремясь не столько получить ответ на него,

сколько перевести дух, вернуть утраченное на мгновение самообладание…

Белов усмехнулся вопросу.

– Для кого как, – уклончиво ответил он. – Для рядовых граждан – да, несомненно, но у меня, например, есть список тех, кто *уже* «ушел в Логрис». В нем высшее руководство планетных правительств, высокопоставленные чиновники самой Конфедерации – те, кто умер в течение последних пяти лет. Как видишь, – Петр Алексеевич постучал ногтем по грани черного кристалла, – мне тоже выдали *Логр*, а скоро все граждане содружества смогут обладать подобными устройствами. С одной стороны, это правильно, а с другой… – Он покачал головой в ответ на какие-то свои мысли. – Мы ведь не логриане, – вслух произнес он. – У нас иная психология, и мне совершенно непонятно, как поведут себя личности людей, попавшие после смерти в такой вот кристалл?

– А разве исследования в данной области не проводились? – осторожно поинтересовался Грин, который уже вернул утраченное самообладание.

– Нет, – покачал головой Белов. – Есть закон «О правах разумных существ», где четко прописан пункт неприкосновенности личности. К тому же *Логрис* стал «священной коровой» Конфедерации, не находишь? Поди, подступись к нему…

Александр, подумав, кивнул.

– Вот и выходит, Саша, что мы опять закрываем глаза на потенциальную опасность. С одной стороны, я понимаю – разбирать и исследовать устоявшую за десять лет систему, на базе которой успешно работает Интерстар, глупо и опасно, – поэтому *Логрис* так тщательно стерегут от всяких сторонних воздействий, а с другой… интегрировать в виртуальную среду *Логриса* миллионы человеческих сущностей, не зная, как те поведут себя там… разве это разумно? – Он поднял взгляд на полковника. – А если человек не дожил, не долюбил, если «в миру» у него остался смертельный враг? Мы случайно не сотворим кошмар из области изотерики, только не мифический, а реальный, ведь там проходят потоки Интерстар – готовые транспортные артерии для виртуального мира!.. – По отрывистым, полным смысловой нагрузки фразам было понятно, что они итог многочасовых размышлений и наболело на душе у Белова немало, но…

– Петр Алексеевич, но так не может получиться, – возразил ему Грин. – Мы же не в детском саду, в конце концов…

– Может, Саша. Есть два нюанса, которые меня тревожат. Первый является действительной государственной тайной, а второй – технической

особенностью *Логра*, интегрированного в общую массу себе подобных.

Белов внезапно умолк, испытующе глядя на полковника.

Грин понял, чего именно ждет генерал. Он знал старика не первый год, и Александру было ясно, что Петр Алексеевич затеял игру, которая лежит вне рамок официально разрешенной деятельности, потому и смотрит, спрашивая взглядом: готов ли ты, полковник, рискнуть вместе со мной? Если нет – прощайся и уходи, пока старик не наболтал тебе лишнего… Вот что говорили прищуренные глаза Белова.

«Небогатый у меня выбор…» – подумалось в эти секунды полковнику. Мало ли что он знал Белова не первый год… Почему он должен принимать решение вслепую, когда проблема вроде бы обозначена, но нет никакой конкретики, кроме высказанного вслух беспокойства за вероятное будущее?

Генерал продолжал смотреть на него в ожидании, и это давило…

«А разве не проходили мы в прошлом нечто подобное? – внезапно возник в голове Александра вопрос, заданный самому себе. – Нежелание рисковать, делать неудобные выводы, выходящие за рамки официальных версий и полномочий, – разве не это едва не привело нас к краху?»

Они молчали, глядя друг на друга совсем недолго, но за это короткое время множество мыслей успело промелькнуть в голове полковника.

Он внезапно для себя задумался о прошлом, вспоминая, как полтора века назад одно за другим посыпались открытия, опровергающие постулат об одиночестве людей в Галактике…

Сначала был Рукав Пустоты: загадочная полоса мрака, перечеркивающая пространство в том месте, где по всем канонам должны были находиться звезды. Увидели, но не придали должного значения, восприняли как досадное природное препятствие, начали искать обходные пути, а нашли… Сферу Дайсона – брошенную владельцами скорлупу искусственного мира, построенную три миллиона лет назад вокруг тускло-красной звезды…

Потом, как гром среди ясного неба: Деметра.

Картографический крейсер «Терра», порт приписки планета Кьюиг, внезапно обнаруживает потерянную колонию, где потомки поселенцев, прилетевшие на колониальном транспорте «Бристоль» в отрыве от остальной цивилизации, вели затянувшуюся на сотни лет войну с деградировавшим анклавом разумных насекомоподобных существ.

Увидели, но не ужаснулись, благо Совет Безопасности Миров тогда еще правил в пространстве – было кому заниматься внезапно обозначившейся проблемой. Людей и инсектов срочно расселили, и человеческие миры покатились дальше в своем развитии, следуя узкими и

извилистыми тропками планетных суверенитетов.

Инсекты не казались опасными, а первый контакт с деградировавшими остатками некогда могущественной расы, три миллиона лет назад построившей Сферу Дайсона, пробудил скорее жалость и брезгливое любопытство обывателей, чем тревогу в среде военных, хотя полоса мрака, преградившая путь вперед, после ряда находок уже не могла ассоциироваться с природным явлением. Звезды из этого пространства смахнул не природный катаклизм, а война, противостояние, которое имело место три миллиона лет назад, – это стало ясно после обнаружения первых артефактов и блуждающих во мраке, опаленных планетоидов, лишившихся своих светил…

А человечество, словно снежная лавина, продолжало по инерции сползать вперед, к своим целям, не замечая, что вот уже более полувека, как под рифлеными подошвами первопроходцев похрустывают останки трех древних рас.

Это сейчас разложенные по полочкам сознания, внесенные в анналы истории факты начали выстраиваться в стройную картину событий, а полвека назад, при взгляде на чернильный провал Рукава Пустоты, всем казалось, что прошлое необратимо, оно кануло в вечность, а мы пойдем дальше, преодолев наполненный останками Рукав…

Глаза Белова напоминали об этом. Они предлагали определенный выбор, и Грин наконец ответил:

– Я готов выслушать вас до конца, Петр Алексеевич.

* * *

Белов взял со столика пачку сигарет.

– Я уже сказал тебе, в каком незавидном положении мы оказались десять лет назад, в Рукаве Пустоты… – прикуривая, напомнил он. – Перед нами открылось неизвестное шаровое скопление звезд, а за спиной осталось расколотое на отдельные миры человечество. Ни инсекты, ни логриане не хотели войны, они достаточно выстрадали под властью хараммин и смотрели на нас как на освободителей, искренне надеясь на союз и помощь. Этого хотели и мы, но понимали, что правительства большинства миров, с трудом отвоевавших свои планетные суверенитеты, вряд ли согласятся с нашим мнением. Их не атаковали хараммины, да и большинству, особенно на Окраине, было плевать на все, кроме собственных экономических интересов. Хаос, наступивший после падения

сети Интерстар, вразумил лишь старые миры, которые раньше образовывали ядро Конфедерации. Остальным нужен был стимул более весомый, чем идея нового единения человечества перед фактом отбитой атаки харамминов и контакта с двумя иными расами.

Белов выбросил сигарету с изжеванным фильтром и взял новую. Он явно нервничал.

– И как разрешилась ситуация? – испытывая неоднозначные чувства, спросил Александр. Он, конечно, знал новейшую историю, но с лакированных страниц учебников людям предлагалась несколько иная интерпретация фактов.

Последующие слова Белова только усугубили расхождение свидетельства очевидца и официальной версии событий десятилетней давности:

– Решение о создании новой Конфедерации было одобрено после восстановления гиперсферной связи, на виртуальном совещании, где присутствовали только главы правительств и первые министры планет. По сути, союз был куплен, Саша, в обмен на полученную от логриан технологию, обещающую виртуальное бессмертие. Понимаешь? *Гарантированное бессмертие*. – Он выговорил это словосочетание с каким-то внутренним надрывом, а потом закончил, уже спокойнее: – Сначала для присутствующих в тот момент на совещании, а потом, со временем, для всех, кто пожелает «уйти в Логрис». – Произнеся это, генерал отвернулся и уставился на мутную гладь запруды.

В первый миг откровение, прозвучавшее из уст Белова, показалось полковнику дикостью, но, задумавшись, он понял, что Петр Алексеевич говорит правду. Трудно было вообразить, что девяносто процентов независимых человеческих миров вдруг добровольно пойдут на союз.

«*А ведь пошли…* – подумал Грин. – *Но только не народы, а власть предержащие, и не из чувства общности, а в обмен на личное бессмертие…*»

– Выходит, что технология *Логра* явилась цементом, который скрепил вновь создаваемую Конфедерацию?

– Да, – закашлявшись дымом, ответил Белов, по-прежнему глядя на ленивое течение темной воды, в которой отражались кроны деревьев. – И теперь настала пора более широкого выполнения тех обещаний, – не оборачиваясь, пояснил он. – Технология *Логра* передана нам в полном объеме, и заводы по производству кристаллов уже запущены.

– Значит, процесс неизбежен?

– Однозначно. – Белов обернулся и добавил: – Вскоре об этом будет

объявлено официально.

Рука полковника Грина невольно потянулась к сигаретам, хотя курил он редко, только в минуты крайнего волнения.

– А второй нюанс, – напомнил он.

– Попытки исследований все же проводились, – ответил ему генерал. – Результат – нулевой. Как только *Логр* попадает в массу себе подобных, вся внешняя информация, подаваемая на него, натыкается на непонятный блок, не проникая дальше периферии кристалла.

– Это та самая особенность, что позволила провести каналы передачи данных Интерстар по периферии кристаллов? – прикуривая, уточнил Александр.

– Да, – подтвердил Белов. – Основное ядро кристалла недоступно для проникновения. Неизвестно, что происходит там, внутри, но исследователи сделали из этого свой, порочный, на мой взгляд, вывод: поскольку личность, оказавшаяся в *Логре*, автоматически «замуровывается» там, значит, суть процесса необратима и безопасна…

Он замолчал, тряхнув головой, словно пытался отогнать от себя какое-то наваждение, навязчивую мысль, и поэтому в разговоре на некоторое время наступила пауза.

– Я собираюсь поручить тебе очень опасную миссию, полковник, – наконец, нарушив тишину, произнес Белов. – Основное ядро исполнителей уже подобрано, ты внесешь в список от силы пару кандидатур, учитывая, что могут возникнуть обстоятельства, когда твоя группа вдруг окажется вне закона и вне цивилизации…

Последние слова Белова не испугали Александра, который уже был морально готов к подобному обороту событий.

– Акция, насколько я понимаю, будет тайной? – сухо осведомился он.

– Абсолютно, – подтвердил генерал. – Более того… ее не санкционирует ни одно гражданское или военное ведомство. – Белов внимательно посмотрел на Грина, и на этот раз в глазах старика четко просматривалось то внутреннее напряжение, которое он тщетно пытался скрыть до этого за антуражем невинной рыбной ловли с водочкой и легкой закуской.

– Цель операции? – Грин не любил долгих полунамеков в этой части инструктажа.

– Вторжение в *Логрис*, – скупо ответил ему Белов.

* * *

Некоторое время над мостками и темной запрудой висела напряженная тишина, наступившая после двух оброненных Беловым слов.

Оба – и генерал и полковник – понимали: это словосочетание таило в себе потенциальный заряд такой силы, что, разорвись сейчас поблизости орбитальная бомба, эффект был бы меньшим.

Александр откинулся на спинку неудобного деревянного кресла, приготовившись слушать. Краем сознания он отметил, что тревожные звуки канонады, доносившиеся со стороны космопорта, стихли.

Театрализованное представление окончилось, начиналась будничная жизнь…

– И все же, Петр Алексеевич, какую опасность могут представлять личности, если, по вашим словам, они навек «замурованы» там?

– Любую! – резко ответил генерал. – Не сосредотачивайся на терминах, Саша. *Логр*… *Логрис*… Человек не логрианин, понимаешь?! Они делали машину «под себя», а наша психология на поверку диаметрально противоположна образу мышления ксеноморфов. Мы скорее похожи на харамминов, не находишь?

– Да… – согласился с собеседником Грин.

– Вот и я про то. Не забывай, что у нас имеется своя история развития электронных сетей, и от логриан мы отстали разве что в миниатюрности электронных машин определенного класса. Попробуй вспомнить, начиная со времен пресловутого мыслесканера Джедиана Ланге, сколько было попыток перенести сознание в компьютер? Кто этим, как правило, занимался, и чем кончались подобные эксперименты?

Полковник промолчал, мысленно оценивая предложенные проблемы, а Белов еще подлил масла в огонь:

– Мы не можем проникнуть в отдельно взятый *Логр*, но не факт, что личность, замурованная в нем для вечного бытия, не в состоянии *самостоятельно* покинуть виртуальное узилище. А ведь там, по периферии кристаллов, текут информационные потоки сети Интерстар, – еще раз жестко напомнил Белов. – Пять процентов мощности каждого Логра автоматически отданы на проводку каналов сети. Логрис уже десять лет как не мертв – он живет, дышит в ритме всего человечества. Наши информационные потоки, от которых зависит все: экономика, политика, межрасовое общение, – проложены через кладбище логрианских душ, среди которых за прошедшие десять лет стали появляться и человеческие *Логры*.

Белов потянулся к бутылке и разлил водку по двум стаканчикам.

– Я уже стар и потому не боюсь. – Петр Алексеевич расстегнул ворот одежды, снял тонкую цепочку с *Логром* и положил ее на стол. Некоторое время он угрюмо смотрел на поблескивающий гранями черный кристалл, а потом произнес: – Он вовсе не успокаивает меня, как некоторых избранных на сегодняшний день. Я страшусь не своей смерти, а того дня, когда будут наконец выполнены все пункты договоренностей десятилетней давности и каждый получит подобный кристалл…

Он оторвал взгляд от гипнотизировавшего его *Логра* и тяжело посмотрел на полковника:

– Что будет, если мы ошиблись хоть на йоту, и все человеческие амбиции, страх, ненависть, любовь, мудрость и глупость действительно уйдут туда, в машину, сквозь которую текут информационные потоки, связующие на сегодняшний день четыреста миров и три чуждые друг другу расы? Не станут ли некоторые из нас новыми харамминами, творящими циничный беспредел там, в виртуальных глубинах *Логриса* и Интерстара?

Белов подтолкнул кристалл к Грину и произнес:

– Бери.

Наступила напряженная молчаливая пауза.

– Зачем? – наконец спросил Александр, действительно не понимая, какое отношение к предстоящей операции имеет личный кристалл, выданный генералу?

– Этот *Логр* видоизменен, – пояснил Петр Алексеевич. – Над ним работали лучшие компьютерные техники моего ведомства. Он отличается от стандартных аналогов тем, что будет доступен для вхождения извне, по выделенному каналу гиперсферной частоты.

– А вы?

Старик усмехнулся.

– Если ты будешь действовать быстро и правильно, то я еще не успею скончаться, – хмыкнул он.

Грин посмотрел на Белова и понял, что спорить в данной ситуации бесполезно.

– Что я должен сделать с кристаллом?

Губы Белова тронула недобрая усмешка, показавшаяся Грину зловещей.

– Пусть его получит один избранный мной человек… Некий Кристофер Раули.

– Кто он такой? – спросил Александр, которому ничего не сказали произнесенные генералом имя и фамилия.

– Личность неприглядная, – сознался Белов. – Говоря откровенно,

сволочь, отморозок, каких в среде наших врагов еще стоило поискать.

– А конкретнее?

– Четвертый сын в семье владельца колонии на Гефесте, – начал пояснять Петр Алексеевич, но полковник тут же остановил его вежливым жестом:

– Мне ничего не говорит название, – сознался он. – Это где?

Белов махнул рукой.

– Богом и людьми забытый мирок Окраины, признанный негодным для колонизации из-за ядовитой атмосферы. Там три поколения Раули качали нефть из природных запасов небольшой котловины. Не дожидаясь своей очереди на наследство, последний отпрыск семейки Кристофер рано покинул отчий дом, переселившись на обитаемые миры. Закончил государственную академию Кьюига, по специальности ксенобиолог, но свой диплом использовал только в качестве прикрытия. На самом деле молодой человек рано вкусил прелести криминального бизнеса, втянувшись в какие-то темные дела еще в период учебы, а после окончания академии быстро исчез…

Белов, кряхтя, нагнулся, вытащил небольшой кейс, который лежал между ножками легкого раскладного кресла прямо на дощатом настиле, и, открыв его, извлек на свет кристаллодиск.

– Вот, Саша, тут вся подноготная Кристофера Раули, какую удалось собрать. В общих чертах его жизнь похожа на рваную курсовую нить корабля, который то исчезает в гиперсфере, то всплывает из ее пучин. Разные миры, разные люди, но везде, где бы он ни «всплывал», в скором времени обязательно появлялся труп.

– Киллер?

– Да, Саша, наемный убийца, человек без родины, натура со своеобразными, извращенными принципами. Он настоящий профессионал, в этом Раули-младшему не откажешь… хотя бы потому, что он ни разу не был пойман, несмотря на то, что исполнял часть своих «заказов» на таких закрытых мирах, как Стеллар и Рори.

– Чем он занимается сейчас? – хмурясь, спросил Грин. – И почему для акции внедрения избран именно такой человек?

– Сейчас он умирает, – скупо ответил Белов. – Раули уже давно отошел от дел, он неизлечимо болен и в данный момент лихорадочно занимается поиском покупателя на мертвую колонию, которая несколько лет назад перешла к нему по наследству, после кончины его брата Ричарда Раули.

– Зачем ему деньги? На лечение?

– Нет, Саша. Деньги ему нужны на бессмертие. Он пытается продать колонию и параллельно занимается поиском человека, способного продать ему действующий *Логр*.

– Понятно. – Грин посмотрел на застывший без движения поплавок и уточнил: – Совпадение желаний и возможностей – это единственный мотив, предполагающий его кандидатуру?

– Нет, – покачал головой Белов. – Все намного сложнее. Во-первых, колония на Гефесте эвакуирована еще полвека назад, когда там иссякли запасы нефти. Климатический контроль над освоенной территорией безнадежно нарушен, силового пузыря, удерживающего годный для дыхания воздух, естественно, давно уже нет, но там остались вполне прилично сохранившиеся офисные здания, образующие замкнутый комплекс в хорошо укрепленном, труднодоступном месте, а главное – все системы заброшенной колонии по-прежнему связаны со станцией Гиперсферной Частоты, которую приобрел отец этого Кристофера, Вениамин Раули, перед самым закатом нефтяного бизнеса.

– Станция работает? – спросил Грин.

– Она уже два десятилетия находится в режиме глубокой консервации, – ответил Петр Алексеевич. – Работают основные каналы, но это функция самоподдержания автоматики, а не осознанная эксплуатация со стороны людей. За весь период проверки нами отслежены локальные всплески активности, будто кто-то действительно пытался войти в сеть с сервера Гефеста. Мои специалисты говорят, что подобным образом действуют тестовые программы, проверяя исправность ГЧ-соединений.

– То есть о самой станции никто не знает? – уточнил Грин, имея в виду пользователей из обитаемых миров.

Белов откровенно пожал плечами.

– Будем говорить так: о станции планеты Гефест прочно забыли в период последних потрясений. Она официально зарегистрирована в сети Интерстар, имеет мощности, необходимые для поддержания непрерывных виртуальных линий, но двадцать лет бездействия фактически вычеркнули ее из всех списков активных устройств подобного типа.

Грин кивнул. Теперь ему стал понятен ход мыслей генерала. Старая колония, где от прошлой деятельности остались лишь здания и оборудование, станция ГЧ, реактивировав которую можно без лишней огласки скользнуть в виртуальные глубины сети Интерстар, – идеальное место для проведения акции.

– Пусть сознание этого отморозка уйдет в кристалл, а затем в *Логрис*, – произнес Белов, продолжая прояснять суть задуманного им

эксперимента. – Ты же получишь никому не известную базу на планете и станцию ГЧ, откуда начнешь медленное вторжение в *Логрис* через виртуальный мир Кристофера Раули.

– Конечная цель?

– Проследить его жизнь после смерти, провоцировать его, если он вдруг сам не начнет действовать, и в конечном итоге собрать доказательства того, представляют ли человеческие сущности, *очутившиеся там,* потенциальную опасность для мира физического. Либо да, либо нет. Либо *Логрис* – это благо, настоящая вечная жизнь, а я старый параноик, либо мы все дружно строим сцену для собственного, теперь уже окончательно апокалипсиса.

Александр не нашелся сразу, что ответить на последнее утверждение генерала Белова.

«Вторжение в Логрис…» – само по себе это словосочетание несло смысл зловещий, таинственный и… как ни странно, кощунственный, ведь за прошедшее десятилетие человеческая психика выработала новый стереотип: шила в мешке не утаишь, и благодаря упорно циркулирующим слухам в сознании большинства современников *Логрис* действительно ассоциировался с кладбищем душ, куда пока что попадали лишь избранные. Но никто из смертных не оставлял надежды, что он сможет дожить до той поры, когда начнется массовое производство *Логров* и заветный черный кристалл получит каждый гражданин Конфедерации Солнц.

Белов понимал это, и вопрос, сформулированный генералом, действительно был невероятно важен. Неспроста он в качестве кандидатуры испытуемого выбрал явно асоциального члена общества, наемного убийцу, для которого человеческая жизнь не значит ничего, кроме тех денег, что он получит за очередной «заказ». Сам факт, что Раули дожил до преклонных лет и теперь умирал от старческой болезни, говорил в пользу того, что душа этого человека черна, как не снилось ни одному хараммину из пресловутой Квоты Бессмертных.

Но, кроме всего прочего, существовали большая межрасовая и межпланетная политика, общественное мнение и негласная борьба между отдельными силами внутри самой Конфедерации Солнц, поэтому получить санкцию на глубинное исследование *Логриса*, а в частности – оценить поведение попадающих туда человеческих душ, не позволил бы никто…

Грин искоса посмотрел на Белова.

Петр Алексеевич курил, с отсутствующим видом уставившись на разлапистый шатер крон.

Александра вдруг проняла непроизвольная дрожь.

Генерал жертвовал личным бессмертием во имя того, чтобы в будущем его преемники не попали в очередную, созданную беспечностью ловушку. Неважно, верил он в состоятельность электронной сущности или нет, но жест, сделанный им, нельзя было не оценить. Снятый с шеи *Логр* на тонкой мономолекулярной цепочке лежал на дощатом столике между початой пачкой сигарет и полупустой бутылкой водки.

Брошенное на доски бессмертие.

Интересно, сколько человек запросто могли бы отринуть все моральные принципы и убить только за обладание данным кристаллом?

Интуиция подсказывала: много.

– Петр Алексеевич… – нарушил Грин затянувшуюся тишину.

– Что, Саша? – Генерал обернулся.

– Я согласен с вашими опасениями, но специалист по виртуальным реальностям из меня, мягко говоря, – никакой.

– Я знаю, – кивнул Белов. – Но в мои планы не входит использовать тебя в качестве виртуальщика. Сколько своих людей ты можешь привлечь к операции?

Грин немного подумал и ответил:

– Одного, кому я доверяю. Капитана Столетова.

– Согласен, – одобрил его выбор Белов, хорошо знавший капитана. – Специалистов-виртуальщиков я уже подобрал, вот только содержать их придется по отдельным клеткам, – неожиданно добавил он.

– Заключенные? – интуитивно предположил Грин.

– Смертники. Те, кому смертная казнь заменена на пожизненную заморозку. Все – хакеры со стажем, достаточно нашумевшие в свое время сетевые преступники. Сам можешь пофантазировать, что натворил каждый из них, если получил «вышку». Сейчас они разбросаны по разным криогенным тюрьмам Конфедерации. В ближайшее время их тела будут извлечены и переданы тебе. Подмена уже организована. Это тот контингент, которого никто не хватится в случае срыва операции. Они не будут знать, где работают и с кем имеют дело. Твоя задача – осуществлять общий контроль, направлять их действия, ограничивая рамки виртуальной свободы. На место их доставят в криогенных контейнерах. Специалистом по реанимации я тебя обеспечу.

– После окончания операции их нужно будет ликвидировать?

– Естественно.

Грин кивнул. Он понимал это. Операция, которую они затевали, нарушала, как минимум, десяток параграфов межпланетных соглашений, и

в случае провала или огласки у ее исполнителей будет очень мало шансов выйти сухими из воды. Риск велик, но и цель соразмерна.

– Не передумал? – словно угадав его мысли, спросил Белов.

– Нет… – Александр несколько секунд сидел с окаменевшим лицом, а потом тряхнул головой и добавил: – Нет, Петр Алексеевич. Какими еще я буду располагать средствами?

– Десять человек – неполный взвод охраны, на тот случай если все пойдет наперекосяк. Мои люди, проверенные. Из техники – один списанный войсковой транспорт и два десятка боевых андроидов для надежности. Вот, пожалуй, весь персонал, которым я смогу тебя обеспечить.

– Какое прикрытие будет у меня и у капитана Столетова?

– Долгосрочные отпуска по семейным обстоятельствам. Дублеров я вам подберу, пусть полетят отдохнуть, на тот же Дион, например. Благо вы оба холостые… – Белов немного помолчал, прокручивая в голове какие-то варианты, но делиться мыслями не стал, а протянул руку и разлил остатки водки поровну, по двум стаканчикам.

– Думаю, теперь можно, – произнес он, вспомнив реакцию Александра на первые предложенные пятьдесят граммов. – Давай, за взлом системы, полковник…

Глава 2

Где-то в Логрисе.
Безвременье…

Смерть была мучительна, но он думал, что обманул ее: Кристофер Раули оказался одним из немногих, кто при жизни сумел купить себе бессмертие – а именно маленький темный кристалл, который именовался странным, непривычным на слух термином «*Логр*».

Ходили упорные слухи о том, что подобные вычислительно-запоминающие устройства древней расы двухголовых ксеноморфов вскоре должны были стать общедоступным достоянием всей человеческой цивилизации в целом, вне зависимости от того, беден ты или богат, но в случае с Раули критическое значение имели не деньги, а время. Он был неизлечимо болен и знал, что его дни сочтены.

Он знал и то, что *Логр* не даст ему нового тела, – жизнь после смерти реализовывалась на виртуальном уровне, человек, «ушедший в Логрис», становился существом эфемерным, а если говорить точнее, то не существом, а набором байт, массивы которых хранили в себе память усопшего. Центральное вычислительное устройство, содержащееся в том же кристалле, постоянно «прокачивало» через себя эту виртуальную память, побуждая ее «жить», связываться воедино, – то есть теоретически внутри *Логра* возрождалась личность. Миллиарды подобных кристаллов образовывали в свою очередь древнюю машину логриан – черный кристаллический смерч, расположенный где-то в глубинах Рукава Пустоты, на полпути между человеческими мирами и открытым десять лет назад шаровым скоплением звезд, где обитали логриане и инсекты.

То была Вселенная во Вселенной, нечто уникальное, неподвластное пониманию простого смертного, который не ходил дальше обычной *человеческой* виртуалки, похожей по сравнению с Вселенной *Логриса* на тень, что отбрасывает утонченное произведение искусства.

Впрочем, последнее утверждение, которое слышал Крис от некоторых окружавших его при жизни людей, было явно преувеличено.

В этом Раули смог убедиться, когда умер.

Его сознание с того момента, как он понял, что пришла смерть, прошло три стадии.

Сначала был дикий, животный страх перед кончиной плоти,

мучительная агония, затянувшаяся на несколько секунд… или часов?.. Он не помнил точно, потому что понятие времени в роковой момент стерла рыхлость умирающего сознания.

За страхом пришла чернота, в которой был полный, абсолютный покой.

Он не ощущал себя. Он *всего лишь помнил*, что был Кристофером Раули, человеком только что скончавшимся после долгой, мучительной болезни, а все его представления о мире потустороннем, штампованные понятия религии о рае и аде оказались полнейшей чушью.

Был он, и была темнота.

Сколько он провисел в этом безвременье, Крис также не мог осознать – не было ни точки отсчета, ни мерила времени или пространства. Наконец, когда образ черноты стал неизбежным продолжением сознания, а все воспоминания, связанные с недавней смертью, так или иначе улеглись, он мысленно решил, что зря выложил бешеные деньги за невзрачный кристалл: какая это к Фрайгу жизнь после смерти, если вокруг темно, пусто и… что он теперь так и останется бесплотным духом собственных воспоминаний, висящим в черноте?

Извилистые тропы мысленных ассоциаций по-прежнему, как и в жизни, оставались непредсказуемыми. Крис не испытывал эмоций, но его память хранила в себе воспоминания о множестве событий, их эмоциональной окраске, а главное – о результатах тех или иных действий.

Мысли рождались мгновенно, зачастую непредсказуемо, словно он спал… да, именно спал, потому что только во сне наш разум, освобожденный от пристального контроля бодрствующего сознания, начинает связывать воедино причудливые фрагменты мысленной мозаики, которые мы называем сновидениями.

Кристофер был человеком логичным. Его не устраивала та каша, что начинала завариваться в голове, как только он предоставил своим воспоминаниям минимальную свободу.

Чернота и бред. Он по-прежнему висел в ней, не понимая, кем стал, но твердо помня, кем был.

Хм… висящим… Висеть должно что-то и где-то…

Он мысленно представил себе вешалку, которая стояла у него дома, и толстый, обезображенный болезнью труп самого себя, подвешенный на ней за шиворот.

Получилось достаточно комично, отвратительно и…

Раули вдруг понял, что его мысль реализовалась.

Вместо куска черноты перед ним стояла вешалка, на которой висел

его труп в черном костюме, лакированных туфлях и с какой-то нелепой повязкой на лбу.

В первый момент он не понял, как это произошло. Кристофер пялился на кусок своего собственного бреда, пока наконец его бесплотный дух не осознал, что вешалка и труп действительно *сотворены им!*..

Это открытие не повергло его ни в шок, ни в буйную радость. Вообще, все воспринималось как-то спокойно, буднично. Трезвый ум оценивал ситуацию, не видя в ней ни комичных, ни ужасных сторон.

Факт. Свершившийся факт.

Чтобы подтвердить его, он убрал вешалку, мысленно сотворил четыре стены, пол, потолок и зажег свет.

Все получилось.

Он по привычке посмотрел себе под ноги и увидел пол. Тела пока что не существовало. Это упущение он исправил быстро и не особо старательно – просто вспомнил самого себя, но уже не в виде обезображенного болезнью, разжиревшего старика, а таким, как он выглядел лет на тридцать раньше.

У него опять получилось, и еще некоторое время он творил. Творил без упоения, без восторга – вообще без эмоций. Скупо обставил комнату, на всякий случай прорезал в стене дверь и пару окон, за которыми кто-то натянул полотнища черноты.

«Интересно, насколько далеко простирается подвластное мне пространство?» – подумал Крис, глядя на плотный мрак.

Он мысленно сосредоточился, и получилось впечатляюще: за левым окном до самого горизонта раскинулась бескрайняя кьюиганская степь, а за правым, как дань противоположности, разлилось море – без видимых глазом берегов, естественно.

Выглядывать за дверь он не стал, усомнившись, сможет ли исправить потом однажды сделанное?

Дальний космос.

Одна из заброшенных колоний сектора Окраины…

Мрачный, плохо освещенный тоннель заканчивался мощной шлюзовой переборкой. Две овальные плиты, между которыми располагался тамбур, запирали выход наружу.

В сумраке давно заброшенного коридора прошелестели шаги, и подле аварийного выхода появилась невысокая девичья фигурка.

Девушку звали Дана. На вид ей можно было дать лет двадцать, не

больше. Лицо землистого цвета, спутанные волосы, заострившийся носик и плотно сжатые бескровные губы – вот ее мимолетный портрет, обрисовавшийся в сиротливом свете аварийного плафона.

Шлепая босыми ступнями по холодному скользкому полу, она явно направлялась к шлюзу.

Дана была одета в лохмотья, цвет которых мало отличался от серости ее лица, и потому фигура, как ни странно, казалась гармоничной: у стороннего наблюдателя не возникло бы чувства неправильности, скорее наоборот – девушка явно вписывалась в окружающую обстановку, была сродни ей.

Тонкие бледные пальцы цепко ухватились за побитый ржавчиной штурвал ручного привода, и многотонная плита с надрывным скрежетом начала уползать вбок, подчиняясь усилиям слабых рук.

За первым люком спустя какое-то время пришел в движение второй.

Девушка прилагала усилия спокойно, размеренно, зная, что этого труда ей не избежать. Наконец, когда внешний люк открылся на треть своего хода, она оставила в покое ржавый штурвал, отряхнула саднящие ладошки и боком протиснулась в образовавшуюся щель.

Внешний мир, открывшийся ее взгляду, был мрачен и убог.

Неизвестно, где она чувствовала себя уютнее – внутри прохладного тоннеля, высеченного в толще скал, или под этим пепельно-серым, почти свинцовым небом, среди иззубренных руин, напоминавших о том, что когда-то здесь обитали люди.

Собственно, Дана и немногие ее сородичи являлись потомками тех, кто полвека назад жил и работал в этом городе. Сейчас от внешнего поселения остались лишь голые, постепенно разрушающиеся стены да еще ржавые остовы техники, вросшие в почву там, где их застала *ненужность.*

Дана спокойно осмотрелась. Ее разум не находил ничего шокирующего в окружающей реальности, потому что рассудок девушки развивался именно тут. То, что ее гипотетической ровеснице с какого-либо цивилизованного мира показалось бы диким убожеством, крайней степенью деградации и нищеты, для Даны было всего лишь нормой жизни, обыденностью.

Протискиваясь в узкую щель приоткрытого люка, она ничуть не задумывалась над теми жестокими извивами человеческой экспансии, что в конечном итоге привели к факту ее рождения в подземельях покинутой колонии.

Да, кому-то она показалась бы маленьким зверенышем, напялившим лохмотья, кто-то назвал бы ее грязной, кто-то отвратительной, но ни одно

суждение, основанное на внешнем виде, не отражало истины.

Под лохмотьями часто и неровно билось человеческое сердце, под спутанными космами неухоженных волос, в глубине черепной коробки таились мысли, глаза, редко видевшие яркий солнечный свет, смотрели на мир с пытливым, здоровым интересом.

Она прекрасно знала, куда и зачем идет.

После того как ее мать умерла, путь Даны день за днем, независимо от погоды и самочувствия, вел на поверхность. Тут, среди руин заброшенного города она отыскивала не только вещи, способные хоть как-то облегчить быт одичавшего человеческого анклава, – она, еще не успев до конца растерять долю искренней наивности, совмещала приятное с полезным и, кроме полуфункционального хлама, оставшегося от бытовой электроники разрушенного города, искала среди руин еще и кусочек сказки, личного счастья для самой себя.

К этим поискам Дану побуждали легенды, которые она слышала от своих сородичей.

Если обобщить их, то мечта девушки могла быть выражена так: есть за пределами воображения мир, где все счастливы, где все дозволено, где нет узости серых стен, тяжелого для дыхания воздуха и нудного, моросящего с небес холодного дождя, который нес земле не прозрачные капли живительной влаги, а липкие плевки раскисшей вулканической пыли.

День за днем, месяц за месяцем она обследовала один квартал за другим, но редко находила среди вымокших, разграбленных развалин что-то подходящее, полезное для выживания.

Сегодня Дана намеревалась пройти дальше, к возвышающемуся над остальными постройками комплексу зданий, которые менее всего подверглись разрушительному воздействию времени.

На то у нее была особая причина, и сердце девушки невольно обмирало от мыслей о недавнем событии.

Зрение, более привычное к сумраку подземелий, обмануло ее. Высокая многоэтажная постройка, к которой она стремилась, оказалась расположенной не в сотне метров от руин обследованного накануне жилого квартала, а гораздо дальше. За иззубренными огрызками стен открылось более или менее ровное пространство, которое пересекала сеть потрескавшихся, кое-где затопленных дорог, а комплекс зданий, манивших ее взгляд, возвышался на плоскости каменного плато, – естественного природного укрепления с отвесными выветренными стенами.

Она остановилась, прячась за осыпающейся кирпичной стеной

крайней городской постройки, и долго разглядывала уступчатую пирамиду, на поверхности которой горели притягивающие взгляд крохотные огоньки голубого и красного цветов.

Дана не понимала их предназначения, но глазу после серых подземелий и покрытых пепельной коростой руин их вид казался приятным. Маленькие солнышки, разбросанные по уступам зданий в неприхотливой симметрии, казались ей каким-то сверхъестественным добрым знаком, означающим, что она на верном пути.

Девушка совершенно не понимала, что это всего лишь габаритные огни многоэтажной постройки – сигналы для спускаемых модулей, которые совершали посадку неподалеку от комплекса на одно из наиболее сохранившихся старто-посадочных полей старого космодрома.

Мечта была так близко и в то же время так далеко…

Она смотрела на изъеденные эрозией отвесные стены, покрытые уступами и трещинами, и представляла, как трудно ей будет карабкаться по ним.

И все же желание заглянуть внутрь расцвеченных веселыми огоньками зданий пересилило страх, и она решилась.

Никто не препятствовал ей, когда девушка ступила на потрескавшееся от времени асфальтированное шоссе, которое вело к подножию каменного плато. Справа и слева от дороги легкий ветер гнал свинцовую рябь по поверхности квадратных озер, образовавшихся на месте бывших сельскохозяйственных угодий. Воздух, как обычно, был *разным:* порывы ветра несли с собой то дуновение тепла, то стылую влажность, и каждый вдох так же разнился по ощущениям – иногда она дышала легко, а бывали моменты, когда вдыхаемый воздух нес неприятные флюиды удушья, и Дана по привычке задерживала дыхание, чтобы ядовитые испарения не проникали в организм.

В отличие от подземелий, где еще работали кое-какие системы очистки и регенерации воздуха, атмосфера на поверхности была капризна, непредсказуема и опасна. Например, отец Даны погиб, попав в густой шлейф ядовито-желтых испарений, которые принес дувший из-за гор ветер. Мать не раз предупреждала ее о том, сколь опасен для человека внешний мир, но девушка, оставшись одна, уже не была обязана подчиняться родительской опеке. Она автоматически становилась равноправным членом небольшого анклава, чьи предки по каким-то причинам пропустили момент эвакуации колонии.

Вообще в мыслях Даны не присутствовало сложных понятий и терминов, связанных с техногенной цивилизацией. Ее мир был прост, круг

забот ограничивался проблемами элементарного выживания, и, наверное, потому она несла в своей душе некую чистоту помыслов, недоступную тем, кто родился и вырос в урбанизированных джунглях городов-мегаполисов.

Прошлепав босыми ногами по шоссе, она остановилась перед дилеммой: как двигаться дальше? Старая дорога обрывалась у подножия скалистого возвышения. Очевидно, ранее тут был тоннель, но теперь от него остались лишь два бетонных крыла ограждений да засыпанное бесформенными обломками устье.

В этой ситуации можно было избрать два варианта: ступить в черную стоячую воду и попытаться обогнуть возвышенность в поисках привычной человеческим ногам дороги, но заиленные глубины квадратных озер пугали ее больше, чем отвесные потрескавшиеся скалы, и потому Дана, немного постояв в нерешительности, избрала второй путь, решив карабкаться вверх.

У нее не было никаких навыков альпинизма, поэтому девушка не боялась. Зачастую страх – это порождение опыта, недаром те, кому доводилось прыгать с парашютом, сходятся во мнении, что наибольшей храбрости требует не первый, а второй прыжок.

Уцепившись руками за подходящий выступ выветренной скалы, она нашла опору для босых ног и начала медленно карабкаться вверх, перелезая с уступа на уступ.

По стечении обстоятельств ее восхождение к комплексу зданий бывшей резиденции господ Раули состоялось незадолго до прибытия на Гефест группы полковника Грина и пятерых его подопечных.

Сейчас в этих зданиях хозяйничали машины, занимающиеся переоборудованием комплекса и монтажом аппаратуры для будущих операций.

Сама того не ведая, Дана, которая являлась представительницей энного поколения брошенных на Гефесте колонистов, своим появлением на вершине одинокой горы положила начало целой цепи непредсказуемых событий.

* * *

Продвижение в глубины космического пространства, которое в среде людей принято называть емким термином «экспансия», породило свои законы и правила, соблюдение которых не вызывало сомнений и не обсуждалось, потому что новые для человека принципы диктовали не сами люди, а иные реальности, которые предлагал дерзнувшим вторгнуться в его

пределы космос.

Мы не заметили того момента, когда вновь начали эволюционировать, подчиняясь принципам, обоснованным еще Чарльзом Дарвином на далекой планете Земля.

С момента старта первого колониального транспорта, покинувшего границы Солнечной системы, вновь началась эволюция человечества: борьба за выживание вида, но теперь к мутагенным факторам бесчисленных внешних сред подключился некий научный потенциал, способный осознанно влиять на процесс выживания людей в тех или иных условиях новоиспеченных колоний.

Космос нещадно истреблял слабых, глупых и неподготовленных, оставляя в живых лишь тех, кто действительно мог противостоять новым условиям обитания, видоизменяя окружающую среду или видоизменяясь сам под прессингом экзобиосфер.

Перед первыми колонистами, покидавшими Землю на утлых колониальных транспортах, стояли задачи на выживание, содержащие бесконечное количество неизвестных величин.

Первый факт, с которым пришлось столкнуться поселенцам, ступившим на иные миры, формулировался так: Вселенная не враждебна к людям, но и не создана для них. Она равнодушна, мертва, подчинена незыблемым законам, лишь малая часть которых играет на руку самонадеянным, экспансивным существам, решившим покинуть выносившую их колыбель.

В обозримом галактическом просторе не нашлось ни одной планеты, где человек, спустившись по трапу космического корабля, почувствовал бы себя как дома. Этот непреложный факт сразу же разделил нарождающиеся колонии на две основные ветви. Первую представляли те, кто попал на планеты, не идентичные, но схожие с Землей. В этом случае, за редким исключением гармоничного синтеза, видоизменялась биосфера колонизированной планеты, происходило так называемое «терраформирование». Люди на таких мирах фактически не изменились, приспособив окружающую среду под свой метаболизм.

Вторая ветвь колонизации более трагична с точки зрения базовых понятий добра и зла.

Зачастую колониальные транспорты совершали посадку на поверхность миров, биосферы которых содержали нужный процент кислорода, а вот все остальное, начиная от местных протеинов и заканчивая химическим составом воды, воздуха и почвы, являлось если не ядом, то, как минимум, непригодными для немедленного использования

субстанциями.

Эволюционные процессы, дремавшие в человеке с той поры, как вид Homo Sapiens стал доминирующим на Земле, включились вновь, но уже в глубоком космосе, на иных планетах, где в отличие от прародины у людей появилось бесчисленное множество проблем и врагов.

В условиях скоротечных схваток за выживание мутации происходили достаточно быстро, иногда в течение одного-двух поколений. Зачастую полезные эволюционные процессы ускорялись искусственным путем. Там, где чуждая природа оказывалась наиболее жестокой по отношению к человеку, в дело вступали генная инженерия и подчиненные ей науки.

С выходом в глубокий космос люди сильно видоизменились, как внутренне, так и внешне, но, памятуя о своем истинном происхождении, старались скрыть приобретенные мутации.

Затем, по прошествии нескольких веков после Первого Рывка великой экспансии, когда заселенные планеты, пережив Первую галактическую войну, стали вновь объединяться, образовав Совет Безопасности Миров, наступила эра глобальной компьютеризации. Без машин, а тем более без виртуальных систем связи человечество уже не могло существовать как единое целое. В этих условиях машины, по сути, эволюционировали вместе с людьми: они становились все более сложными, изощренными и для эффективного управления ими требовались новые средства коммуникации.

Самым действенным средством связи между человеком и машиной был признан так называемый «нейросенсорный контакт» – прямая связь человеческого мозга с управляющей сервисной оболочкой той или иной кибернетической системы.

Поначалу эти устройства были громоздки и зачастую опасны для жизни. Первые гнезда для подключения биоинтерфейсов, которые получили распространенное название «имплант», стали вживлять младенцам в роддомах, но эта практика, существующая и по сей день, могла быть давно заменена более эффективным и неприметным устройством.

Мы всегда мечтали получить способность к телепатии. Этой мечте о реализации общения двух людей на уровне мысленного диалога так и не суждено было сбыться, но зато нечто подобное оказалось возможно при общении человека и машины.

Грубые, неудобные импланты, с механическим разъемом, к которому обязательно прилагался гибкий соединительный шунт из оптико-волоконного кабеля, все еще бытовали в среде пользователей многих миров, но параллельно им уже давно существовала абсолютно новая

разработка, которая не получила широкого распространения по простой причине: открытие и внедрение нового вида имплантов произошло в лабораториях печально известной Зороастры – планеты, преступившей галактический закон и зачищенной силами межзвездного патруля Совета Безопасности Миров.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

О Зороастре ходили жуткие слухи, но в основном они не являлись истиной или содержали лишь малую ее часть.

Поначалу планету, получившую столь странное, ассоциативное название, связанное с идеей вечной борьбы добра и зла, населяли выходцы, или точнее сказать – изгнанники с Грюнверка. Тысячу лет назад исконная биосфера данного мира представляла собой сонмище враждебных человеку биологических форм, и казалось странным, что подобное место решились заселить люди от науки, совсем не бедные ученые, чьим призванием являлись экзобиология и генная инженерия.

Как выяснилось позже, переселенцами стали ученые, не признанные на исторической родине. Изначально Грюнверк колонизировали этнические немцы. Руководство колонии, организованное на первых порах по военизированной схеме, придерживалось идеи строгой дисциплины среди сограждан и имело свой взгляд на то, каким образом должен формироваться синтез человека с его новой средой обитания. Однако часть ученых-экзобиологов имела иное мнение относительно существующего положения вещей, и в конечном итоге возник конфликт. Официальные власти Грюнверка не просто запретили любые опыты над исконными формами жизни, но и начали массовое преследование несогласных с подобным запретом представителей науки.

Тогда они бежали в этот мир.

Название планеты родилось сразу. Существовала историческая запись в бортовом журнале головного колониального транспорта, в которой капитан корабля писал, что если взять все известные ему живые формы, умертвить их, тщательно перемешать и возродить в качестве тупых и кровожадных зомби, то получится приблизительное сходство с самой безвредной тварью этой адской планеты.

Однако ученые-поселенцы не боялись враждебной биосферы. Наоборот, они жаждали доказать всему свету, что их методы способны трансформировать данный ад в пригодное для жизни человека место, не выжигая при этом под корень исконные формы жизни, а лишь видоизменяя

их путем генной инженерии.

Нужно отметить, что на этом этапе они преуспели. В течение нескольких поколений биосфера планеты действительно изменилась до полной неузнаваемости. Там, где сотню лет назад человек подвергался постоянному риску быть разорванным на куски, отравленным либо инфицированным, беспечно резвились теперь правнуки первых поселенцев.

Исконная жизнь сохранилась практически повсюду, но теперь она несла не агрессию и вред, а вполне конкретную, ощутимую пользу. Дело в том, что становление Зороастры происходило в конце Первой галактической войны, как раз в период полного разрыва всех торговых галактических связей. Поселенцы испытывали острейшую нужду в планетарной технике, но не имели при этом никакой промышленной базы. Вполне естественно, что в такой ситуации наука, основу которой составляла генная инженерия, нашла простой и очевидный для экзобиологов выход.

Местные монстры один за другим превращались ими в необходимые машины. Это можно было признать чудом, если наблюдать процесс изнутри, вникая в него постепенно. Но два космических корабля торговой компании, посетивших Зороастру в период восстановления галактических связей, после вынужденной двухсотлетней изоляции планеты, по сути, открыли ее заново и… принесли весть о чудовищном, извращенном во всех отношениях мире, реальность которого превосходит любой фантасмагорический бред.

Людям свойственно бояться всего отталкивающего и непонятного. И также многим присуще стремление прятать свой страх под личиной надменности и презрения.

Так родилась изоляция Зороастры в «цивилизованном» мире. Но не в мире преступном.

Планета по-прежнему остро нуждалась в технологиях, инструментах, промышленных роботах и космических кораблях – во всем, чего не могла произвести или вырастить сама.

Населению Зороастры было абсолютно безразлично, кто доставит им необходимые товары. Им даже импонировали люди, которые удивлялись, восхищались, пугались, но не выказывали своего презрения к ним.

Вполне естественно, что контрабандная торговля расцвела на этой планете с невероятной скоростью. Отсюда шел экспорт таких чудовищных ксеноморфов и полученных на их основе живых машин, что практически девяносто процентов подобных образчиков не получали официального

разрешения на ввоз в другие миры.

Однако это не останавливало предприимчивых теневиков.

Бизнес расширялся, захватывая все новые и новые миры.

Правительства десятков планет, поначалу просто выражавших свою озабоченность, увидели в этом серьезную угрозу. Зороастра стремительно и неумолимо становилась криминальным галактическим центром. Сюда бежали преступники и изгои, авантюристы и помешанные, непризнанные гении и военные преступники.

Незадолго до того, как прадед Кристофера Раули приобрел участок Гефеста, Совет Безопасности Миров решил нанести превентивный удар по преступной планете, чтобы раз и навсегда уничтожить очаг несовместимых с законами Конфедерации технологий.

* * *

Зороастру сожгли вместе с уникальными лабораториями, где осуществлялись бесчеловечные опыты в области генной инженерии. Жители планеты, которые на протяжении веков подвергались искусственным мутациям, казались остальным людям монстрами, а непосредственно владельцы лабораторий – преступными извращенцами, и в некотором смысле общественное мнение не ошибалось, но трудно сказать, сколько рациональных зерен сгорело во время планетарной зачистки вместе с плевелами антигуманных технологий.

И все же некоторые из них уцелели благодаря тому, что с планеты перед началом зачистки была эвакуирована часть населения, которая подверглась наименьшему воздействию генных технологий…

…Этот шаг в сторону, короткий экскурс в историю Зороастры, напрямую связан с девушкой, карабкавшейся в этот момент по выступам и трещинам выветренных скал.

Прабабка Даны являлась беженкой с зачищенной силами межзвездного патруля планеты, и в силу этого геном девушки, родившейся уже тут, на Гефесте, содержал в себе несколько любопытнейших изменений, которые как закрепившаяся мутация были переданы ей по наследству.

За спутанными прядями волос, позади обеих ушных раковин, у Даны прятались видоизмененные участки кожи. Они были отдаленно похожи на обычные механические импланты, но не являлись ими по природе своего возникновения – на Гефесте, покинутом цивилизацией полвека назад,

некому было заботиться о новорожденных членах общества, вживляя им устройства, без которых не мыслил себе существования ни один человек в развитом мире.

То, что таилось за ушными раковинами девушки, родилось и выросло вместе с ней как неотъемлемая составная часть ее организма. Информационный участок ДНК, ответственный за формирование этих органов, был искусственно внедрен ее прабабке в одной из лабораторий Зороастры.

Дана носила в себе генетические импланты: органы, позаимствованные у экзобиологической формы жизни одной из планет и искусно адаптированные к человеку в лабораториях Зороастры. По своей функциональной сути импланты Даны были предназначены для мысленного контакта с машинами, дистанционного вхождения в сеть, но не посредством куска глянцевитого кабеля, соединяющего человеческий имплант и соответственное гнездо сетевого терминала, а при помощи незримого излучения инфракрасных либо ультразвуковых волн. Имплантов было два, и оба устройства, сформированные из живых тканей, имели не только связь с полушариями мозга, но и собственные группы нейронов, которые, по аналогии со средствами автоматики человеческого организма, выполняли раз и навсегда закрепленную за ними функцию. Они преобразовывали результат мысленных процессов в понятный машине сигнал, излучаемый в зависимости от обстоятельств либо в инфракрасном, либо в ультразвуковом диапазоне.

Все описанные усовершенствования, о которых девушка узнала от своей матери, внешне выражались лишь в том, что ее височные области казались немного припухшими, но даже и эту едва приметную деформацию скрывали длинные пряди волос.

Никто и ни к чему не готовил Дану специально.

Она выросла здесь, среди руин и отравленной атмосферы, на участке сначала преобразованной, а затем брошенной за ненадобностью котловины, где несколько веков назад плескалось солоноватое море, из которого, не приди сюда люди, вполне могла бы развиться своя, уникальная жизнь данной планеты.

Вот так в сложном современном мире переплетались обстоятельства и судьбы.

Из смутных рассказов и легенд, бытующих среди жителей городских подземелий, Дана вынесла лишь одно: она поняла, что где-то существует более привлекательный мир, в котором все обстоит совсем по-другому, и ее не испорченная цивилизацией, чистая и достаточно наивная душа искренне

стремилась отыскать этот мир мечты.

Пока что в поисках лучшей доли ей удалось содрать в кровь пальцы рук и ног да здорово проголодаться, продвинувшись всего на десяток метров вверх по выветренной скальной стене.

* * *

Восхождение по отвесной стене заняло у Даны пять с половиной часов.

Когда ее кровоточащие пальцы уцепились за край скальной площадки, на которой располагался комплекс манивших ее зданий, девушка настолько обессилела и натерпелась такого страха перед бездной, что все мечты улетучились из ее бедного, безрассудного разума. Пальцы дрожали, грозя вот-вот сорваться, соскользнуть с опоры на последнем усилии, но все же она преодолела пограничный выступ скальных пород и в изнеможении распростерлась на холодном камне, не в силах более пошевелить ни одним мускулом.

Смотреть вниз на пройденный путь было страшно – от высоты начинала кружиться голова, а к горлу тут же подкатывала тошнота, поэтому, как только судорога немного отпустила перетруженные мышцы, Дана первым делом инстинктивно отползла от края пропасти.

О том, каким образом она спустится обратно, вниз, не хотелось даже и думать. Теперь рассказы о тех счастливчиках, которые находили свой мир забвения среди оставшихся от колонии руин, уже не казались ей такими заманчивыми и правдивыми. После изнурительного восхождения она чувствовала лишь одно: воздух на высокогорье был еще более прогорклым, чем внизу. Вливаясь в легкие, он резал грудь спазматической болью.

Дана приподняла голову и огляделась, понимая, что попала в ловушку. На скальной возвышенности оказалось намного больше ядовитых испарений, которые смешивались с кислородосодержащей атмосферой котловины, проникая через ущелья кольцевых гор вместе с дующими от раскаленных вулканических равнин ветрами…

Стесненность дыхания заставила ее собрать остатки сил, встать и, пошатываясь, направиться в сторону открытых дверей ближайшего здания.

Вокруг постепенно начало темнеть, приближался вечер, а у нее во рту с самого утра не было ни крошки.

Из-за быстро сгущающихся сумерек мир небольшого, плотно застроенного плоскогорья показался ей зловещим и таинственным,

повсюду сияли эти мертвые, разноцветные огни, а за распахнутой дверью здания в коридоре горел тускло-желтый свет, но и он не вызывал доверия у измученной искательницы приключений.

Некоторое время она провела в нерешительности. Ее скудный жизненный опыт, ограниченный приемами выживания внизу, где тускло флюоресцирующий плафон под сводом канализационного тоннеля являлся едва ли не единственным признаком цивилизации, ничем не мог помочь ей тут, на пороге внезапно ожившего комплекса зданий.

В конце концов верх взяли не страх или здравый смысл, а усталость и резь в груди. Долго дышать таким воздухом нельзя – это она знала не понаслышке.

Очередной раз закашлявшись, Дана уже не пошла, а побежала к приоткрытым дверям здания, откуда на крыльцо падала узкая полоса желтоватого света.

Это место по-прежнему внушало ей страх, но природа этого страха была не материальной, а скорее мистической. У современных жителей котловины, обитавших в подземных коммуникациях разрушенного города, не было естественных врагов, кроме противных и вездесущих крыс, которые при сбоях в системах очистной гидропоники частенько становились одним из источников пищи.

Дана не понимала очень многих аспектов своего существования. Она не знала истории возникновения этого места, и ее память не содержала в себе трагических воспоминаний о том, как из брошенной колонии стартовал последний космический корабль, оставив тут горсть несчастных, которым не хватило места на перегруженном транспортном челноке. Это были самые бедные и неудачливые обитатели терраформированной котловины, чьи предки прилетели сюда работать по найму, завлеченные на Гефест рекламными посулами Генриха Раули.

Оставшись в одиночестве после эвакуации колонии, люди, брошенные на произвол судьбы, пытались выжить как могли, постепенно отступая под прессингом ядовитых вулканических испарений в глубь подземных коммуникаций города, где автоматика очистных сооружений по-прежнему пыталась перерабатывать отходы городской жизнедеятельности, сначала разлагая их на простые химические элементы, а затем вновь соединяя, но уже в полезные, необходимые для жизни продукты, такие, как дистиллированная вода, обогащенный кислородом воздух и некоторые простейшие протеины.

Естественно, что среди брошенных на Гефесте рабочих не оказалось специалистов высокого класса, и маленькая колония прозябала в недрах

канализационных систем, медленно, но верно сокращаясь в своей численности.

Нужно сказать, что прабабка Даны была не единственным эмигрантом с Зороастры. Разгром планеты, который осуществил патруль Совета Безопасности Миров, произошел в том году, когда Генрих Раули основал колонию на Гефесте. Относительное соседство двух звездных систем, имевших единый перевалочный транспортный пункт на Аллоре, где сосредотачивались все пассажиры и грузы с близлежащих систем сектора Окраины, сыграл в этом случае немаловажную роль.

Акция патруля получила в то время широкую огласку: о Зороастре и ее генных инженерах, осуществлявших чудовищные опыты над людьми, узнала вся обитаемая Галактика. Неудивительно, что беженцы с этой планеты застряли в карантинном секторе Аллора без особых надежд на то, что их примет к себе какая-либо цивилизованная планета, ведь мнение граждан, зачастую лишь поверхностно владеющих вопросом обсуждения, формируется в основном с подачи средств массовой информации.

Естественно, никто не хотел иметь дело с этими «выродками», хотя беженцы с Зороастры не являлись преступниками, которых преследовал межпланетный закон, – в большинстве они были обыкновенными рабочими и служащими, исполнявшими незначительные, рутинные работы в тех самых зловещих лабораториях.

Генрих Раули, основатель колонии на Гефесте, как раз заканчивал в тот момент оформление бумаг по приобретению известного участка планеты и параллельно искал рабочую силу для зарождающейся нефтедобывающей отрасли. Прадед Кристофера был человеком без комплексов, к тому же он сильно поиздержался на приобретении Гефеста и у него не осталось средств для закупки ультрасовременного автоматизированного оборудования, способного заменить людей на буровых вышках, поэтому он не стал долго раздумывать, когда понял, что в карантинном секторе Аллора вот уже несколько месяцев кряду безо всяких надежд на будущее прозябают сотни беженцев с разгромленной Зороастры.

Он нанял их за гроши и вывез на Гефест, оставшись очень доволен своей финансовой изворотливостью.

* * *

…Сумерки постепенно перешли в непроглядную ночь, но внутри комплекса зданий благодаря тусклым лампам дежурного освещения этого

не замечалось.

Дана, дрожащая и голодная, прошлепала босыми ногами по пластиковому полу коридора и остановилась перед лестницей эскалатора, который вел на следующий уровень постройки.

Ей было страшно и неуютно. Несмотря на относительную чистоту вокруг, тусклый свет и нежный шелест регенераторов воздуха, девушка сейчас предпочла бы оказаться в узких и отнюдь не стерильных ответвлениях канализационных тоннелей, расположенных под руинами города.

Дана действительно боялась.

Страх холодным, неприятным язычком облизывал ее сердце, заставляя его биться неровно и учащенно. За полвека в подземных поселениях города сменилось три поколения жителей, и если первые прекрасно помнили о том, что такое «цивилизация» вкупе со всеми ее техническими достижениями, то третье поколение вынужденных поселенцев, к которым относилась Дана, давно утратило эти знания, и в воображении испуганной девушки комплекс офисных зданий, недавно реанимированный после полувекового забвения, казался местом мистическим.

Она не стала подниматься по застывшим ступеням эскалатора, а, немного постояв в нерешительности, направилась по боковому проходу, уводящему в глубь первого этажа построек.

Наверное, так ощущали себя первые исследователи египетских пирамид, когда им удавалось отыскать вход в загадочный комплекс древних сооружений и проникнуть внутрь, в царство теней, где каждый сантиметр поверхности нес в себе дыхание прошлого…

В глубинах тускло освещенного коридора внезапно послышался тонкий, неприятный, ноющий звук.

Дана инстинктивно прижалась к стене, ощущая спиной каждый выступ декоративной облицовки.

Из сумеречных глубин к ней приближалось нечто зловещее, звук становился все четче, ближе, и, наконец, в тусклом свете дежурных плафонов она увидела человекоподобную фигуру.

Девушка в инстинктивном жесте зажала обеими ладонями рот, чтобы не закричать.

Металлический человек остановился в полуметре от перепуганной Даны, его голова повернулась в ее сторону с характерным визгом сервомотора, и глаза-объективы уставились на сжавшуюся в комок девушку своими холодными немигающими зрачками.

Ее сердце продолжало заполошно биться в груди, норовя не то

проломить грудную клетку, не то просто выскочить через горло.

Сейчас этот чудовищный металлический истукан просто прибьет ее…

– Вы заблудились, мэм? – ворвался в ее мысли синтезированный компьютером голос. – Пищеблок расположен прямо по коридору, помещения для отдыха личного состава в секторе номер два. Я готов проводить вас.

Дана стояла, в полном смысле окаменев.

Она не понимала, как это металлическое подобие человека смогло угадать, что за всепоглощающим пологом ужаса в ее чувствах действительно скрываются усталость и голод, которые временно отошли на второй план под влиянием неожиданного стресса, порожденного данной встречей.

Дана очень многого не знала о себе.

Генные инженеры Зороастры, совершенствуя тело ее прабабки и внося показавшиеся им удачными изменения в геном подопытной женщины, пытались создать наследственность, которая несла бы в себе прирожденные функции управления простейшими кибернетическими системами, к категории которых прежде всего относились бытовые дройды. Этот экземпляр, что до смерти напугал Дану, воспринимал сейчас интенсивное излучение, исходящее от ее имплантов сразу в двух доступных для сенсоров машины диапазонах: инфракрасном, то есть тепловом, и ультразвуковом. Человек, прижавшийся к стене, был напуган, хотел есть и находился на грани крайнего физического истощения.

Ситуация разрешилась самым тривиальным образом: не выдержав нервного напряжения, Дана потеряла сознание от страха, и ее тело медленно оползло по стене.

Человекоподобный робот подошел к ней, на несколько секунд склонился над девушкой, сканируя ее биоритмы, а затем легко поднял на руки безвольное тело и понес наверх, в глубь коммуникаций третьего яруса, – оказывать первую медицинскую помощь, кормить через капельницу и дать выспаться, восстанавливая неизвестно куда и зачем потраченные силы.

Одним словом, машина с ее логикой и трогательной привязанностью к человеку, которую программисты умудрились тонко и ненавязчиво провести как основной программный лейтмотив действий дройдов данного класса.

* * *

Она проспала около двух суток.

Причиной такого длительного отдыха было не пятичасовое восхождение по отвесным скалам – просто организм Даны на самом деле оказался критически истощен той жизнью, что вела девушка в заброшенных подземельях разрушенного города, и данный факт, естественно, не могла проигнорировать та машина, заботам которой поручил девушку повстречавший ее дройд.

Комплексный медицинский аппарат, установленный в спальне самого Вениамина Раули, последнего представителя семьи, который правил колонией непосредственно отсюда, оказался вполне исправен, несмотря на полвека, прошедшие со дня его последнего включения. Этот агрегат относился к разряду аппаратуры, которая не требует ежедневного ухода со стороны людей или обслуживающих механизмов. После тысячелетия непрекращающегося продвижения в космос люди научились наконец конструировать всю свою технику, исходя прежде всего из принципов полной автономии, сверхнадежности и обязательного наличия в любом приборе функций самоподдержания. Только безумец в эру космических путешествий и освоения новых планет мог позволить себе пользоваться дешевыми одноразовыми приборами, основанными на принципе: попользовался и выкинул.

«Мы не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи», – эта здравая мысль, высказанная в далеком прошлом, приобрела спустя века иной смысловой оттенок, – она эволюционировала вместе с людьми и теперь звучала приблизительно так: «Мы не настолько *беспечны*, чтобы пользоваться дешевой аппаратурой».

Неудивительно, что Кристофер Раули, назначивший свидание с покупателем колонии непосредственно на Гефесте, прилетев сюда за несколько дней до встречи, смог с легкостью реактивировать все системы плотно запечатанного до этого момента комплекса офисных зданий.

Более того, заметив на этажах несколько мумифицированных трупов незваных визитеров, каким-то образом сумевших проникнуть через периметр охраняемой территории офиса, он, чтобы не портить впечатление гостя, который должен был прилететь сюда вслед за ним, включил все циклы поддержания чистоты помещений, контуры внутренних систем жизнеобеспечения офисных зданий и, уже практически не сомневаясь в том, что сделка состоится, снял все изощренные коды управления и доступа с компьютерных систем главной резиденции трех поколений Раули. Это была явная любезность по отношению к новому хозяину

Гефеста, потому что Вениамин Раули, скончавшийся в этих стенах, страдал перед смертью целым набором психозов и маний, что сильно осложнило первые дни пребывания в офисе самому Кристоферу.

Промучившись с паролями, кодами доступа и программными ловушками, понасованными отцом в каждую электронную дверь или управляющий компьютер, он в конце концов обозлился и реактивировал всю компьютерную систему зданий, сбросив все настройки доступа в нулевое положение, с которым техника поступает к пользователю с завода-изготовителя.

Дальше события развивались своим чередом.

Сделка действительно состоялась, Кристофер Раули получил вожделенный кристалл и отбыл с Гефеста, а новый хозяин колонии не собирался трогать автоматику офисных зданий, потому что знал: колония пуста, мародерничать тут некому, все животные, завезенные сюда с иных миров, давно сдохли, а сам комплекс в течение ближайшего времени будет радикально перестроен и перепрограммирован сообразно с его новым предназначением.

Капитан Столетов оставил все, как есть.

В логике его действий была допущена одна ошибка: на Гефесте все еще жили люди, и Дана, спящая сейчас в постели Вениамина Раули, являлась прямым тому подтверждением…

…Проснувшись, она пережила мгновенный испуг – остаток того глобального страха, который предшествовал провалу беспамятства. Открыв глаза, Дана увидела богато инкрустированный пластиковой имитацией лепнины потолок с вмонтированным в него зеркалом, которое отражало ее саму, съежившуюся под синтетическим одеялом, испуганную, бледную…

Несколько секунд она смотрела на свое отражение, не смея шевельнуться, но вокруг стояла успокаивающая тишина.

Справившись с первым приступом страха, девушка понемногу расслабилась и, стараясь не шевелить головой, скосила глаза, оглядываясь по сторонам.

Комната была просторной, чистой, ее наполняло множество непонятных предметов меблировки, но внимание Даны прежде всего привлекло окно.

Огромное три на два метра электронное окно, занимавшее всю стену напротив кровати.

За ним простиралась бескрайняя степь, покрытая цветущим травостоем, а вдали, у самого горизонта, смутно очерчивались контуры какого-то простенького строения.

Дана лежала, мгновенно позабыв о своем страхе и с любопытством всматривалась в виртуальную панораму.

Она знала, что на Гефесте нет и никогда не было подобных ландшафтов. Куда в таком случае вела эта зеленая, цветущая равнина?

Мысленно сформулированный вопрос, сильный подсознательный порыв, стремление узнать – что же это за удивительное пространство простирается за плоскостью экрана? – сработало как спусковой механизм ее врожденных способностей, переданных наследственным путем от прабабки, но дремавших до недавней поры по причине полной электронной несостоятельности окружавших подземный мир девушки канализационных труб.

Дана неотрывно смотрела в стереоглубины электронного окна, и ей казалось, что ее разум медленно погружается, входит в это пространство, которое, усугубляя стереоэффект, вдруг подалось навстречу, начало охватывать ее со всех сторон, порождая иные перспективы.

На самом деле в этот момент происходило следующее: желание Даны узнать, что находится в виртуальном пространстве за электронным окном, было осознано ее мозгом. Возникшее возбуждение образовало устойчивую связь между корой полушарий и доставшимися девушке по наследству аномальными группами нейронов, расположенными в височных областях. Те, в свою очередь, преобразовали мысль человека в форму понятных для любой машины кодов и транслировали их в диапазоне инфракрасной и ультразвуковой связи.

Приемное устройство сетевого терминала, расположенного в этой же комнате, было снабжено инфракрасным портом. Система приняла внешнюю команду пользователя, и теперь уже в недрах компьютерного комплекса начались процессы активации программ.

Дана лежала, завороженно глядя в глубины электронного окна, а на крыше офисного здания пришла в движение параболическая антенна спутниковой связи, нацеливаясь на невидимую отсюда станцию Гиперсферной Частоты планеты Гефест, системы которой реактивировал капитан Столетов.

Сигнал, посланный поисковыми программами в сеть Интерстар, прошел мгновенным набором байт по каналам внепространственной связи, и наконец…

Нейросенсорный контакт.

Вхождение в сеть посредством едва осознанного волевого усилия…

именно к такому эффекту стремились генные инженеры несуществующей теперь Зороастры… и их замысел оказался реализован спустя три поколения после того, как прабабке Даны был имплантирован ген, ответственный за формирование биологических имплантов!..

Однако события не ограничились тривиальным контактом с сетью Интерстар.

Все обстояло намного сложнее и… хуже.

Разум Даны не просто вошел в соприкосновение с сетью. Ее сознание, скользнув по виртуальным каналам Интерстара, внезапно ушло еще глубже, в иную, созданную уже не людьми машину, – оно погрузилось в *Логрис*, ворвавшись в закрытую от смертных виртуальную Вселенную через видоизмененный кристалл, предназначенный, по замыслу Белова, для экспериментов с сознанием Кристофера Раули.

Механизм вхождения в *Логрис* был создан намного раньше, чем планировал старый генерал внешней разведки… Здесь судьба с ее непредсказуемыми прихотями плюс технические возможности общечеловеческой сети сыграли свою роль. Кристалл с сознанием Раули, внедренный в Логрис, имел, вопреки канонам, открытый канал внешнего доступа, который работал, генерируя статичный обратный сигнал, *снимок того пространства*, где должно было спустя какое-то время развернуться главное действие тайной операции, запланированной генералом Беловым.

Пока оставалась нетронутой аппаратура офисных зданий и еще не прибыли специалисты, тонкая нить связывала один из кристаллов Логриса с проекционным устройством, которым оказалось огромное виртуальное окно в спальне Вениамина Раули. Сюда со станции ГЧ транслировалась панорама бескрайней кьюиганской степи, созданной Кристофером, когда последний очнулся в новой для него виртуальной Вселенной и начал осторожно экспериментировать с доступными ему посмертными возможностями.

Отбросив техническую сторону проблемы, стоило бы спросить, что это было на самом деле: простое стечение обстоятельств, злой рок или закономерное возмездие, которое должна была понести душа Кристофера за все преступления, сотворенные на Гефесте тремя поколениями его предков?

* * *

В первый момент Дана испытала смешанное чувство страха и

восторга, когда поняла, что стоит по пояс в траве, которую колышет легкий ветер, создающий мягкие волнистые пространства гнущихся под его порывами стебельков.

Наклонившись, она коснулась травы, ощутив, что одни стебельки мягкие и шелковистые, другие более твердые и упругие, некоторые оканчивались соцветиями, иные же, наоборот, уже отцвели и теперь готовы были уронить на землю свои зерна.

Мир мечты…

Для кого-то этот термин означает нечто более богатое, изощренное и прогрессивное, но для Даны бескрайний простор цветущего травостоя ассоциировался именно с понятием глобального, ошеломляющего счастья.

Она совершенно не понимала, каким образом попала сюда, как ее разум проник в пространство за окном, но это сейчас уже было неважно, главное – она тут, в мире, о существовании которого множество раз слышала от старух, что ворчливо рассказывали о прошлой жизни, навек покинувшей Гефест, когда дышалось легко, работалось тяжко, но после трудового дня можно было расслабиться, отдохнуть, ускользнув в одно из подобных мест, где запросто реализуются все твои грезы.

Даже сейчас, стоя по пояс в траве, ощущая волнующие прикосновения травинок к своей коже, Дана не до конца понимала, о чем шла речь в тех долгих ворчливых беседах по вечерам, когда ей едва ли исполнилось четыре года. Разум девочки тогда просто впитывал слова взрослых, по-своему интерпретируя их смысл.

Долгие и трудные годы выживания научили Дану и ее сверстников по-своему смотреть на мир. Каждый из них нес в себе какую-то загадку, деформацию генов – врожденную патологию, с точки зрения нормального человека, конечно. И каждый, в силу своих способностей, старался принести пользу, облегчить жизнь маленькому анклаву брошенных на произвол судьбы людей.

Например, Питер, юноша, который был года на два старше Даны, прекрасно видел в темноте. Когда он пытался описать другим свое зрение, то получалась какая-то нелепица. Он утверждал, что кромешный мрак для него – это всего лишь зеленоватая муть, а все живые существа, будь то человек или крыса, видятся как пылающие ярко-зеленым огнем контуры.

Никто не подсмеивался над ним, потому что в подземельях по большому счету царил именно мрак, а Питер регулярно и недвусмысленно подтверждал правдивость своих слов, принося из самых темных тоннелей тушки наиболее жирных крыс.

Мать Даны могла разговаривать с мертвыми приборами. У нее также

имелись два вздутия кожи в височных областях, но она не связывала свои способности напрямую именно с ними. То, что она умела, воспринималось как должное, как врожденный дар, а откуда этот дар взялся изначально, никто не задумывался.

Мать Даны, заботясь о будущем дочери, научила девочку тому, что знала сама: если подойти к какому-либо прибору и пристально смотреть на него, постоянно высказывая мысленное желание, чтобы он заработал, то зачастую древний механизм действительно оживал, иногда надолго, но чаще – всего на несколько минут или секунд, после чего раздавался треск, начинала дымить изоляция, и все заканчивалось вонючим пожаром перегоревшей проводки.

Однако таким образом удалось «оживить» несколько аварийных регенераторов воздуха, и мать девушки до самой смерти пользовалась уважением маленького сообщества отверженных.

Дана после смерти матери, заняв по наследству ее место, решила идти дальше. Девушка обладала логикой и быстро сообразила, что их подземные убежища являются нижней составляющей чего-то большего.

Она стала подниматься в город, отыскивала там различные приборы и пыталась оживить их при помощи своих возможностей. Некоторые опыты были удачны, некоторые плачевны и опасны, но тем не менее их маленькая община пополнила средства выживания несколькими полезными устройствами. Это и побуждало Дану вновь и вновь подниматься на поверхность. Постепенно она освоилась с ярким дневным светом, научилась распознавать направление ветров, опытным путем выяснив, какие из них несут с собой смертельное дыхание лавовых равнин, а какие, наоборот, поднимают со дна котловины остатки тонкой кислородосодержащей прослойки.

Так, в бесконечных вылазках, текла ее жизнь, и каждый раз, поднимаясь на поверхность, девушка задерживала взгляд на группе отдельно стоящих зданий, которые возвышались на скальной площадке, куда не вело ни одной дороги, кроме рискованного пути по отвесным выветренным стенам.

На ее памяти несколько человек попытались подняться туда, но они не вернулись…

Постепенно мрачный комплекс мертвых зданий, царящий над котловиной, стал ассоциироваться в сознании девушки с местом, где обитает некое существо, которое властно над ними.

Спустя тысячи лет после Рождества Христова она абсолютно независимо выносила в своем сознании образ и понятие бога.

Потом в один из серых, непримечательных дней случилось чудо: в тусклый полдень яркое сияние озарило пепельно-серый небосвод, и комплекс мертвых зданий внезапно ожил, расцвел маленькими солнышками огней, в нем зажигались и гасли окна, словно в грозную цитадель наконец вернулся хозяин.

Потом огонь вновь взъярился в небесах и больше не появлялся, но здания на вершине плоскогорья уже не казались мертвыми и заброшенными.

Люди жили, словно в ожидании чего-то грядущего, и Дана, которая каждый день с замиранием сердца наблюдала за всем происходящим, не смогла утерпеть, сидя внизу в затхлой тиши канализационных труб.

Она поняла, что должна побывать там и воочию увидеть, что же скрывают эти внезапно ожившие постройки мрачного и неприступного комплекса.

И вот она оказалась тут, но уже не внутри ожившей постройки, а много глубже, в мире своей несбыточной мечты, в том месте, где, по ее понятиям, должен был обитать БОГ.

* * *

Тонкие стебли гнулись и шелестели, лаская босые, покрытые ссадинами ноги своей шелковистой упругостью, но Дане казалось, что она идет против ураганного ветра, одновременно испытывая упоительное наслаждение и… всепоглощающий, граничащий с ужасом страх.

Она вспомнила свое отражение в зеркале спальни и вдруг подумала, глядя на укрупняющиеся контуры бесхитростной прямоугольной постройки: а что она, маленькая, чумазая, наивная девушка, скажет ему – придуманному и взлелеянному ее собственным сознанием богу, если он действительно обитает там?

Страх подкашивал ноги, порождал слабость и дрожь в коленях, а ожидание чуда, сладостное предвкушение толкали вперед, и она шла, не помня себя, сосредоточившись на прямоугольнике белых стен, по другую сторону которых плескалось бескрайнее море.

* * *

Кристофер Раули сидел в единственном кресле и смотрел в одну точку

на белой как мел стене.

Это походило на кому.

Сон разума, в котором нет никаких эмоций или желаний. Он не знал, что делать с дарованной ему вечностью. Он не испытывал голода и потому не ел. Его сущность не ощущала никакой необходимости в смене периодов отдыха и бодрствования. Желаний и эмоций не было вообще. Он стал полностью статичен.

Крис не удосужился обзавестись ничем, кроме этих созданных в первом порыве творчества стен, кресла да двух разноликих пространств за двумя окнами.

Именно в таком состоянии застала его Дана.

Ее появление в виртуальном жилище Кристофера Раули вызвало некоторые технические трудности: там, где располагалась дверь, перед крыльцом, вместо тверди разверзлась черная пропасть без дна, которая и разграничивала бескрайнюю водную гладь и кьюиганскую степь.

Некоторое время девушка провела в нерешительности, не зная, как преодолеть пропасть, чтобы попасть к крыльцу, а потом заметила, что окно не имеет даже рамы со стеклами – оно выглядело простым квадратным провалом в стене.

Подойдя к нему, она с замиранием сердца заглянула внутрь и увидела сидящего спиной к ней человека средних лет, одетого в потертые брюки и рубашку.

Дана, подчиняясь какому-то безумному порыву, вскарабкалась в проем окна, секунду помедлила, ожидая, не оглянется ли он на шум, а потом тихо позвала, произнеся это слово непослушными, дрожащими губами:

– Бог?..

Он обернулся, и в глазах Кристофера Раули, впервые со дня его смерти, промелькнуло выражение, которое с большой натяжкой могло быть охарактеризовано термином «удивление».

Что-то видоизменилось в этот миг, но не в виртуальных атрибутах, создающих мизансцену, а в самом духе реальности.

Из нее внезапно исчезла статика.

* * *

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

В глазах девушки безмерное удивление смешивалось с благоговейным

ужасом, а взгляд Раули, тусклый и холодный, равнодушно исследовал ее внешность, пытаясь понять, что представляет собой эта симпатичная, но чумазая и оборванная девушка, кто она – внезапное и несанкционированное порождение его подсознания или действительно чей-то фантом, вторгшийся в границы его личной вселенной?

– Кто ты? – наконец спросил Крис, и что-то шевельнулось у него внутри: среди холодных, разумных мыслей промелькнул и исчез едва уловимый диссонанс, словно от этого существа повеяло чем-то знакомым, но уже утраченным… или, быть может, просто позабытым?

– Меня зовут Дана… – Она поджала ноги, усевшись в проеме окна, но ее поза выдавала не расслабленность, а наоборот – напряжение и страх. Черты миловидного лица портили спутанные, неухоженные волосы, да еще выражение напряженного ожидания, которое сомкнуло ее губы в тонкую бескровную линию, резко обозначило скулы на худом лице и создало вертикальную морщинку на лбу, явно несвойственную возрасту девушки.

Ее имя ничего не сказало Кристоферу. При жизни он знал много женщин, но ни один из образов бывших знакомых, который мог бы вырваться из пучин памяти, не подходил к ней ни по возрасту, ни по внешности, да и вообще – никто из внешнего мира не мог вот так запросто проникнуть в информационные базы данных, которые содержал его кристалл, об этом Кристофер, который достаточно серьезно готовился к собственной кончине, знал наверняка.

И все же она тут – незнакомая, перепуганная девушка, которая сидит в проеме незавершенного окна, глядя на него с попеременным страхом и обожанием в широко раскрытых глазах.

В разум Кристофера начали закрадываться кое-какие сомнения.

Как там она назвала его? *БОГ?!*

По мнению Раули, это было слишком. Он уже успел прочно адаптироваться в спокойной, абсолютно безэмоциональной обстановке своего существования, и внезапное вторжение извне не выбило его из этого ступора, но чисто механически породило ряд вопросов.

– Кто ты такая и откуда? – бесцветным голосом осведомился Крис.

Девушка съежилась под его взглядом.

– Я… Я случайно попала сюда… – запинаясь, ответила она, не дав тем самым никакого конкретного ответа.

– Поясни точнее, – потребовал Раули.

Дана замерла, застыла, как статуя, изваянная в проеме окна. Она не умела говорить коротко, да и страх перед этим непонятным ей призраком сжимал горло, не позволяя звукам вырываться наружу. Она не знала,

являлись ли ее действия преступлением, которое он немедленно покарает, или…

– Я лежала в постели и смотрела в огромное окно, которое показывало чужой мир, – наконец выдавила она, опустив большую часть предыстории. – Потом мне стало чудиться, что пространство затягивает меня внутрь, и вот… я оказалась тут, на равнине, увидела вдалеке домик и пошла…

Ее сбивчивые объяснения принесли Крису мало конкретной информации, но кое-какие зерна истины он уловил.

– Почему ты обратилась ко мне, использовав термин «бог»? – спросил он.

Девушка нахмурилась. Очевидно, ее интеллектуальное развитие оставляло желать лучшего, иначе как объяснить, что некоторые мыслительные процессы отражались на лице Даны, словно в зеркале. Это не означало, что она была умственно неполноценной, – Кристофер уловил в ее внутреннем смятении не ограниченность потенциальных способностей разума, а скорее отсутствие должного воспитания, неумение облекать подсознательные чувства в четкие словесные формулировки.

Он понял, что был прав, когда она заговорила, нарушив затянувшуюся паузу:

– Когда-то мой мир был богатым, живым и цветущим… – неуверенно начала она, явно повторяя услышанное от кого-то, отрывая слова и предложения от контекста более широкой истории. – Нашей землей управляли свыше, воздух был чист, на земле росли цветы, деревья, трава… Сейчас все не так… – Она судорожно сглотнула, стараясь не встречаться с холодным взглядом Раули. – Воздух мертв, деревья погибли, город разрушился, и никто не управляет нами, мы остались сами по себе… – Дана говорила тяжело: казалось, что каждое слово требует от нее надрывных усилий, словно набор звуков являлся сухим комком, который нужно проталкивать сквозь горло.

Раули внимательно выслушал ее и позволил себе усмехнуться. Это была не эмоция, а мимика.

– Нет, девочка, я не бог, – неожиданно ответил он на первый заданный Даной вопрос. – Я человек, который умер, – спокойно пояснил Кристофер. – Ты разговариваешь с духом, набором мыслей, запечатанным в постоянной памяти хитроумного вычислительного устройства.

– Да? – Глаза Даны потускнели, будто из них мгновенно вытекла жизнь. – Жаль… – со вздохом произнесла она и вдруг добавила с прежней дрожью в голосе: – Я думала, что ты бог. Я нашла в развалинах города

книгу, где описано существо, сотворившее мир и властвующее над ним. Если люди любят своего бога и верят в его существование, то он обязательно помогает им…

Раули опять терпеливо выслушал ее и кивнул.

– Это называется религией, – сказал он. – Когда люди не могут что-то сделать сами или оказываются в чрезвычайных обстоятельствах, они всегда уповают на случайность, которая вдруг поможет им выкарабкаться из беды или сделает их жизнь лучше. Бог – это надежда, потребность иметь какую-то мечту, отражение человеческих чаяний, но отнюдь не конкретное существо. – Его черты вдруг исказила саркастическая усмешка. – Я уж точно не бог, поверь.

– Жаль… – Теперь на глазах Даны вдруг выступили слезы. Очевидно, что она очень сильно верила в свою *мечту.*

Раули остолбенел.

Если секунду назад он все еще допускал, что происходящее каким-то образом является игрой его собственного воображения, то теперь окончательно убедился, что его внезапная гостья – настоящий фантом, причем напрямую связанный с конкретным, живым человеком. Пока он размышлял над сутью явления, Дана, смутившись своей слабости, смахнула с ресниц слезинки.

– Скажи, а куда я попала? – спросила она, скользя мутным от слез взглядом по голым стенам.

– Это мир, предназначенный для одной конкретной души, – спокойно ответил ей Раули. – Если тебе проще оперировать таким термином, то тут я действительно бог. Я могу сотворить все, что угодно, как, например, эту степь, стены, море…

Дана посмотрела за окно.

– Тогда ты мог сделать больше, – неуверенно предположила она, намекая на скупость исполненного при заявленном могуществе.

– Мог, – спокойно согласился с ней Раули. – Только зачем?

– Чтобы радоваться совершенному, – не задумываясь, ответила она.

Кристофер откинулся на спинку кресла. Если бы он мог вести себя как прежде, владеть утраченными навсегда эмоциями, то сейчас наверняка испытал бы замешательство.

– Я больше не могу радоваться, – наконец произнес он, подобрав наиболее простую и точную формулировку. – Мне трудно объяснить тебе суть того, что со мной происходит. У меня нет чувств. Они умерли вместе с телом. Остались только мысли – логические вычисления, экстраполяция того или иного факта…

Дана действительно не поняла большинства произнесенных им терминов, но суть сказанного дошла до ее разума, а бесхитростное сердце, не привыкшее к сложным чувствам, восприняло все по-своему, и это понимание выразилось самым неожиданным образом: она вдруг соскользнула из проема окна внутрь комнаты, подошла к Кристоферу, наклонилась и внезапно поцеловала его в щеку.

Он поднял на нее глаза.

Дана чуть отстранилась, внутренне изнывая от дерзости своего поступка, но этот человек показался ей еще несчастнее, чем она сама. Ей захотелось помочь ему, поделиться частичкой своего тепла, своих эмоций, и единственным универсальным инструментом, оказавшимся в распоряжении ее бесхитростного сознания, была любовь, ласка, которая просто обязана ободрить его, заставить почувствовать тепло прикосновения сухих, чуть потрескавшихся губ…

– Ты что-нибудь чувствуешь? – затаив дыхание, спросила она после возникшей секундной паузы.

Раули вздохнул, посмотрев на нее снизу вверх.

– Нет, – без интонаций ответил он на ее ожидание. – Я же сказал, что не могу чувствовать. Ты просто прикоснулась ко мне. Понимаешь? – продолжая смотреть на свою негаданную гостью, Кристофер не заметил понимания в ее глазах и пояснил: – Где-то существует твое тело, у которого есть нервная система, живой мозг и вся присущая организму биохимия. Оно связано с твоим виртуальным призраком, и потому ты можешь улыбаться, плакать, разочаровываться и радоваться. А у меня этого нет. Мое тело кремировано, нервные волокна сгорели в топке, а здесь, – он неопределенным жестом обвел пространство вокруг, – здесь находятся всего лишь информационные байты, в которых записана моя память. Я могу выделить некоторое их количество и превратить в море или степь силой своего воображения, но я не смогу почувствовать ни температуру воды, ни прикосновение трав…

– Ты просто не хочешь, – склонив голову, произнесла Дана. Ее благоговейный страх сменился присущей девушке доброй непринужденностью, как только Крис Раули утратил мистический ореол, превратившись из гипотетического бога в непонятную, но явно *несчастную* душу, запертую в этом недоделанном пространстве. – Тебя раньше целовала женщина?

– Да.

– Тогда вспомни, как это было, – нисколько не смущаясь, посоветовала она и вновь коснулась губами его щеки.

Все произошло так внезапно… Ее слова и движение совпали с собственной мыслью-воспоминанием Раули, и Кристофера словно ударило током.

Дрожь пробежала по фантомному телу, зазвенел, казалось, каждый – *несуществующий!* – нерв, и от внезапного обвала чувств кожу на затылке стянуло мурашками…

Ощущения тела!..

Он едва не вскрикнул, – настолько быстра и ошеломительна оказалась эта перемена.

Казалось, что в этот миг они внезапно, но явно поменялись ролями – не он был богом, а она, необъяснимо возникшая в его окне призрачная девушка, одним движением, порывом, словом пробившая косность его цинизма, в коконе которого он умирал и очнулся тут.

Все было просто, до жути, а он не смог распознать этого, отрезал прошлое, запер все, что знала его душа, и попытался устремиться в будущее, которого здесь попросту не могло быть!.. Крис мгновенно понял, что может обогатить свое существование только теми чувствами, которые он помнил, и ни йотой больше. Создав волей своего воображения незнакомый, экзотический цветок, он никогда не почувствует его запаха, потому что не будет помнить, как тот пахнет, а вот тривиальный василек…

Цветок оказался в его руках, и благоухание наполнило пустое пространство комнаты.

– Вот видишь… – Дана смущенно отошла от него. – У тебя получилось.

Кристофер едва ли слышал ее слова. Он потрясенно смотрел на цветок в своих руках, вдыхал его запах и не мог поверить этому.

Он обрел новую власть над данным миром, ограниченную лишь глубиной его личной памяти о тех чувственных ассоциациях, которые рождал тот или иной предмет, явление…

Наконец он вспомнил о Дане и поднял глаза.

Она стояла, понурив голову, и смотрела за окно на бескрайнюю кьюиганскую степь.

– Жаль, что ты не можешь творить чудеса в моем мире, – со вздохом проговорила она.

Крис не нашелся, что ей ответить. Некоторое время он молчал, все еще переживая постигшую его перемену, а потом произнес:

– Не отчаивайся. Дай мне время подумать. Может быть, я смогу помочь тебе, как помогла мне ты…

– Как? Ты же сам сказал, что твоя власть распространяется только тут.

– Да. Но твое появление означает, что между моей Вселенной и твоим миром существует связь. Я попытаюсь отыскать ту лазейку, через которую ты сумела проникнуть сюда. – Он говорил с упоением, *чувствуя*, что внезапно возникшая идея захватывает, увлекает его. – Если обратная связь возможна, то я пройду твоим путем… Ты можешь описать мне что-то, кроме электронного окна?

– Нет… – подумав, покачала головой Дана. – Я впервые попала в здание, где оно установлено. Я не трогала никаких приборов, просто смотрела в это окно…

– Странно… – озадачился Крис. – Ты не совершала никаких специальных действий, чтобы попасть сюда?

– Нет, никаких, – подтвердила девушка. – Мне показалось, что пространство за окном просто затянуло меня внутрь.

Кристофер только покачал головой.

Он не верил в чудеса. Техническое волшебство – да. Мифическое – нет. Если разум девушки оказался тут, и более того – был сформирован ее фантом, значит, где-то вне *Логриса*, в реальном мире, существует аппаратура, работающая специально на создание этого эффекта. Такое допущение насторожило Раули, но он по привычке не подал виду, что обеспокоен.

– Ладно… – произнес он. – Жди меня, я решу эту проблему тем или иным способом. Мне кажется, что тебе и твоим сородичам не хватает малой толики утраченных знаний. В твоем мире есть какая-нибудь техника?

– Что это такое?

– Машины, компьютеры?

– Полно. Но ничего не работает. Я случайно нашла это электронное окно, забравшись в недозволенное место, где раньше жили хозяева мира. Потому я и подумала, что ты бог.

Крис опять задумался, потом тряхнул головой и сказал:

– Чудес не бывает. Это я знаю точно, но попытаюсь тебе помочь.

– Скажи, а мне можно приходить сюда? – опять со страхом и смятением в голосе спросила Дана.

Раули в первый миг задержался с ответом. Такова была его натура, привычка разума просчитывать последствия каждого важного решения как минимум на несколько ходов вперед, а потом кивнул:

– Да. Если ты в состоянии проникать в мой мир, я буду рад тебе.

Ни он, ни она не понимали, что произошло в эти минуты в фантомной Вселенной, принадлежащей Кристоферу Раули.

Последствия их встречи в виртуальном пространстве заранее не мог просчитать никто…

Глава 3

Логрис.
Виртуальная Вселенная Кристофера Раули…

Все оказалось намного сложнее, чем представлялось Крису в первые секунды эйфории, когда после бездны безвременья, лишенного всяческих чувств, он ощутил теплое дыхание девушки на своей щеке и мягкое прикосновение ее губ.

Память и эмоции.

Эмоции, которые он помнил. Вот она, оборотная сторона его власти над виртуальной могилой в *Логрисе*.

Ловушка… – осознание этого навалилось чуть позже, когда призрак Даны уже исчез и было бесполезно гадать, кем она являлась на самом деле: невинным ангелом или демоном, который изощренно вывел его из ступора статичного существования в настоящий, невыдуманный ад…

Ловушка захлопнулась, как только исчез призрак Даны, а произошло это потому, что на самом деле Крис Раули при жизни был жестоким и циничным человеком, ну а всплеск положительных чувств, рожденный поцелуем девушки, оказался лишь частностью, исключением из общих правил его внутреннего мира… камушком, который, сорвавшись с вершины горы, столкнул неуправляемую лавину *иных* воспоминаний и связанных с ними чувств…

Тех чувств, что были намертво впечатаны в память Криса, но находились под жестким запретом еще при жизни, потому что, старея, Раули постепенно терял некоторые неколебимые понятия… его душа еще при жизни пыталась, пользуясь ослаблением самоконтроля со стороны разума, переоценить некоторые поступки…

Лучше всего душу Кристофера охарактеризовал генерал Белов в беседе с полковником Грином:

«Сволочь, какую еще поискать среди наших врагов…»

Это была правда.

Основной профессией, если так можно назвать вид деятельности, которой занимался Раули, были убийства по заказу.

* * *

Дана ушла, а он остался один.

Коллизии в фантомном мире носили мгновенный характер. Ее горячий поцелуй еще тлел на левой щеке Криса, а правую уже сводил нервный тик.

Виртуальная могила *Логриса*…

Место, где твоя память записана в мельчайших подробностях, разложена по байтам и готова к действию, как только…

Как только вспомнишь о ней, осуществишь хоть малейший мысленный позыв.

Вот когда обернулись своей истинной стороной слова, сказанные бездну лет тому назад на далекой в пространстве и времени планете Земля:

«Нужно прожить свою жизнь так, чтобы не было потом мучительно больно за бесцельно прожитые годы».

В ситуации с Крисом фраза должна нести более жесткий контекст.

Слово «бесцельно» автоматически заменялось на иное, гораздо более жестокое и конкретное.

Над цветущей кьюиганской степью вдруг начали клубиться черные, отливающие снизу свинцом грозовые тучи, порыв ураганного ветра поднял пенистый водный вал, который с глухим стоном ударил в шаткую стену ненадежного домишки.

Память, так необдуманно разбуженная, с глухим рокотом ломилась в его сотворенное наспех убежище.

«Это была не моя воля… Жизнь так обошлась со мной… Судьба швырнула меня на этот путь…»

Тщета…

Память неумолимо выталкивала образы прошлого.

Вот он, юный Крис, с двумя университетскими друзьями у входа в казино, где голографическая реклама рисует умопомрачительные росчерки в чернеющих небесах.

Стоило ли входить в эти двери в день получения заветного диплома, со стипендией в кармане и кредитной карточкой, куда родители перечисляли деньги на учебу своего четвертого сына, решившего покинуть Гефест и поискать счастья на стороне?

Да, всю жизнь Крис пытался забыть этот вечер, но ни один дипломированный психолог не смог вытравить из его души эту память.

Стол, покрытый по традиции настоящим зеленым сукном. Горы фишек, чарующая улыбка девушки-крупье, ее мелодичный, вкрадывающийся в душу голос:

– Делайте ваши ставки, господа…

Крис сделал глоток вина. Он и так был уже изрядно пьян и перевозбужден, гора фишек перед ним казалась огромной, туда после двух первых выигрышей могли уместиться все родительские пособия и стипендии, вместе взятые… Эта груда пластиковых кругляшков источала запах, особенный запах, который в своих сложных флюидах сочетал и тонкий аромат дорогих духов подсевшей справа к нему ослепительной блондинки, чье обнаженное в разрезе платья бедро как бы невзначай прижималось к его опущенной руке, и запах натуральной кожи, которой отделаны салоны дорогих машин, припаркованных подле казино, и еще…

…Шарик, описывающий плавные синусоиды в зеленоватом мерцании суспензорного поля, оставлял за собой зримый огненно-красный след, вычеркивая цифры, пока в виртуальном кубе, проецирующемся поверх зеленого сукна, не осталось одно-единственное, полыхающее изумрудным огнем число.

Это была цифра его баснословного… проигрыша.

Нога блондинки куда-то исчезла, весь мир вокруг почернел, словно разум провалился в пропасть.

Крис огляделся вокруг.

Зрение почему-то двоилось, миловидная улыбка крупье никак не совмещалась в фокусе зрения, вокруг него мгновенно образовался вакуум, но ненадолго, всего на несколько секунд, пока его не заполнили двое безупречно одетых шкафоподобных парней.

– Пойдем поговорим, малый… Тебе немного не повезло, верно?

* * *

Два или три последующих дня Крис, кое-как отлежавшись в однокомнатной квартире, которую снимал на период учебы, все же решился позвонить отцу, истратив на связь по Гиперсферной Частоте последние кредиты, еще оставшиеся на его счету.

Парни из казино никогда не выпускали проигравшего клиента голым, без гроша в кармане. Нет, они знали свое дело и не обошлись с ним грубо, просто завели в полуподвальное помещение, привязали к стулу и заставили смотреть, как здесь *по-настоящему* занимаются должником, пропустившим все мыслимые сроки возвращения проигранных денег, которых он так и не сумел достать.

На его глазах сорокалетнему мужчине по очереди сломали пальцы на

обеих руках, а потом отпустили, оказав первую медицинскую помощь и предоставив еще сутки на поиск денег.

По его глазам Крис понял, что собирается сделать этот человек.

Когда несчастного вытолкнули за дверь, взгляды двоих громил обратились к Раули, который сидел на стуле, бледный как смерть, а под ним позорно расползалась лужа.

Один из парней присел на корточки перед Крисом, заглянул ему в глаза и растопырил два пальца.

– Два миллиона, мальчик, – пояснил он свой жест. – Ты сделал крупную ставку и проиграл. Ты очень сильно рисковал, парень… – Он загнул один палец и продолжил спокойным менторским тоном: – Не думай, что мы изуверы. О твоем проигрыше знают только я и Рауф. Крупье не в счет, она наш человек и никогда не лезет не в свое дело. Через неделю ты приносишь нам миллион. Не два миллиона в доход казино, а один миллион мне и Рауфу, ты понял?

Крис отчаянно закивал головой. Он был на грани обморока.

– Вот и договорились. Запомни наши лица. Только я и он. Вот телефон, по которому позвонишь, когда соберешь нужную сумму. Только не вздумай крутить, ладно? Если через неделю ты не принесешь деньги, то вся полиция станет искать тебя, чтобы отправить на рудники, куда-нибудь в дальний космос… в лучшем случае. – Он злобно ухмыльнулся и ободряюще потрепал по щеке Криса.

Ладонь была твердой и потной.

Этот человек знал, что говорил и делал. Он сразу распознал в трясущемся двадцатилетнем парне сына состоятельных родителей, отправивших своего отпрыска на учебу в престижный университет Кьюига. Такие ребята обычно представляли собой достаточно легкую добычу, и в данном случае обстоятельства сами подталкивали шкафоподобных дилеров сыграть против казино в свой карман. Риск был, по их мнению, небольшим, а деньги в случае успеха – огромными. То, что парень обоссался, тоже неплохо. Ну а если не принесет денег, то выход для них был прост и естествен: кончить его по-тихому и спустить по кускам в утилизатор отходов, – никто и не почешется, разве что родители спустя месяцок кинутся искать пропавшее на другой планете чадо.

Все это прочитал молодой Крис в глазах парня, загибавшего пальцы перед его лицом. Он уже тогда был умным и сообразительным, а собственная моча, внезапно хлестнувшая по ногам под брюками, когда сорокалетнему мужику размозжили первый палец, оставила в душе Раули ожог на всю жизнь…

…Вечером, заставив себя просмотреть электронные новости, он нашел в разделе криминальной хроники упоминание о человеке с переломанными пальцами рук, который покончил жизнь самоубийством, бросившись с крыши сверхвысотного здания.

Тогда он и решился на единственный звонок по каналу ГЧ.

Отец отказался внять его проблемам. Он обозвал Криса бранным словом и посоветовал самому выпутываться из необдуманных долгов.

Находясь на грани полного отчаяния, он не стал в тот вечер мысленно винить отца – Крис знал, что дела в колонии шли неважно, семейный нефтедобывающий бизнес стремительно умирал и у Вениамина Раули по большому счету долгов тоже было больше, чем прибылей.

Ему была отпущена неделя срока на возвращение денег.

Этим вечером, после разговора с отцом и просмотра сводки электронных новостей он накинул пальто и вышел на улицу, без цели, потому что друзья куда-то испарились, на его вызовы не отвечал ни один абонент, а заходить в университет у него не было ни сил, ни желания.

Машинально пересаживаясь с одной линии пневмопоезда на другую, Крис внезапно для себя оказался подле здания казино.

Это уже позже, заматерев, став профессионалом своего дела, он посвятил некоторое время изучению психологии и понял, почему в тот роковой вечер ноги сами принесли его к месту, которого по идее он должен был избегать всеми мыслимыми способами.

Накрапывал мелкий дождь, а Крис, словно бездомная собака, медленно кружил вдоль периметра ослепительного здания, с патологической жадностью разглядывая подъезжающие машины, входящих и выходящих из казино людей, охранников у входа, освещенные окна на третьем и четвертом этажах, у которых не было тонировки стекол…

Он знал, что денег ему не достать.

Оставалось четыре дня до первого увечья, а может, и до смерти.

Сменить адрес? Бежать с планеты?

Нет, они наверняка каким-то образом контролируют его, а на билет межзвездного класса у Криса попросту не было денег. Да и куда податься? На Гефест, к отцу, выслушивать его брюзжание и ловить косые взгляды старших братьев, которые уже сто раз передрались, мысленно деля будущее наследство, которое, по мнению Криса, не стоило и ломаного гроша?..

Сев на скамейку в расположенном рядом с казино сквере, он поднял ворот пальто, чтобы укрыться от моросящего дождя и ветра. На душе было черно и пусто.

Один необдуманный поступок сломал всю его жизнь. Крис не мог

винить в этом никого, кроме себя. Запах денег вскружил ему голову, он всего на десять-пятнадцать минут потерял контроль над своими чувствами, одурманенный внезапно выпавшим выигрышем, и этот отрезок времени сыграл в его судьбе роковую роль.

Сидя на скамейке, он не размышлял о том, сколько людей попадают в такие же ловушки, и необязательно в игорных домах, – существовал целый ряд способов заставить человека платить деньги… Общим во всех случаях, будь то тонко организованная финансовая пирамида или подставной выигрыш в игорном доме, вслед за которым следовал мгновенный провал в игре, было одно: в расставленные сети попадали люди либо малодушные, либо не очень умные, с раздутым самомнением и нетрезвым взглядом на жизнь. А по другую сторону этих незримых сетей находилась другая категория лиц. Отрицание общепризнанных норм, презрение к лохам, игра по собственным правилам делали их сильнее любого обывателя… Одних на год или два, иных, более умных и расчетливых, – на гораздо более долгий срок.

Крис сидел на скамейке, даже не думая о психоанализе, но понимание ситуации так или иначе жило внутри. Оно не было облечено в гладкую формулировку, а проходило на уровне чувств, той дрожи, что гуляла под теплым пальто, но не от холода, а от осознания собственного бессилия, ничтожества перед наглой самоуверенностью двух сговорившихся дилеров из казино.

Они сломают ему пальцы и снова выкинут вон, под дождь, и никто не поможет ему…

«Если я не помогу себе сам…»

Мысль поначалу проскользнула незаметной змейкой – что он мог сделать, смешно даже… но потом вернулась вновь и уже не уходила, обжигая изнутри и без того затравленную, измученную душу…

Прошло несколько минут, и Крис понял, что дрожит, но теперь уже не от холода или страха, а от внезапного перевозбуждения. Адреналин, внезапно хлынувший в кровь, вновь породил это чувство головокружения, какой-то двойственности восприятия мира, словно все предметы обрели иные физические свойства, стали размытыми и нечеткими, взгляд не фокусировался на окружающем, а кровь глухо и ритмично продиралась сквозь виски, отдаваясь в них пульсирующей болью…

Он ненавидел себя за необдуманность поступка и последующее малодушие, но еще больше он ненавидел и боялся ИХ… двух плечистых парней из мира иных моральных ценностей, безжалостных типов, которые вдруг стали для него судьбой, роком, высшей инстанцией, и могли

сотворить с ним все, что угодно.

Да, Крис понимал, что совершил необдуманный поступок и на самом деле проиграл кучу денег, но почему он должен быть искалечен за это и в конце концов убит?

Он невольно оглянулся вокруг, но молчаливые, мокрые от дождя стволы деревьев немо возвышались по обе стороны аллеи, не давая никакого ответа.

«Я не дам себя убить…» – эта мысль ломилась в виски вместе с гулким ритмом пульса.

Сам того не ведая, юный Раули оказался из той породы людей, которые, будучи загнаны в угол, не бросаются с крыши небоскреба, а вдруг начинают действовать, спонтанно, полурасчетливо, на нервах и адреналине, воспринимая события, словно в полусне, и в то же время осознавая абсолютную необратимость каждого своего шага.

Он встал со скамейки и, сгорбившись, пошел по аллее, страшась в этот миг только одного: что данное состояние отчаянной решимости пройдет так же внезапно, как началось.

* * *

Его решимость не пропала. Спустя сутки она просто трансформировалась в тупую усталость, но настроение было прежним, глаза, красные от бессонницы, хранили в своих глубинах все ту же искру бесноватого безумия.

Он был полным дилетантом, но, к счастью, для того дела, что он задумал, не нужно было проходить изощренные курсы обучения, в ходе которых тебе раскроют спрятанные за семью печатями тайны.

О десятках различных реальных и нереальных способов, *как это сделать,* подробно информировал каждый второй видеофильм, снятый в жанре а-ля боевик. Нужно было иметь лишь крупицу мозгов, чтобы отсеять плевелы спецэффектов от реальных задумок режиссеров, которые хотели они того или нет, но учили убивать, основывая свои самые удачные эпизоды на опыте реальных, существовавших когда-либо прецедентов.

За день до указанного срока Крис перебрался на чердак заброшенного дома.

Он все подготовил заранее и не собирался более покидать свое убежище. После нескольких суток нервного напряжения, без сна, поддерживаемый уже не ненавистью или решимостью, а безысходностью и

специально приобретенными стимуляторами, он, как бродяга, обустроился на чердаке заброшенного дома, у окна, выходящего на тыльную часть здания казино, рядом с которым на перекрестке стояла одинокая телефонная будка. За углом, невидимая отсюда, находилась металлическая дверь черного хода, которой обычно пользовались Рауф со своим подручным.

Комната, где они обретались, располагалась этажом выше, и ее окно тоже не было видно отсюда, но за сутки до этого Крис восемнадцать часов проторчал на другом наблюдательном пункте и выяснил все, что касалось графика работы и привычной схемы перемещений двух вымогателей.

Он действовал интуитивно, но правильно. Обстоятельства толкнули его на данный путь, и Крис мучился не совестью, а лишь периодическими приступами страха, с которыми справлялся при помощи стимулятора.

Импульсную винтовку «ИМ-12» он приобрел в оружейном магазине, благо Раули уже исполнилось двадцать, и он, как студент университета, имел временное гражданство Кьюига. Образец оружия был несколько видоизменен относительно своего знаменитого боевого прототипа и приспособлен для охотничьих нужд, но это обстоятельство не смутило Криса. Электронный оптический прицел он купил в магазине охотничьих товаров, сумев одолжить денег у своей подруги.

В глушителе он не нуждался. «ИМ-12» работает на принципе электромагнитных катушек. Генерируемое ими поле разгоняет по каналу ствола маленький титановый шарик, и звук выстрела из импульсной винтовки напоминает легкий хлопок аккуратно откупоренной бутылки шампанского.

Точно в назначенный час, уже не дрожа, а одеревенев всем телом, он непослушными пальцами набрал номер телефона.

Он не знал, кто взял трубку, – Рауф или его компаньон, но это был кто-то из них.

– Я достал деньги, – хрипло выдавил Крис.

– Молодец, мальчик. Где ты находишься? Почему не принес их нам?

– Я не дурак, понял? – Крис с трудом балансировал на грани нервного срыва, и у него плохо получался спокойный разговор.

– Грубить не надо, – предупредил его голос в трубке мобильного коммуникатора. – Где деньги?

– В телефонной будке на перекрестке за зданием казино. Забирайте их и отстаньте от меня.

На некоторое время в коммуникаторе повисла тишина. Видимо, трубку на том конце зажали ладонью.

– Ладно, мальчик, я выйду проверю. Если все в порядке и ты не врешь, то Фрайг с тобой, живи. Ну а если – нет, то пеняй на себя, сучонок.

В трубке мобильника часто запищал сигнал отбоя связи.

Непослушными пальцами Крис подтянул к себе подготовленную к стрельбе «ИМ-12», на пластиковом прикладе которой трепетно дрожали огоньки индикации, и взял ее в руки, ощутив, как от электромагнитных катушек, покрывающих ствол своими вздутиями, исходит легкое, едва приметное тепло.

Был второй час ночи. По другую сторону здания казино кипела жизнь, там сияли огни реклам, подъезжали и отъезжали автомобили, раздавались звуки музыки с танцпола, а тут, на перекрестке за сквером, царила глухая сумеречная тишина.

Он приник глазом к плоскому окошку компьютерного прицела. Сиротливая телефонная будка влипла в перекрестье тонких дрожащих зеленых линий, мир вокруг превратился в сюрреалистический танец зеленоватых теней.

Вот от угла здания отделилась яркая фигура, отлично различимая в инфракрасном диапазоне, и пошла к телефонной будке, наискось пересекая пустой перекресток.

Палец Криса онемел на сенсоре огня.

В тонких линиях паутины компьютерного прицела запуталось сначала плечо, а потом голова второго парня, имени которого Крис не знал.

Вот открылась дверь телефонной будки, тускло сверкнул, отразив свет уличных фонарей, мутно-глянцевитый полуовал, рука вошедшего потянулась к откидной панели, за которой пряталась электронная начинка коммутатора…

Пора.

Он видел его лицо, четко различал, как тот морщится, пытаясь подцепить ногтями декоративный кожух, линии прицела перечеркивали его левый глаз и бровь…

Палец Криса нажал сенсор огня, но в последний миг импульсная винтовка все же слегка дернулась в его руках.

Хруст разлетающегося серебристым крошевом пластика слился с болезненным вскриком, и человек в будке вдруг резко присел, пытаясь зажать правой рукой рану на левом плече, откуда фонтаном брызнула кровь, орошая все вокруг…

У Криса помутилось в глазах.

Его спасло лишь то обстоятельство, что парень онемел от болевого шока, и это дало Раули шанс прицелиться вторично. На этот раз его руки

уже ходили ходуном, в сетке прицела мелькали кошмарные фрагменты расколотой выстрелом и обильно забрызганной кровью телефонной будки, но он сумел не со второго, а только с третьего выстрела попасть в голову.

У Криса перехватило горло, он понял, что не дышит уже секунд сорок, онемевшие от напряжения пальцы не хотели отпускать пластик импульсной винтовки, а компьютерный прицел казался ему в эти мгновения замочной скважиной, через которую он только что заглянул прямиком в ад.

Его трясло все сильнее и сильнее, казалось, что его мозг утратил уже всякую связь с реальностью, но… оставался еще второй вымогатель.

«Рауф». – Эта мысль обожгла рассудок, заставила Криса вздрогнуть всем телом, опомниться, вернуться в ватную тишину захламленного чердачного помещения.

Вниз… Бегом… Скорее… Это орали изнутри какие-то голоса, пока что незнакомые, но ставшие привычными потом, в дальнейшем…

Изначально план Криса предполагал, что он одним точным выстрелом прикончит первого, без фонтанов крови и лишнего шума, и тогда второй вымогатель спустя некоторое время обязательно выйдет, чтобы выяснить, что случилось с его напарником и почему он возится так долго. Крис не зря избрал телефонную будку, которая не просматривалась из окон тыльной части казино.

Теперь даже идиоту с дистанции ста метров станет ясно, что на самом деле произошло в том месте, где предполагалась передача денег. Куски испачканного кровью пластика после трех выстрелов были разбросаны вокруг, от самой телефонной будки остался лишь иззубренный огрызок, похожий на донышко разбитого стакана, а скорчившееся в агонии тело еще вяло шевелилось, цепляясь окровавленными пальцами за острые пластиковые зазубрины.

Крис инстинктивно бросил импульсную винтовку и бегом ринулся вниз.

Перекресток был пуст. Обычно в этот час на задворки комплекса увеселительных заведений не заглядывал никто, разве что случайный прохожий изберет этот путь по понятным лишь ему причинам, но после трех выстрелов Крису уже было все равно, запомнит ли кто его перекошенное, бледное, как лист бумаги, лицо.

Он сработал, как мясник, пути назад не было, в голове билась только одна мысль: «Рауф», а все самое страшное, вероятно, еще только предстояло пережить…

В эти секунды Крис не задумывался о последствиях, он действовал

спонтанно, под постоянным прессингом уже совершенного убийства, четко понимая лишь одно: Рауф так или иначе должен появиться тут буквально через несколько секунд… Мысль, застрявшая в голове, говорила о многом, например, о том, что даже в состоянии аффекта юный Раули не потерял способность соображать: он понимал, что, увидев развороченную будку и труп компаньона, Рауф тут же кинется назад, в казино, за подмогой…

Значит, его нужно успеть перехватить у тех железных дверей…

Крис добежал до злосчастной будки и, зажмурившись, стараясь не дышать, на ощупь пролез рукой за отворот пиджака. Тело было теплым и липким, но он пересилил все инстинктивные позывы желудка, продолжая вслепую шарить за пазухой убитого… Так и есть, наплечная кобура, а в ней импульсный пистолет.

Открыть глаза он смог, только отойдя на несколько шагов от забрызганных кровью осколков телефонной будки. Взглянув на свою трясущуюся руку, он увидел, что одежда по локоть испачкана в крови, но его разум уже настолько отупел от кровавых событий, что перед глазами все двоилось, а дурнота стала не самым худшим из ощущений…

Он не знал, сможет ли вообще жить после этого…

Завернув за угол, он увидел железную дверь и фактически лицом к лицу столкнулся с Рауфом – человеком, которого подсознательно боялся больше всех на свете.

Тот допустил единственную секунду промедления: вид измаранного в крови должника, которого он считал сосунком, неспособным на какое-либо сопротивление, а уж тем более на продуманное убийство, шокировал его, и этого секундного замешательства оказалось достаточно, чтобы Крис, который уже не мог думать, а действовал, лишь сообразуясь с инстинктами, вскинул импульсный пистолет и несколько раз выстрелил прямо в ненавистное лицо…

* * *

Следующим сознательным воспоминанием Криса была огромная лужа где-то на окраине города. Он стоял по колено в мутной воде и нервными, дергаными движениями смывал со своей одежды кровь, брезгливо стряхивая при этом забрызгавшие пальто серые кусочки мозга.

Потом, мокрый, грязный, обессилевший и опустошенный, он куда-то брел, время от времени останавливаясь, чтобы дать волю очередным спазмам бунтующего желудка.

Когда и как он добрался домой, не могла подсказать даже его сегодняшняя, безупречная память.

Он скинул отяжелевшее от воды пальто, которое осталось валяться грязным комом в прихожей однокомнатной квартиры, добрел до убранной постели и рухнул на нее, мгновенно провалившись в спасительное беспамятство.

* * *

Ему не снились лица убитых, потому что это был не сон, а потеря сознания, вызванная несколькими днями постоянного приема сильнодействующих стимуляторов.

Пробуждение Криса нельзя было назвать приятным: он застонал, скорчившись на кровати, судорожным движением сминая в ком постельное белье, которое и без того было смято и испачкано.

Инстинктивно он пытался укрыться несуществующим одеялом, которое валялось на полу. Под руку попался край скомканной простыни, и он потянул его на голову, пытаясь таким образом отгородить свое пробуждающееся сознание от проявлений внешнего мира.

Ничего не получилось.

Кто-то отчетливо откашлялся совсем рядом.

Крис замер, словно его охватил столбняк.

Удивительно, но, сколь ни глубок был провал беспамятства, в его сознании тут же всплыли хаотичные, обрывочные, но очень яркие воспоминания о произошедших накануне событиях.

Он не знал, сколько прошло времени, который сейчас час и день, но он отчетливо помнил, что, входя в квартиру, запер за собой дверь и даже накинул дополнительную цепочку, которая не позволила бы ей открыться при взломе замка.

И тем не менее в комнате кто-то был. Его выдавало дыхание, тихое, неровное, сипящее, отлично сочетающееся с кашлем, который, собственно, и разбудил Криса.

Осторожно приоткрыв один глаз, он увидел край скомканной простыни, фрагмент сумеречной прихожей и плотно запертую входную дверь однокомнатной квартиры.

«Почудилось…» – с облегчением подумал он и сел в постели.

Нет… Не почудилось.

В единственном кресле у компьютерного терминала, за которым

обычно занимался Крис, сидел сухопарый старик и внимательно смотрел на бледного взлохмаченного Раули.

Цепочка на дверях болталась двумя бессильными отрезками, перекушенная точно посередине.

По обе стороны от кресла, в котором сидел пожилой джентльмен, словно статуи, застыли два его телохранителя. В противоположность Рауфу и его компаньону два молодых человека выглядели под стать своему хозяину. Сухопарые, подтянутые, без единой лишней жиринки в теле… Опрятно и неброско одетые, они представляли тот тип людей, которые всегда сливаются с толпой, ничем не выделяясь из потока окружающих ни лицами, ни одеждой.

И тем не менее Крис понял – отсутствие квадратных подбородков и широких перекачанных плеч не говорит об их безобидности… как раз наоборот.

«Все… Влип… Полиция округа… в лучшем случае…»

Если бы…

Старичок опять откашлялся, поймал своим цепким взглядом расширенные глаза Криса и спокойно сказал:

– Долго спишь, мой мальчик.

Раули инстинктивно отполз к стене, пока спина не уперлась в угол.

– Ты скверно стреляешь… – обронил следующую фразу старик. – Но у тебя решительный характер. Я люблю таких маленьких звереньшей.

– Кто вы?.. – наконец сумел выдавить Крис.

– Я? – На лице старика отразилось искреннее веселое удивление. – Я хозяин того казино, в котором ты проиграл два миллиона кредитов.

«О, блин…» – у Криса помутнело в глазах.

Значит, все было зря… Эта скотина Рауф просто лгал ему, что никто другой не знает о проигрыше, и выходит, он зря зверски убил двух человек…

– Рауф и Гир совсем зарвались, – вплелся в его мысли голос хозяина казино. – Они стали вести свою игру, вымогая деньги у клиентов, а это неправильно. Мне так или иначе пришлось бы распрощаться с этими неумными, наглыми ублюдками. – В голосе старика вдруг прорвались стальные нотки, от которых мороз драл по коже. – Ты сделал нужную работу, малыш. – Он опять откашлялся. – Сделал грязно, но для первого раза вовсе недурно. Знаешь, я обычно работаю не так и предпочитаю, чтобы вокруг моего заведения не валялись куски мяса прямо на улице, но ведь тебя приперли к стенке и не оставили выбора, верно?

Крис, в немом оцепенении слушавший этот монолог, нашел в себе

силы кивнуть.

– Обычно я нанимаю настоящих профессионалов, которые работают за большие деньги. В частности, за Гира и Рауфа с меня бы взяли два с половиной миллиона. Зато оба умерли бы своей, естественной смертью, предварительно осознав, что нехорошо гадить в том месте, где кушаешь. Так что будем считать, что мы квиты. Ты проиграл в казино деньги, но отработал их. Пятьсот тысяч премиальных я тебе, конечно, не выплачу, однако буду считать, что мы квиты.

У Криса вдруг задрожали губы.

Ситуации в его жизни менялись так стремительно и непредсказуемо, что голова не просто шла кругом: он терял всяческую ориентацию в цепи последовательных событий, находясь в состоянии постоянного затянувшегося аффекта.

Единственной путеводной нитью, которая пролегала средь хаоса мыслей и чувств, был голос этого пожилого человека, удобно устроившегося в кресле за его компьютерным терминалом.

– Теперь давай рассмотрим твое положение, Крис… – произнес хозяин казино. – Тебя видели несколько посетителей моего заведения в момент, когда ты застрелил Рауфа. После того как полиция распространила твой фоторобот, еще несколько прохожих опознали тебя в человеке, который на одной из окраинных улиц под утро пытался отмыть от мозгов и крови свою одежду. Твой отец, судя по всему, отказался от тебя, а визит полиции в эту квартиру только вопрос времени, я думаю.

«Сейчас он предложит мне работать на него…» – с облегчением и тоской подумал Крис, глядя в водянистые глаза старика, но он ошибся.

– У тебя мало опыта, мой мальчик, и очень импульсивный характер. Для того чтобы стать настоящим «профи», необходимо время, а у тебя его нет. Вот эти господа, – он слегка кивнул на людей, что застыли по обе стороны от него, – представители колониальной администрации Аллора, если говорить проще, вербовщики. Они готовы помочь тебе ускользнуть отсюда незамеченным, но для этого ты должен подписать контракт и стать солдатом колониальной космической пехоты. Два года, и все черные пятна будут смыты с твоей биографии, ты станешь настоящим мужчиной… если выживешь, конечно… – внезапно усмехнулся старик. – Окраиной правят корпорации, мир разлетелся вдребезги, Конфедерация пала, и сейчас каждая планета покатилась к дьяволам Элио по собственной узенькой дорожке суверенитета… На Окраине идут войны, там корпорации постоянно рвут друг другу глотки в бесконечном дележе ресурсов и сфер влияния. Колониальная администрация Аллора пытается навести порядок в

существующем бардаке, но ей весьма не хватает солдат – таких решительных парней, как ты…

У Раули опять исчезло понимание происходящего.

– Почему вы предлагаете мне это? Какое вам дело до Окраины и Аллора? – Крис почти выкрикнул два вопроса, уже слабо контролируя себя.

– Успокойся, – посоветовал ему старик. – У меня много интересов в самых разных сферах. Расстояния тут не имеют значения. Будем считать, что я должен колониальной администрации определенное количество рекрутов. Тебя устроит такое объяснение?

Крис облизал пересохшие губы. *«Что же делать? Два трупа, полиция за спиной… об университете можно забыть… Отцу, видно, уже сообщили о его выходках, последовавших за звонком… Господи, он влип, и у него, похоже, на самом деле остался единственный шанс вырваться отсюда…»*

Колонии… Окраина… Корпоративные войны…

Как плохо все это укладывалось в голове, абсолютно не сочетаясь с теми моральными ценностями, которыми жил двадцатилетний парень всего неделю назад.

– К тому же, отслужив на Окраине, многие возвращаются сюда, в Центральные миры, и крепким профессиональным парням тут всегда рады… Для них заранее резервируется некоторое количество рабочих мест. – Последние два слова старик произнес со странной усмешкой, не замеченной в тот момент Крисом.

– Вот моя визитная карточка. – Он встал, протянув Крису крошечный, похожий на микрочип пластиковый прямоугольник. – Постарайся сохранить ее там, куда попадешь.

С этими словами он вышел, даже не обернувшись, оставив Раули наедине с двумя офицерами колониальной администрации Аллора.

– Итак, каким будет ваше решение, сэр?

Колония Гефеста.

Комплекс административных зданий.

Когда спустя некоторое время Дана обошла из любопытства все доступные помещения комплекса зданий и вновь заглянула в спальню, то в глубинах огромного стереоокна уже не было цветущей кьюиганской степи.

Там царило что-то несусветное, невообразимое.

Она испугалась. Хоть ее разум и сформировался среди останков технократической цивилизации, но мертвые, наполовину вросшие в землю

остовы сугубо мирных машин не могли предоставить девушке и сотой доли понимания того, каким может быть мир цивилизации века тридцать девятого от Рождества Христова.

Багрово-черное, низкое, клубящееся небо… Между ним и землей повис сумрак, который то резко разрывали вспышки выстрелов, то ярко озаряли лениво взмывающие вверх осветительные ракеты.

Ночь – не ночь, день – не день.

«Это похоже на извержения вулканов, только мало красного света…» – невольно подумалось ей.

Дана никогда не была на войне и потому не могла осмыслить происходящего. Она оцепенела, глядя на изменившуюся до полной неузнаваемости картину, напряглась всего на несколько секунд в наивном и глупом усилии понять – уцелел ли в этом содоме тот бесхитростный домик с четырьмя стенами, и… девушку опять потянуло туда, разум помутился, закручиваясь в мгновенном вихре, когда ее сознание, уже вошедшее, помимо воли хозяйки, в нейросенсорный контакт с электронной машиной, словно мячик, отдаваемый в пас на футбольном поле, прошвырнуло через десяток станций Гиперсферной Частоты, чтобы выпустить *там…*

* * *

…Над пегой, перепаханной взрывами равниной царило несколько остовов зданий, разрушенных до уровня первого этажа, и висел стойкий запах гари.

Сорок лет назад это называлось колонией. Планету развивала и преобразовывала одна из крупнейших корпораций Окраины «ЭХО». Название не являлось словом, заимствованным из древнего языка земли, оно отражало лишь аббревиатуру, созданную из трех начальных букв фамилий основателей промышленного гиганта.

Официально «ЭХО» занималось тяжелой индустрией, добычей полезных ископаемых и выпуском робототехники. Так оно и было на большинстве принадлежавших корпорации миров и орбитальных заводах-станциях, но данная колония являлась особым случаем. Омикрон-6, с точки зрения закона «О правах разумных существ», выглядел, словно гадкий утенок среди стаи белоснежных лебедей…

Дана не имела никакого понятия о колониальной политике, о Совете Безопасности Миров и Конфедерации Солнц. Она воспринимала лишь то, что видели глаза, слышали уши, вдыхал по привычке сморщившийся

носик, воспринимал каждый, внезапно натянувшийся до предела нерв…

У далекого темного горизонта злобно засверкали вспышки, и оттуда вдруг раздался гул. Слабый поначалу, он приближался, накатываясь упругой, накрывающей все пространство волной рева, и, наконец, в свете затухающих осветительных ракет появились шесть стремительных горбоносых машин, броня которых отливала черным глянцем, мимикрируя под фон клубящихся облаков.

Многофункциональные космические истребители шли, выстроившись двумя звеньями, и их цель, судя по всему, находилась где-то неподалеку, потому что машины, не умеряя исходящего от них рева, вдруг замедлили свой полет, заходя в плавный вираж над определенной точкой местности.

Дана стояла, утонув по самые щиколотки в нашпигованной металлом, курящейся паром грязи, не смея ни вдохнуть, ни вскрикнуть, – она уже поняла, что ей не подвластен ни единый байт окружающего пространства, но что могло произойти тут после ее первого посещения, куда подевался маленький домик и цветущая степь, где сам хозяин этой преисподней?

В своих испуганных мыслях она попала в самую точку.

Хозяин преисподней – именно так с полным правом мог называть себя Кристофер Раули после ее поцелуя, так неосторожно пробудившего в его дремавшем сознании вовсе не те чувства и воспоминания, на которые по своей наивности рассчитывала Дана.

Белого домика не было.

Все поглотило пространство Омикрона-6, планеты, где корпорация «ЭХО» выращивала один из сильнейших экзобиологических наркотиков, по силе своего воздействия сравнимый со знаменитым, безопасным для человека диахром с Флиреда, а по степени вреда и уровню «зависимости» – с худшими образчиками синтетического зелья.

Растение, которое давало такие плоды, называлось скрег.

Там, где стояла по щиколотку в грязи перепуганная девушка с Гефеста, совсем недавно простирались его плантации. После переработки скрег шел в качестве стимулирующей пищевой добавки на все планеты и орбитальные заводы корпорации.

Люди, работающие на «ЭХО», просто не могли уволиться, уйти; скрег долго не признавали наркотиком, а сдобренная им пища не только повышала производительность труда, но и накрепко привязывала рабочих корпорации к своим местам на производстве.

Способ удержания рабочей силы, граничащий с изощренным рабством? Да, потому что это была Окраина, – территория миров без закона, где власть денег распространялась буквально на все, начиная от

платных сортиров и заканчивая судьбами миллионов обитателей орбитальных заводов-станций.

Здесь правили войска корпоративных альянсов – капризных, часто распадающихся и тут же создающихся вновь военно-промышленных союзов, чье необузданное давление, вкупе с угрозой Третьей галактической войны, совсем недавно принудили к самороспуску просуществовавшую более тысячи лет Конфедерацию Солнц.

Окраина освободилась наконец от тех формальных ограничений, которые накладывали на нее законы Центральных миров, являвшихся метрополиями для каждой из отдельно взятых планет этого космического региона, и тут сразу же вспыхнули десятки локальных войн, пошел активный передел корпоративной собственности, в центре которого оказалась базирующаяся на Аллоре колониальная администрация.

Дана видела одну из нескольких отчаянных попыток этого института власти противостоять дикому бизнесу.

Почему именно эту?

Просто потому, что двадцатилетний Крис Раули, оглушенный близким разрывом, валялся в курящейся дымом воронке в полусотне метров от нее…

Это был его ад, его прошлое. Именно здесь шаг за шагом формировался индивид, которого впоследствии мало кто знал в лицо.

Здесь начинался путь Скарма – одного из самых беспощадных и удачливых наемных убийц.

Десант на Омикрон-6 был плохо спланированной акцией колониальной администрации, с первого взгляда больше похожей на акт отчаяния, но на самом деле преследующей строго определенную, «заказную» цель, скверно прикрытую параграфами отмирающего межпланетного законодательства.

…Крис потряс головой. В ушах звенело. Крутые скаты воронки, куда он сполз после близкого разрыва, все еще курились кисловатым дымом. Хотелось перевернуться на спину и расхохотаться, глядя в озаренное вспышками черное небо. Сжигать напалмом плантации скрега… кто мог придумать подобную тупость? Это ведь не решение проблемы, а лишь грубый болевой прием, уничтоживший чью-то прибыль, равную энному количеству миллионов галактических кредо…

«Вот именно…» – подумалось ему в этот миг. Нет… войска, в которые он попал, подписав ту злосчастную бумагу, не являлись при близком рассмотрении карающей десницей общечеловеческого закона или правосудия – то была лапа, запускаемая в чужой карман. Только теперь, на

дне вонючей воронки, становилась до конца понятна связь между сухопарым джентльменом с Кьюга и колониальной администрацией Аллора, которая, как и Центральные миры, вела политику двойных стандартов, работая, по сути, за те же самые деньги.

Где же в таком случае справедливость в этом мире? А может быть, она давно уже скончалась вместе с самой Конфедерацией Солнц?

«Нет… Надо выбираться отсюда… – думал он, глядя на расцвеченные вспышками небеса. – Хватит… Нет для меня правых и виноватых, хороших и плохих, я теперь сам по себе, я и моя импульсная винтовка. Если мир плющит меня со всех сторон, если в нем изначально нет справедливости, то зачем, спрашивается, быть белой вороной средь черной стаи?»

Его мысли нарушил далекий, наполовину забитый помехами голос взводного, прорвавшийся в коммуникаторе сквозь треск несущей частоты.

– Внимание всем, истребители! Два звена заходят на штурмовку квадрата. Всем сосредоточиться в районе высадки. Мы свое дело сделали, теперь пора убираться отсюда, парни!

«Ну, да… – подумал Крис, хватая импульсную винтовку и вскакивая на ноги. – Мы свое дело сделали, теперь в казино на далеком Кьюиге порция скрега, добавленная в кофе или в коньяк, пойдет в два, а то и в три раза дороже…»

Взбираясь по крутой дымящейся осыпи, он слышал басовитый рев приближающихся горбоносых машин. Корпорация «ЭХО» не прощала подобных выходок, и вряд ли кто-то из них сумеет убраться с Омикрона-6 невредимым.

Очередь, выпущенная из автоматической пушки, вспахала гребень воронки, оставляя в нем дымящиеся конические дыры. Крис упал, его обдало жаром взрывной волны, мимо свистнули осколки и глухо зашлепали комья земли.

Он опять съехал назад по скату, вжимаясь в податливую почву, и несколько секунд лежал, скорчившись в позе эмбриона, пережидая обстрел с плотно зажмуренными глазами.

Когда вой стих, отдаляясь для захода на новый круг, он разлепил плотно зажмуренные веки.

Пронесло. На этот раз пронесло… Перед глазами в дымном сумраке покачивался тонкий стебелек с бледно-желтым соцветием, похожим на осыпанную пудрой метелку.

Вот он, исходный материал для экологически безвредных стимулирующих пищевых добавок.

Рука в гермоперчатке невольно потянулась к чудом уцелевшему

растению. Забрало гермошлема было откинуто, Крис на всякий случай экономил ресурс скафандра. Воздух Омикрона-6 вполне годился для дыхания, а ограниченный запас кислорода гермоэкипировки мог еще, ох, как пригодиться…

Сунув стебелек в рот, он разжевал его, и в этом эксперименте не было ничего от беспечности – настоящее безумие плескалось вокруг волнами огня, боевые стимуляторы скафандра давно закончились, и Раули испытывал такую усталость, что оторваться от земли и бежать полтора километра до десантно-штурмового модуля казалось ему в эту минуту сверхзадачей.

Скрег показался горьковатым и терпким на вкус, никакой мгновенной реакции от смешавшегося со слюной сока растения Крис не почувствовал, мышцы все так же гудели от свинцовой усталости, но вот окружающий мир как-то неуловимо изменился, правда, понял он это только спустя десять-пятнадцать секунд, когда над головой уже прокатывался неистовый рев вторично вышедших на штурмовку квадрата местности тяжелых космических машин. Земля задрожала под ногами, грохот стоял адский, ночь окончательно превратилась в день, а он вдруг, пошатываясь, встал с оплывшего откоса воронки и пошел, невзирая на горячий ветер, способный, не будь на нем скафандра, изжарить плоть и сорвать ее с обугленных костей…

Корпорация не бросала сюда войска. Все возмездие валилось на десантников с неба – это был так называемый «бесконтактный бой», где не встретишься лицом к лицу с солдатом противника, да и ты сам для врага, а в частности – для пилота тяжелой многоцелевой машины, лишь точечный маркер на тактическом мониторе, пятнышко тепловой засветки, едва отличимое от общего фона. Но Крис не сомневался – его погасят, обязательно погасят, потому что за них взялись всерьез. Видимо, те несколько контейнеров с напалмом, что они сбросили на цветущие плантации скрега при заходе на посадку, нанесли кому-то очень ощутимый финансовый урон.

Плантации наркотика превратились в черную грязь, налипавшую на ботинки, мешая идти. Над головами бесновался рев тяжелых машин, снаряды автоматических пушек рвали землю, выстраивая аллеи оранжево-черных султанов, а выпущенные ракеты оставляли дымящиеся воронки по нескольку метров в диаметре.

Крис бежал что было сил, спотыкаясь и падая, среди огня и свистящих осколков.

Все было в рамках тех диких правил, что царили на промышленных

мирах Окраины, и его личная смерть также вписывалась в эти правила… Вот только Крис, как и тогда, на далеком отсюда Кьюиге, не собирался умирать.

Что было тому виной – изнурительные тренировки на базе подготовки колониальной космической пехоты, стебелек скрега, сжеванный на дне воронки, или просто присущая ему личная упертость, вера в свое нечеловеческое везение, стремление выжить во что бы то ни стало?

Земля и огонь плясали вокруг в тяжком, судорожном ритме бомбардировки. Крис, опустив забрало гермошлема, бежал к руинам зданий, которые всего каких-то пять часов назад были постройками фермы. Там, среди дымящихся руин, в шахматном порядке стояли четыре десантно-штурмовых модуля, каждый из которых был снабжен собственным гипердрайвом. На Окраине, в противоположность Центру, не было изобилия больших «несущих» космических кораблей, здесь воевали малыми группами, и каждый боевой модуль в таких условиях снабжался собственным внепространственным приводом.

Только бы добежать… Добежать… Добежать…

Сердце, подстегнутое скрегом и страхом, гулко ломилось в грудную клетку, стараясь выломать ребра тупой болью.

Разрывы плясали вокруг, сотрясая землю, выбивая в небеса черно-оранжевые султаны, воздух закручивало горячими смерчами, когда сталкивались ударные волны, и немногие человеческие фигурки, еще не потерявшие способности двигаться в этом аду, швыряло из стороны в сторону, словно щепки.

…Крис все же добежал до развалин фермы и в полном изнеможении рухнул подле выщербленной кладки невысокого забора, окружавшего руины подсобных построек.

Оглядеться…

Один десантно-штурмовой модуль горел, в его обшивке зияли дыры. Через них наружу вырывались гудящие столбы пламени – это огонь пожирал пластик, которого хватало внутри подбитого спускаемого аппарата.

Второй модуль уже закончил предстартовую процедуру, и его рампа медленно закрывалась, огромные опоры, похожие на четыре лапы кузнечика, начали выпрямляться, надрывно завывая сервомоторами. Брюхо модуля с чавкающим звуком вырвалось из липкой жижи, и тут же харкнули огнем прочищающей продувки дюзы планетарной тяги, два башенных орудия ожили, разворачиваясь в разные стороны, нацеливаясь на ближайшее звено космических истребителей.

Крис даже не пытался что-либо сделать, чтобы попасть на борт стартующего корабля, – никто не стал бы прерывать процедуру старта из-за единственного бойца, однако его надежда вырваться отсюда вовсе не умирала: среди руин стояли еще два модуля, и оба внешне выглядели целыми.

Недолго думая, Крис бросился к открытой рампе ближайшего из них.

Внутри корабля горел яркий свет, десантные кресла пустовали, дверь в кабину пилотов была распахнута настежь.

Криса одновременно и насторожил и порадовал этот факт.

Заглянув внутрь, он смог убедиться, что оба кресла за пультами управления пусты. Дьявол, куда же они подевались? Обычно пилоты спускаемых модулей не рисковали покидать своих кабин, справедливо полагая, что взлетать придется в любую секунду.

Крис уселся в кресло и взглянул на экраны.

Две фигуры бежали от горящих руин близлежащего здания по направлению к машине. Каждый из них что-то нес на спине, но разглядеть, что именно, было трудно – между модулем и бегущими фигурами простиралось полукилометровое выгоревшее пространство.

Коснувшись сенсора, Крис включил оптическое увеличение.

Ага, понятно, это действительно были пилоты, а на спинах они волокли объемистые мешки. Нетрудно было угадать их содержимое.

Во флоте свои правила, свои каноны, и, видимо, никто из вышестоящих офицеров не возражал, если из очередной вылазки на базу Аллора привозили какой-либо экзотический, а главное – дорогостоящий трофей. Пару мешков переработанного скрега, например…

Дважды идиоты.

Эта мысль Раули относилась к пилотам десантно-штурмового модуля.

Во-первых, не надо было из жадности бежать вдвоем, хватило бы и одного мешка, а во-вторых…

Бросать пустой корабль в такой мясорубке… есть ли предел человеческой жадности, страсти к наживе?

Наверное – нет? Или Крису в последнее время встречались не те люди?

Он машинально ударил рукой по кнопке, запирающей рампу.

На пультах управления злобно вспыхнули огни начала предстартовой процедуры.

Для мародеров и неудачников оставалась в запасе четвертая машина, он же собирался выйти наконец из этой дурной игры.

* * *

– Внимание, стартовые опоры убраны, произведена контрольная продувка сопел. Десять секунд до включения планетарной тяги. Выход на орбиту по данным автоматического пилотирования.

Палец Криса коснулся сенсора, подтверждающего правильность действий автоматики.

Фигурки уже пробежали половину расстояния, отделяющего их от двух оставшихся модулей. Третий спускаемый аппарат уже не полыхал, пламя, бившее из дыр его обшивки, иссякло, и теперь оттуда лениво сочился густой черный дым. Четвертый модуль, бешено отстреливаясь из башенных орудий, тяжело карабкался вверх к свинцовому пологу облачности. Один сбитый им космический истребитель горел, воткнувшись носом в обезображенную поверхность Омикрона.

Пальцы Криса уже не дрожали.

За год, прошедший после его злополучного проигрыша в казино Кьюига, он успел многое пережить и многому научиться.

Он научился воевать и разбираться в людях: молодого парня будто разобрали по винтикам и собрали вновь, но только не все движущие части души встали на свои прежние места, и его взгляд на мир соответственно изменился.

Ускорение планетарной тяги вжало Криса в противоперегрузочное кресло.

Дымящаяся, развороченная земля резко ушла вниз, с тем, чтобы спустя секунду появиться вновь, но уже на левых, боковых экранах обзора, – это автопилот накренил модуль, уводя его из-под залпа атакующего космического истребителя корпорации «ЭХО».

Два башенных орудия, которыми в данный момент управляли компьютеры, зашлись злобным гулом очередей.

В этот миг за неразрывным пологом густой, свинцово-черной облачности внезапно возникло сияние, которое с каждой секундой разрасталось, становясь все ярче. Клубящиеся тучи вдруг взорвались, выпуская дождь падучих звезд, – это стартовавшая первой машина была сбита на высоте двух или трех тысяч метров.

Значит, на низких орбитах висит крейсер корпорации «ЭХО», и никому… никому не ускользнуть с этого проклятого Омикрона…

Решение пришло мгновенно.

Крис уже понял, что умирать в борьбе гораздо предпочтительнее, чем

бездействовать, ожидая неминуемой смерти.

Он действовал, как на его месте не решился бы ни один пилот, хорошо усвоивший теорию гиперсферы, но в том-то и дело, что Крис не был пилотом, и в данный момент ему было глубоко плевать на все: на фигурки внизу, что пытались добраться до последней уцелевшей машины, на крейсер корпорации, который, подоспев к финалу операции, замкнул орбитальную блокаду…

Он хотел жить. *Он лично* хотел вырваться отсюда, покончить с этим адом, и для этого годились любые средства.

Единственное, о чем он подумал, срывая пломбы и откидывая вверх предохранительные кожухи ручного управления гипердрайвом: наверное, изрядный кусок перепаханной снарядами равнины вслед за его кораблем сожрет гиперсфера?

Что это будет означать для самого Омикрона?

Крис не был специалистом и не знал ответа на данный вопрос.

Нажимая кнопку за кнопкой, он просто включил низкочастотные генераторы десантного модуля, заставив его провалиться в аномалию космоса, совершив этот сложный маневр почти на дне гравитационного колодца планеты, неизбежно унося с собой в Великое Ничто гиперсферы изрядный кусок обезображенной поверхности Омикрона…

* * *

Когда он очнулся после погасившей сознание перегрузки, десантно-штурмовой модуль висел в пространстве, а на пультах его управления злобными огнями цвели сигналы множественных повреждений.

Крис чувствовал себя так, словно по нему проехался планетарный танк. Казалось, что в теле не осталось ни одной целой косточки, но все же он заставил себя со стоном распрямиться в кресле и более осмысленно взглянуть на показания приборов.

Гиперпривод вроде бы выдержал, секции накопителей энергии заряжены наполовину, основная система локации утрачена, вместо нее работает резерв, определены три звездных ориентира, декомпрессия остановлена, изолирован разгерметизированный отсек личного состава, – все, вырвался… Черт его знает куда, но вырвался…

Он не задумывался, сколько душ уволок его модуль в Великое Ничто аномалии космоса, не задумывался лишь потому, что за год, проведенный на Аллоре, успел очень близко узнать людей, волей или неволей

поучаствовать в десятках намного более кровавых и грязных операций, которые вершились под прикрытием благих намерений и различных, ставших простыми бумажками законов.

Они все были равны. Каждый выбирал собственную меру жестокости в этом диком мире и выживал в соответствии с ней.

Крис поднял планку своего цинизма выше всех и потому остался жив.

На Омикроне и Аллоре не было для него ничего родного, да и во всей обитаемой галактике тоже.

В эти минуты, приходя в себя после слепого рывка на гипердрайве, который вырвал его из боя над поверхностью Омикрона-6, Крис окончательно пришел к выводу, что он одинок. У него нет родины и близких, нет привязанностей и принципов, есть только одно разросшееся до безумных рамок желание – жить. Жить, несмотря ни на что. Жить, *вопреки* всему.

Что он и делал, начиная с того момента, как в призрачном кубе далекого сейчас кьюиганского казино высветилась баснословная сумма его проигрыша.

Он тешил себя иллюзиями, думая, что один мир хоть чем-то отличается от другого. Нет. Все были одинаковы, и все их обитатели в равной степени обуревались неистовым стремлением к деньгам, карьере, славе, благополучию. Это было обыкновенное желание жить, по сути – голый, древний инстинкт самосохранения, который цивилизация облекла в разные словоформы, часть которых звучала вполне благозвучно.

Вот и все.

Сейчас, глядя на мертвую бездну, что переливалась на экранах мириадами звезд, Крис видел даже немного больше: на самом деле вот уже более тысячи лет кряду был человек и был космос… они смотрели друг на друга, один – настороженно и враждебно, другой – холодно и спокойно. Просто многим людям, спрятавшимся под шапками атмосфер и крышами своих домов, не было видно этого…

«Возможно, на далекой прародине, в какой-то из периодов докосмической эры, и существовал золотой век, – подумал Крис, с тоской и подспудным страхом глядя на немигающие звезды, – но с момента, как мы покинули Землю, каждый из нас стал зверем ради того, чтобы выжить…»

Конечно, Крис не мог объективно оценивать, правильно ли он мыслит, глядя в бездонный провал Вселенной, но в тот момент ему *казалось*, что он познал истину. Истину, сообразуясь с которой можно продолжать жить.

Два урока, словно наглядный пример, подталкивали его душу на самую вершину горы: стань выше всех, стань сильнее всех, и только тогда

ты выживешь, только тогда никто не посмеет вновь швырять тебя, как футбольный мяч, ломать тебе пальцы и вымогать деньги, грозя смертью.

Дважды он вышел победителем из тупиковых, смертельных ситуаций только потому, что подавил в себе все, относящееся к понятию «человечность».

В тот миг повзрослевший Крис Раули не сознавал одного: *вершину горы со всех сторон неизбежно окружает пропасть.*

Он думал в тот момент совсем о другом.

В накопителях поврежденного модуля оставалось мало энергии для прыжка, а он сам, не будучи профессиональным пилотом, с точностью знал координаты только одного мира.

Этим миром был родной Гефест, откуда несколько лет назад его выжили семейные неурядицы.

* * *

Возможно, судьба наконец сжалилась над ним и предоставила очерствевшей душе Раули последний шанс изменить свой взгляд на мир, увидеть все по-другому, но Крис, измученный и морально и физически, просто не заметил фатального намека, когда дрожащими от усталости пальцами касался сенсоров программирования блока гипердрайва, настраивая автоматику корабля на прыжок к Гефесту.

Как бы там ни было, но вулканический мир, частицу которого удалось терраформировать его прадеду, являлся родиной Криса, здесь он родился и вырос с тремя своими братьями, и вот судьба, замыкая некий круг, вновь привела его домой…

Нет, он не почувствовал этого.

Низкие, напоенные вулканическим пеплом облака Гефеста слишком явно напоминали облачность Омикрона, откуда он вырвался благодаря собственной жестокости и решимости.

Когда десантно-штурмовой модуль вышел из гиперсферы в районе высоких орбит Гефеста, Крис, уже полуживой от усталости, с удивлением заметил огромную, сверкающую новенькой броней станцию, которая величественно застыла в точке геостационарной орбиты высоко над видоизмененной котловиной, где при жизни его прадеда поселились люди и бурно расцвела нефтедобывающая отрасль промышленности.

Крис поначалу не поверил своим глазам. Представшая перед ним конструкция являлась не чем иным, как станцией Гиперсферной Частоты, и

первой мыслью Раули, которую породил вид сверкающего, ощерившегося антеннами сфероида, было предположение о помешательстве отца.

Станция ГЧ стоила баснословных денег – вот почему он так грубо отказал Крису в финансовой помощи… Но зачем отец приобрел ее? Кому нужна внепространственная связь с колонией, промышленность которой дышит на ладан из-за оскудевших запасов нефти, а население едва ли насчитывает двадцать тысяч человек?

Гадать о далеко идущих планах отца было бессмысленно. Да, впрочем, Крису было все равно – шанс получить кусок Гефеста в качестве наследства казался ему слишком ничтожным, чтобы задумываться всерьез о проблемах и перспективах семейного бизнеса. Старшие братья, несомненно, позаботятся заранее о том, чтобы вычеркнуть его имя из списка управляющих.

К черту! Крису казалось, что жизнь специально ведет его от одного испытания к другому, и даже возвращение в родной дом, где прошли годы беззаботного детства, несло слишком явный, *сегодняшний* оттенок горечи. Отец был вовсе не стар, а братья уже делили Гефест так, будто прах родителя давно покоится в фамильном склепе под офисным зданием.

…Его мысли прервал настойчивый сигнал автопилота.

Крис подумал, что кто-то пытается связаться с ним, но ошибся – просто автоматика напоминала о себе, выясняя дальнейшие намерения человека.

Заставив себя отрешиться от гнетущих мыслей, Крис сосредоточил внимание на панелях управления модулем.

Он хорошо знал котловину, образовавшуюся на месте осушенного моря. Офисные здания, являвшиеся резиденцией семейства Раули, занимали плоскую возвышенность, бывшую когда-то островом. Там имелась посадочная площадка для приема небольших космических кораблей, но, взглянув на датчики планетарного горючего, Крис и без вычислений понял – до офиса ему не дотянуть, топлива для двигателей планетарной тяги едва хватит, чтобы сесть не на мертвые вулканические равнины, а на территории самой котловины, поэтому, не мудрствуя, он поручил автопилоту самому выбрать наиболее пригодное место для посадки.

Модуль еще некоторое время неподвижно висел в пространстве, пока автопилот сканировал рельеф котловины и производил необходимые вычисления для маневра, а затем, отработав дюзами коррекции, начал маневр снижения и посадки.

Крис, пристегнувшись к креслу, превратился в пассажира, стороннего

наблюдателя и был рад этому. Он слишком устал, чтобы управлять модулем вручную, да и опыт в этой части был у него, мягко говоря, небогатый.

* * *

Атмосфера Гефеста, в основном пепельно-серая от обилия вулканической пыли, имела четко различимое с орбиты аномальное пятно, вытянувшееся в форме овала.

Под незримым куполом климатической защиты, в пику вулканическим выбросам, клубились белоснежные комья облаков, скрывавшие под собой преобразованную людьми котловину. Автопилот модуля, сообразуясь с запасами планетарного топлива, пошел на посадку, следуя к самому краю аномального атмосферного пятна.

Пробив облака, корабль оказался над горным массивом, который окольцовывал всю котловину, являвшуюся дном несуществующего теперь моря.

Крис покосился на датчики приборов. Топливо должно было вот-вот кончиться, и он снова занервничал. Вид проносящихся в опасной близости скал не внушал никакого оптимизма, но автопилот четко исполнял свои функции – заранее наметив площадку для приземления, он вел корабль точно к ней.

В конце концов все закончилось благополучно, хотя Крис, после жесткого удара о выступ скалы, на который приземлился модуль, посмотрел вокруг и испытал тоскливое разочарование: черт его знает, сколько километров отделяло его от ближайших поселений колонии.

Впрочем, это была не худшая из бед.

После стольких мытарств он снова на тверди земной, на родном Гефесте, избежавший смерти физической, но, наверное, погибший морально… По крайней мере его родственники, запомнившие тихого юношу, который не выносил семейных ссор и не любил совать нос в дела остальных, наверняка не узнают в похудевшем, обросшем многодневной щетиной, злом и жестоком молодом мужчине того самого Криса, что покинул Гефест три года назад.

Отдышавшись после жесткой посадки, он окинул взглядом приборы модуля.

Планетарного горючего не осталось вовсе, обшивка имела несколько пробоин в районе десантного отсека, израсходована треть бортового боекомплекта, утеряна связь с базой постоянной дислокации – это был

отчет кибернетической системы о состоянии бортовых систем.

Отстегнув ремни, Крис встал с кресла пилота, открыл шлюзовую переборку между двумя отсеками. В десантном отделении горел тускло-красный аварийный свет, на полу валялись какие-то обломки, сквозь дыры в обшивке проникал горьковатый воздух высокогорья и бледный дневной свет.

Открыв хранилище неприкосновенного запаса, Крис достал несколько комплектов выживания, сменил опостылевший, провонявший потом скафандр на легкий боевой костюм, перезарядил «ИМ-12» и пошел к люку, ведущему наружу, когда его остановил ровный голос бортовой аудиосистемы:

– Сэр, согласно инструкции, вы, как последний член экипажа, должны оставить запись в бортовом журнале. Старт с планеты невозможен, реактор модуля и все системы будут переведены в состояние долгосрочного резерва.

Крис со вздохом вернулся в рубку управления. Спорить с машиной было бесполезно, компьютер не откроет люк до тех пор, пока он не исполнит его требование.

«Пошли все к черту!» – вот что он выстучал на клавиатуре, введя последнее сообщение в бортовой журнал, и подписался: Кристофер Раули, свободный гражданин Галактики.

Ему казалось, что на этом все закончится, и он сможет наконец начать свой путь вниз, но, оказывается, ему предстояло еще одно испытание.

– Сэр, ваши действия при старте с Омикрона-6 могут быть неадекватно расценены командованием. Прошу оставить образец ДНК для последующего опознания.

Крису вдруг стало смешно и одновременно жалко тупую исполнительную машину.

«Ну кто тебя найдет здесь, среди скал, на Гефесте, перед кем ты будешь отчитываться за мои действия?..» – подумал он, но, чтобы не осложнять ситуацию, прошел за переборку в хвостовой части модуля, к одной из двух, отделенных от десантного отсека биореконструкционных камер, предназначенных для поддержания жизни и регенерации поврежденных органов у тяжелораненых бойцов, и послушно сунул палец в соответствующее гнездо, позволив машине сделать забор образца его крови.

– Всего хорошего, сэр, – произнес безликий голос, и внешний люк наконец открылся. – Вас будет судить военный трибунал колониальной администрации Аллора, как только поисковые отряды найдут точку

приземления модуля.

«Вот это – вряд ли», – подумал Крис, спрыгивая из проема люка на выступ скалы.

Под ним, в белесой дымке облаков, лежала котловина, в центре которой, невидимые отсюда, возвышались офисные и жилые здания резиденции господ Раули.

* * *

Первым, кого встретил Крис неподалеку от комплекса офисных зданий, был его старший брат, Квентин.

С момента аварийной посадки модуля прошла неделя, Крис еще больше похудел, его экипировка запылилась, а растущая борода начала мелко курчавиться.

Спустившись по одному из ущелий к ближайшей буровой вышке, он реквизировал там вездеход, едва не пристрелив рабочего, пытавшегося помешать ему, и прямиком направился сюда, но теперь уже не своим ходом, а на колесах.

Как он и предполагал, его не узнали.

На единственной дороге, ведущей к пробитому под уклоном тоннелю, возвышалась баррикада из двух тупоносых бронемашин. Подле стояли автоматические орудия, завезенные на Гефест еще прадедом Раули.

Всю эту оборонительную конструкцию возглавлял Квентин.

Крису вовсе не хотелось стрельбы, потому, разглядев преграду, он остановил вездеход метрах в трехстах от нее и вылез из машины, демонстративно подняв вверх, а затем бросив на водительское сиденье свою импульсную винтовку.

Очевидно, Квентин не утратил присущего ему здравого смысла, но и осторожности тоже. Отдав какое-то распоряжение расчетам двух извлеченных из хранилищ автоматических пушек, он пошел навстречу незнакомцу, о котором ему передали по рации с одной из буровых вышек, где тот угнал вездеход.

Квентин понятия не имел, кто этот человек и каким образом он оказался на Гефесте. Если бы на нем не было пропыленной формы космической пехоты колониальной администрации, то Квентин Раули, наверное, не стал бы рисковать, а просто приказал бы расчетам двух орудий открыть огонь на поражение.

В конце концов, он ведь считал себя в отсутствие отца полным

хозяином данного мира.

Однако эксцессов не произошло, и два брата встретились на полпути между вездеходом и импровизированной баррикадой.

– Кто ты такой? – грубо спросил Квентин, взглянув в заросшее бородой лицо незнакомца, и вдруг осекся, уловив родственные черты.

– Не узнал, братец? – не без мстительного удовольствия усугубил его замешательство Кристофер.

Впрочем, злобное чувство, рожденное грубым тоном Квентина и его наглой самоуверенностью, быстро вспыхнуло и так же быстро угасло, уступив место более положительным эмоциям… Он испытывал их в последний раз, но пока не подозревал об этом.

В этот миг, при виде изменившегося лица Квентина, душой Кристофера внезапно овладело облегчение, граничащее с радостным, щемящим чувством возвращения домой. И плевать, что перед ним был тот самый ненавистный старший брат, который лупил и унижал его в детстве, – все равно Крису вдруг стало спокойно и радостно… пока он не поднял глаза и они не встретились взглядами.

В холодных сузившихся зрачках старшего брата он прочитал ненависть, не угасшую с годами, презрение, беспокойство, даже страх, основанный на немом вопросе: какого черта ты заявился сюда, изгой, промотавший родительские деньги, выделенные на учебу, уж не снова ли клянчить из семейного бюджета или, быть может, ты хочешь остаться здесь и ухватить себе кусок издыхающего бизнеса?

Да, Крис прочитал это в глазах брата.

Глоток эйфории застрял в горле. Жаль, импульсная винтовка осталась на сиденье вездехода.

– Не волнуйся, – не узнавая собственного голоса, хрипло и зло произнес он. – Я проездом.

– Что тебе нужно?

– Хочу повидать отца.

– Его нет. Он улетел.

– Ты за старшего, братец?

Квентин кивнул напряженно, выжидающе.

– Хорошо, тогда я обращусь к тебе… – спокойно проговорил Крис, который в эти роковые секунды обмена взглядами успел принять твердое решение относительно своего будущего. – Мне нужно выспаться, получить чистую статкарточку на мое имя и билет до Кьюига, любым классом.

– Это все?

– Все. Больше я вас не потревожу.

Квентин на минуту задумался, а затем кивнул:
– Добро пожаловать домой, Крис.

* * *

Больше, как он и обещал, нога Кристофера не ступала на землю Гефеста, по крайней мере до тех пор, пока не скончался последний из братьев и этот мертвый к тому времени, абсолютно бесполезный кусок безжизненной планеты не перешел к нему по праву наследства вместе со всей превратившейся в ржавые остовы техникой, разрушенным городом и запечатанными офисными зданиями.

Но это случилось четыре десятилетия спустя, а тогда, через неделю после встречи с Квентином, двадцатидвухлетний Кристофер Раули вышел из орбитального челнока в космопорту планеты Кьюиг, взял такси и назвал адрес.

Флайер пролетел через полгорода и плавно спикировал на парковочную площадь перед зданием казино.

Крис расплатился с водителем и поднялся по знакомым до дрожи роковым ступеням.

Вечер еще не наступил, поэтому в игорных залах практически никого не было. Заметив охранника, который тоже устремил на него свой взгляд, Крис напрямую прошел к нему и сказал всего два слова, протянув визитную карточку, которую когда-то дал ему сухопарый старичок:

– Меня ждут.

Охранник отошел в сторону, вынул мобильный коммуникатор, произнес несколько слов и кивнул, выслушав ответ.

– Сюда, господин Раули. – Он указал на широкую лестницу, уводящую на второй этаж.

В кабинете, куда попал Крис, было просторно.

Он сразу узнал этого человека: перед ним за компьютером сидел тот самый старик, что разбудил его своим покашливанием наутро после ночного убийства двух вымогателей.

Охранник вышел, неслышно прикрыв за собой дверь.

Несколько секунд они смотрели друг на друга: старый, матерый волк и молодой волчонок.

Видимо, старик что-то разглядел в глазах Криса, потому что, повертев между пальцев собственную визитную карточку, отданную почти два года назад парнишке, запутавшемуся в тенетах криминального мира, он вдруг

усмехнулся и сказал:

– Ты принят на работу, Крис.

Глава 4

Логрис.
Вселенная Раули…

Крис никогда не предполагал, что укрощение собственной памяти занятие тяжелое и утомительное. Он оказался плохим творцом, вернее, его воображение раз за разом извлекало из глубин памяти совершенно не те эпизоды и интерьеры, которые он желал оставить навсегда в своем виртуальном узилище.

Раули стоял посреди бескрайнего пространства, бывшего когда-то кьюиганской степью, и осмысленными, волевыми усилиями пытался придать этому участку виртуального мира первозданный, цветущий вид.

Получалось из рук вон плохо. Как обычно, когда нужно сосредоточиться на главном, значимом для тебя в данный момент, в голову обязательно лезли посторонние мысли, которые, исходя из особенностей существования внутри *Логра*, тут же материализовывались в образы.

…Два звена космических истребителей корпорации «ЭХО» уже несколько раз внезапно появлялись у горизонта, перепахивая дымящимися воронками готовый, цветущий травостой, сводя на нет всю его работу, и сознание Криса вновь и вновь возвращалось туда, на Омикрон-6, или того хуже: среди цветущей травы там и тут вдруг начинали в живописном беспорядке появляться тела убитых им людей…

Жизнь Кристофера Раули, которого в узких кругах больше знали под кличкой Скарм, была богата на подобные прецеденты. Как справедливо заметила Дана, ему действительно было что вспомнить, но сейчас, когда его эфемерной душе, запертой в хитроумном устройстве, больше не нужны были деньги, власть и все прочие атрибуты прожитой жизни, взгляд на эти тела вызывал ужас и чувство вины, хотя Крис, при здравом размышлении мог оправдать себя: те, кого ему «заказывали», никогда не относились к категории обыкновенных смертных. Продажные политики, криминальные авторитеты с разных миров, зарвавшиеся наемники – список можно было продолжать до бесконечности, кроме того… можно было убедить себя, что он только исполнял чью-то волю, являлся инструментом, а эти люди, чьи тела его воображение вновь и вновь разбрасывало в окровавленном травостое, являлись преступниками еще более худшими, чем он сам…

«Мне не в чем винить себя!..» – пытался мысленно выкрикнуть Крис,

в изнеможении опускаясь на колени среди остро пахнущего островка цветущей кьюиганской степи.

Тщета…

Он думал о них, *как о людях…* и правильно делал. Хорошие или плохие с точки зрения закона, они были именно людьми, имели семьи, у них были родители, жены, дети…

Вечная жизнь… Крис внезапно расхохотался над злобной иронией этой фразы, а его пальцы невольно загребали в ладони, вырывая с корнем окровавленные пучки пахучей травы.

Вечный ад собственных воспоминаний, электронная преисподняя, откуда нет выхода…

Нет выхода?..

В этот момент он наконец вспомнил про Дану.

Девушка каким-то образом попала сюда. Значит, и он может, образно говоря, «выйти», захлопнуть дверь этой реальности, оставив трупы валяться среди травы, а истребители, вновь показавшиеся у воображаемого горизонта, перепахивать все это дерьмо воспоминаний своими бесконечными атаками.

Он всегда был человеком действия.

Крис встал с колен и решительно пошел в направлении, противоположном тому, где волновалась рябь океана и возвышался вновь отстроенный белый домик.

* * *

Идти пришлось долго, но, в конце концов, даже тут, в виртуальном пространстве *Логра*, все имеет свои границы, – изгаженная трупами кьюиганская степь закончилась. Ее ограничивала черная как смоль стена, вдоль которой стремительно проносилась широкая, возникающая из ниоткуда и утекающая в бесконечность река разноцветного огня.

Некоторое время Крис стоял, уставившись на это новое, парадоксальное для него явление. Сколь ни тревожил он свою собственную память, как ни старался провести мысленную ассоциацию с чем-либо виденным ранее, ничего не получилось, и в конечном итоге он пришел к закономерному выводу: радужная река не принадлежит миру его личных грез.

И тем не менее она протекала по его территории!

Осознать, что это такое на самом деле, помогли ему воспоминания

последних дней жизни, когда, уже получив в свои руки вожделенный Логр, он по привычке стал собирать всю доступную информацию по подобным объектам.

Маленькие кристаллы, соединяясь между собой, образовывали древнюю машину – *Логрис*, которую люди после атаки харамминов на центральный узел ГЧ системы Элио использовали для временной проводки каналов межзвездной сети Интерстар…

Так вот, значит, как это происходит!

На обеспечение передачи данных по межзвездной компьютерной сети не была выделена какая-то конкретная часть древней сверхмашины: каналы информации текли в каждом *Логре*, используя лишь ничтожно малую частичку его мощностей, но, в общем, учитывая то, что кристаллов миллиарды, человеческая компьютерная сеть Интерстар протекала по всему *Логрису*, переливаясь из кристалла в кристалл, и существовала параллельно, никак не влияя на миллионы личных Вселенных почивших тут разумов многих существ.

Это было неожиданное и очень «дорогое» открытие, как выразился бы в прошлом Крис.

Выходит, если ступить в эту реку, отдаться ее течению, то можно плыть по каналам общечеловеческой сети, попутно заглядывая в миры своих виртуальных «соседей»?

Крис сел на берегу, глядя в режущие глаз, ослепительные, причудливо переплетающиеся между собой радужные потоки.

Нет, здесь что-то было не так…

Мысль о проводке каналов сети по каждому кристаллу была верной, но в остальной части своих размышлений Крис усомнился.

«Слишком просто… и беспечно со стороны людей», – подумал он в своей обычной логичной манере. Информационные потоки Интерстар должны быть наглухо отделены от остальной части проводящих их кристаллов, иначе в каждой личной Вселенной умершего уже на следующий день толклись бы сотни фантомов живых людей, путешествующих по сети Интерстар и заглядывающих в миры усопших, так сказать, «по пути»…

Должен быть блок, преграда против подобного соглядатайства. Вот только чей – человеческий или логрианский?

Прийти к однозначному выводу было сложно.

Крис просто видел реку информации, которая текла мимо, ничего не рассказывая о себе.

Что будет, если он войдет в нее? Разобьет ли это течение его личность

на отдельные байты, раз и навсегда смешав со своим потоком? Скорее всего, что да. Это будет верным способом виртуального самоубийства.

Вот, наверное, где спрятана гарантия сосуществования двух пространств… – подумалось ему.

Размышляя на берегу и разглядывая поверхность несущихся мимо потоков в попытке определить начало и конец этой разноцветной стремнины, Крис вдруг увидел маленькую темную полоску, перечеркивающую реку информации, недалеко от того места, где находился он сам.

Позабыв о своих недавних проблемах и волнениях, он пошел в направлении аномалии, пока его глазам не предстал тоненький дугообразный мостик, который, изгибаясь, вел на ту сторону реки, уводя прямо в чернильную стену мрака.

«Выход? Выход из моего кристалла?!»

Крис, не колеблясь, ступил на узкий мост.

Конечно, в программном и материальном исполнении все было не так, но разум человека, замурованный на информационных носителях *Логра*, мог оперировать только доступными его воображению объектами, поэтому, шагая по узкому мостику над радужной рекой, Крис отдавал себе отчет, что на самом деле это не он идет по какому-то там мосту, а набор байт, описывающих его личность, перемещается сейчас по некоему информационному каналу…

Таких структур не должен был содержать в себе настоящий, созданный по технологии логриан кристалл. Или вся техническая информация, которую Крис добывал еще при жизни, лгала, в чем он сильно сомневался. Источники, по его оценкам, были верными… скорее кристалл, доставшийся ему, оказался дефектным.

О том, что копия древнего мини-компьютера, воспроизведенная уже в человеческих военных лабораториях, была специально видоизменена, Раули пока что не догадывался.

Мост окончился.

В черной как смоль стене сияла радужная мембрана какого-то входа.

Крис решительно шагнул в нее, потому что путь назад, на изгаженную трупами и перепаханную воронками равнину, казался ему сейчас менее предпочтительным.

* * *

Мембрана продавилась, но не лопнула, впуская его фантом в сложный лабиринт уже не радужных, а одноцветных тоннелей.

Это была сеть. Локальная сеть какого-то комплекса.

Крис пошел по центральному тоннелю, стены которого показались ему подсвеченными изнутри мягким, изумрудно-зеленым светом.

Странно, что он передвигался тут так свободно и беспрепятственно.

Впервые с того момента, как разум Раули очнулся на информационных носителях *Логра*, он испытал интерес, никак не связанный с собственным прошлым. Ощущения были *новыми* – в них, конечно, по-прежнему не присутствовало никакой остроты чувств, только спокойный анализ осознаваемых фактов, но все же… все же это была новизна, пусть не чувственная, но хотя бы информационная.

Его разум продолжал оперировать геометрией доступных образов, воспринимая информационные каналы той системы, куда он вторгся, как некие тоннели, и, соответственно он не удивился, когда изумрудный проход вывел его в огромный зал с множеством разных по размерам входов и выходов, среди которых, если присмотреться внимательнее, присутствовали окна!

Он не сомневался, что таким образом его воображение воспринимало внешние видеоустройства местной сети. Часть из них наверняка являлась контрольными мониторами заурядных пользовательских терминалов, и Крис не мог предугадать, возможен ли взгляд *наружу* из-за матовой поверхности подобного устройства.

Он вдруг подумал, что сейчас наверняка получит ответ на один из вопросов, который в душе не раз задавали сами себе почти все пользователи: а не смотрит ли на меня сквозь монитор кто-то *оттуда,* с той стороны экрана?

Нет… окна не имели обратной связи. Крис в лучшем случае видел ту информацию, что отображалась в данный момент на конкретных дисплеях, только буквы и цифры казались ему перевернутыми, словно были отражены в зеркале.

Он на мгновение остановился в некоторой нерешительности. Помимо обычных дисплеев, система должна иметь связь с внешними видеодатчиками, это во-первых, а во-вторых, именно отсюда пришла в его мир Дана, и она говорила об огромном электронном окне…

Да, вот оно. Слишком большое, чтобы оказаться тривиальным монитором.

Крис решительно направился к нему по широкой информационной дорожке.

Через несколько секунд, подойдя вплотную, он смог убедиться, что это окно действительно имеет обратную связь – сквозь него был отчетливо виден фрагмент какого-то помещения.

Присмотревшись внимательнее, Кристофер остолбенел.

Нет… Этого не может быть…

Знакомая спальня, компьютерный терминал, встроенные в стены шкафы для одежды, аппарат поддержания жизни в изголовье кровати…

Это была спальня его отца, Вениамина Раули!

Крис невольно попятился, и изображение послушно стало отдаляться…

В его душе царило смятение. Казалось, что незримая, но безжалостная рука сорвала вернувшийся было полог равнодушия и рациональности с его мыслей, и его сущность вновь окунули в прошлое, словно в бочку с нечистотами.

Немногие сохранившиеся в памяти теплые воспоминания о матери, о первых впечатлениях осознаваемого шаг за шагом детства, об укромных уголках нежности и теплоты – все топил ноющий, ледяной холод: мать умерла рано, он едва помнил ее, а отец и старшие братья не очень жаловали юного Криса…

Впрочем, он всегда отвечал им взаимностью.

Захваченный волной воспоминаний, он некоторое время стоял на мерцающей информационной дорожке неподалеку от электронного окна, потом, опомнившись наконец, подумал: «я должен убедиться, что это правда, что спальня отца – не очередное бредовое воспоминание моей души!..»

Теперь ему стало понятно, почему он мог так спокойно перемещаться по внутренней архитектуре компьютерной системы, – ведь эта электронная машина знала его…

Оглядевшись по сторонам, он взял себя в руки и без труда нашел требуемое устройство компьютерной периферии.

На этот раз информационный канал оказался связан не с электронным окном, а с видеокамерой наблюдения, установленной на вершине комплекса офисных зданий фамильной резиденции Раули.

Отсюда была отлично видна укутанная полупрозрачным саваном испарений, окольцованная горами котловина и мертвый, превратившийся в руины город, лежащий у подножия скального выступа, на котором располагался комплекс офисных и жилых зданий резиденции.

Это, вне сомнения, был Гефест!..

Душу Раули внезапно обдало жаром воспоминаний.

Вот откуда пришла к нему Дана… девушка, влачившая жалкое полуживотное существование в подземной системе городской канализации, среди крыс и мертвых приборов, когда-то предназначавшихся для очистки отходов человеческой жизнедеятельности.

Она… пробудившая его личный ад и назвавшая его богом…

Крис стоял не в силах оторвать взгляд от мертвой котловины, куда, судя по всему, еще не пришел новый хозяин.

А ведь он действительно мог стать для них богом, пока еще был жив.

Сколько денег осталось после его смерти на замороженных счетах в банках различных планет?.. Раули мысленно усмехнулся, совершив нехитрый подсчет. Да… Он мог бы восстановить станции климатического контроля, дать этим людям, по непонятным причинам оставшимся на Гефесте после эвакуации колонии, шанс жить под открытым небом, дышать свежим воздухом, ведь юридически Гефест перешел в его владение по наследству за несколько лет до смерти…

Крис опять упрекал себя и в то же время не чувствовал вины, отлично понимая, что тот, другой Кристофер Раули, отошедший от дел наемный убийца, озабоченный проблемами собственного стремительно ухудшавшегося здоровья, никогда не стал бы тратить ни единого галактического кредита на восстановление климата истощенной и бесперспективной котловины на Гефесте.

Жизнь ради жизни – данный постулат не входил в набор понятий, моральных ценностей, которыми оперировала душа постаревшего Скарма… ему было плевать на изгаженный, брошенный его отцом и братьями кусок мертвого мира, он даже не знал, что тут осталась проживать горстка людей.

Если минуту назад, войдя в этот фантомный зал, он полагал, что нашел выход из собственного ада, где его память вольно или невольно воскрешала страшные в нынешнем свете подробности прожитой жизни, то теперь, глядя на панораму мертвой котловины, он со всей отчетливостью понял, что этот путь привел его не к свободе и успокоению, а к новой преисподней, но теперь уже реальной, не выдуманной…

«По одну сторону своя прожитая жизнь, по другую – реальные последствия „семейного бизнеса…“», – с неподдельной горечью подумал он, глядя на мертвые пространства подернутых свинцовой водной рябью полей, которые теперь были затоплены мелководьем.

«Небогатый выбор для дальнейшего существования», – прикинул Крис, чувствуя, что загнал себя в тупик… разве что осуществить ту безумную идею и кинуться с головой в полыхающие информационные

потоки Интерстар, чтобы разбиться в этой стремнине, разлететься отдельными цепочками бессмысленных байт, раз и навсегда погасить свое «я», покончив наконец с существованием семейства господ Раули…

Интересно, почему Дана не навестила его вновь?

Мысль Криса скользнула дальше, вместе со взглядом, который по-прежнему был устремлен в туманную дымку котловины.

Где она сейчас? Что делает? О чем думает эта девочка, назвавшая его богом и, как оказалось, попавшая в самую точку…

Его мысли прервал внезапный рев.

Раули невольно повернул голову, управляя, таким образом, находящейся на связи с ним видеокамерой, и увидел, как на посадочную площадку перед комплексом зданий опускается небольшой космический корабль.

На его борту ясно читалась маркировка военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Раули вздрогнул, продолжая наблюдать.

Через несколько минут, когда от бортов перестала отскакивать окалина, в корпусе корабля открылся люк, и из него выехал трап.

Еще мгновение, и в проеме люка возникла знакомая фигура.

Столетов… Новый владелец планеты, получивший Гефест в обмен на *Логр*.

Крис едва поверил своим глазам.

Молодой человек, которого он принял за начинающего бизнесмена, был одет в военную форму и носил знаки различия капитана внешней разведки Конфедерации!..

Вот это сюрприз!

Пока Кристофер рассматривал капитана Столетова, вслед за ним по трапу спустился незнакомый полковник, потом показались космические пехотинцы…

Оказывается, в этот день на Гефест пришла новая жизнь, но Раули думал сейчас совсем о другом – его разум по уровню своей логичности и степени информационной подготовки оказался под стать тем двум спецам, что минуту назад спустились по трапу. Трансформации Столетова, превратившегося из начинающего отморозка в капитана внешней разведки Конфедерации Солнц, хватило, чтобы Раули четко и недвусмысленно сознал: *Логр* попал в его руки не случайно.

Жизнь его разума, зафиксированная после смерти на информационном носителе древней расы, была частью продуманной кем-то акции – отсюда и мостик, который непонятным образом оказался

перекинутым через бушующие информационные потоки сети Интерстар…

Над ним, вне сомнения, собирались ставить какой-то эксперимент – это Крис угадал мгновенно и безошибочно.

Стоило подумать об этом, как исчезли все остальные мысли.

Он больше не думал о Дане, не вспоминал свое прошлое и не мучился от увиденных картин.

В нем проснулась иная ипостась: та, что позволила Крису дожить до старости в диком мире Окраины и умереть в назначенный им самим день и час, перенасытившись жизнью и вконец измучившись от пожирающей его изнутри болезни…

Кроме того случая в казино, он больше не проигрывал, нигде и никогда.

Крис в последний раз кинул взгляд на солдат, начавших разгрузку какого-то оборудования, и решительно пошел назад, вон из сети офисных зданий, к узкому мостику, перекинутому через бушующие потоки сети Интерстар.

Прежде всего следовало навести порядок в своей реальности, сделать ее такой, какой она выглядела до посещения Даны, а потом разберемся, господа, что вы за волки крашеные и зачем явились по мою душу.

Теперь для Криса уже не составляло труда справиться со своим распоясавшимся воображением. Он быстро и недвусмысленно превратился в эреснийского скарма – опасного хищника, застрелить которого удавалось редкому смельчаку.

Разница между Раули, получившим когда-то эту кличку за свою жестокость, и настоящим зверем заключалась лишь в том, что Крис, без сомнений, был намного страшнее экзобиологического представителя семейства кошачьих, обитающих в заповедниках планеты Эрес.

Он был человеком – самым опасным существом во Вселенной.

Часть II. ВЗЛОМ СИСТЕМЫ

Глава 5

Колония Гефеста.
Посадочные площадки в районе комплекса офисных зданий…

Пепельно-серые облака клубились над Гефестом. Зрелище было завораживающим. Основной облачный покров лежал ниже посадочной площадки, на которую в данный момент опускался старый, видавший виды военный транспорт, и создавалось впечатление, что исполинская котловина, чьи иззубренные края возвышались над ядовитыми облаками, – это кратер притихшего до поры вулкана.

О суровой реальности остальной части сумеречного, неприветливого мира можно было лишь догадываться по алым проблескам, которые явственно подсвечивали нижние слои беспокойного, клубящегося облачного моря.

Сюрреалистические облачные замки величественно проплыли на обзорных экранах рубки управления снижающегося транспорта, а затем горы стали смыкаться вокруг корабля, окружая его со всех сторон; лишь вверху оставался участок бледно-фиолетового неба, на котором даже в ясный полдень можно было различить наиболее яркие звезды.

Воздух в котловине был стылым и разреженным. Бортовые анализаторы корабля недвусмысленно сигналили о том, что выходить наружу без дыхательной маски и защитного термокостюма будет, как минимум, некомфортно.

Впрочем, на борту транспортного корабля едва ли насчитывался десяток человек, способных внять предупреждениям автоматики. Остальные, именуемые «пассажирами», спали в объятиях ледяного сна внутри передвижных криогенных камер.

Как только смолкли посадочные сигналы, а по отсекам прокатилась легкая конвульсия, возникшая в момент встречи опор корабля с поверхностью Гефеста, у главного шлюза не возникло никакой суеты, только двое космических пехотинцев из взвода охраны вышли проконтролировать, как автоматика открывает шлюз.

Транспорт, опустившийся на потрескавшуюся стеклобетонную плиту старого космодрома, стоял безмолвный, неподвижный, словно прилетевшие на нем люди не собирались покидать корабль.

Полковник Грин посмотрел на датчики анализаторов и отжал клавишу

интеркома:

– Денис, выпусти дройдов, – произнес он. – Пусть протянут переходной тоннель от шлюза к комплексу офисных зданий.

– Понял командир. Сейчас сделаем.

Палец Александра машинально перескочил на другой сенсор.

На этот раз голос, переданный внутренним устройством связи, показался ему сонным.

– Да?..

– Это полковник Грин.

– Доброе утро, полковник. Мы уже сели?

– А что, толчка и перегрузок не ощущалось?

– Да нет, я спал, как младенец. Накануне принял снотворное. Наверное, пропустил самое интересное, да? Ладно, уже бегу умываться. Камеры будут готовы к транспортировке через полчаса…

«Ну и специалиста подкинул Белов…» – раздраженно подумал Грин о медицинском сотруднике. Впрочем, после реанимации заключенных медик сразу же отбудет с Гефеста, и они уже вряд ли встретятся с ним в этой жизни…

Александр посмотрел на монитор, отражавший численность и распределение по отсекам личного состава.

Одиннадцать человек, включая самого полковника Грина, пять замороженных в криогенных ячейках преступников да два десятка роботов-андроидов – взвод охраны и по совместительству отряд ремонтников, в зависимости от требований текущей обстановки, – вот весь персонал «ожившей» колонии Гефеста.

Рука Грина неосознанно потянулась к шее.

Тонкая цепочка была на месте, а кристалл *Логра* он ощущал, казалось, даже во сне – еще не привык носить подобный медальон. Для полковника было абсолютной неожиданностью, когда за несколько дней до отправки он, готовя документы на отпуск себе и капитану Столетову, вдруг обнаружил предписание явиться в офицерский клуб.

Там, на торжественно обставленной церемонии, ему в числе нескольких сот других офицеров вручили личный *Логр*.

Грин до сих пор не мог отделаться от того не радостного, а скорее зловещего чувства, которое он испытал, получая черный как смоль кристалл.

Слишком быстро начинали сбываться первые пророчества генерала Белова, и он подумал в тот миг, принимая *Логр* из рук ничего не подозревающего чиновника: «*А не опоздали ли мы, Петр Алексеевич?..*»

Хотелось надеяться, что – нет.

Полученный *Логр* придавал всей миссии полковника какой-то особенный, личный оттенок, ведь теперь результат несанкционированного вторжения в виртуальный мир усопших душ касался и его лично…

Глядя, как боевые андроиды возятся с первым звеном оранжевого переходного тоннеля, Грин еще раз покосился на датчики анализаторов и, в третий раз отжав клавишу интеркома, предложил:

– Денис, пошли разомнем ноги. Уж больно долго возятся эти дройды.

– Согласен, – ответил ему Столетов. – Снаружи прохладно, но надо привыкать, верно?

Они не подозревали, что с вершины офисных зданий за главным шлюзом корабля пристально наблюдает немигающее око видеокамеры, которым управлял разум Кристофера Раули.

По сценарию генерала Белова, этот «отморозок» должен был сейчас вариться в собственном соку, внутри личной Вселенной, не подозревая о программном мостике, перекинутом через информационные потоки Интерстар.

Грину, Белову и Столетову предстояло пережить еще немало сюрпризов, которые приготовили им ее величество судьба, планета Гефест и пятеро спящих беспробудным сном заключенных.

Раули в этом списке пока что отсутствовал, но лишь потому, что Кристофер, удалившись из виртуального пространства кибернетической системы офиса, был в данный момент занят совершенно иным делом – он не строил никаких козней против пришельцев, а тщательно «прибирал» пространство своей личной Вселенной, не оставляя населившим ее призракам ни единого шанса болтаться по просторам кьюиганской степи, как заблагорассудится его внезапно распоясавшейся памяти.

Он был озадачен внезапным оборотом событий…

Колония Гефеста.
Десять дней спустя…

Пять человек стояли посреди пенального помещения. Голые стены, минимум прикрученной к полу мебели, прочно запертые двери – все это больше напоминало тюрьму, чем свободное поселение.

Толстые взрывные ошейники, которые носил каждый из пятерых, выстроившихся вдоль стены, только подтверждали справедливость такой догадки.

Пятеро заключенных, накануне выведенных из состояния

низкотемпературного сна, стояли, не зная, что и думать, – настолько необычным казалось все приключившееся с ними.

Внезапно зашипев пневматикой, открылась дверь, и в комнату вошел высокий сухощавый мужчина.

Остановившись напротив пребывающей в полном недоумении пятерки, он несколько мгновений смотрел на них, а потом произнес:

– С возвращением в мир, господа.

Ответом ему послужило гробовое настороженное молчание.

– Где мы? – наконец хрипло выдавил один из заключенных.

– Это вам знать необязательно, господин Фрост, – ответил Грин, который подробно ознакомился с личными делами своих новых «сотрудников». – Могу сказать одно – в данный момент вы находитесь достаточно далеко от того места, где успели напакостить в последний раз, прежде чем вас схватила полиция.

На лице Доминика Фроста не дрогнул ни один мускул.

– Это тюрьма?

– Нет. Свободное поселение.

– Тогда какого Фрайга нам напялили эти чертовы ошейники? – хрипло осведомился Генрих Саймон – низкорослый, абсолютно лысый мужчина, производивший впечатление манекена из супермаркета из-за постоянных бликов, что гуляли по его обтянутому кожей черепу при каждом движении головы.

– Ошейники вовсе не обязательный атрибут, – успокоил его Грин. – Тут не тюрьма, но я не знаком с каждым из вас лично, а дурная репутация, которой вы обладаете, заставила меня соблюсти первичные меры предосторожности.

– Где мы и какого черта от нас нужно? – угрюмо, но теперь уже с явным вызовом в голосе вновь спросил Фрост.

Грин усмехнулся, медленно прохаживаясь вдоль строя.

– Я уже сказал: вы депортированы на планету, название и координаты которой вам абсолютно ничего не скажут. Учитывая тяжесть преступлений, вы все приговорены к пожизненному заключению. Я вырвал вас из криогенных камер, где ваши тела медленно старели на протяжении многих лет. Теперь у вас есть шанс поработать по своему старому профилю. Можете считать, что принимаете участие в исследованиях, где востребован ваш преступный опыт по взлому электронных сетей.

– Будем грабить межпланетные банки?

– Нет, господин Саймон, мы будем исследовать определенную структуру глобальной сети с минимальным воздействием на нее. Задача

состоит не в том, чтобы взломать и украсть, а в том, чтобы понять, как это работает. Конечные цели вас не касаются. Вы должны усвоить, что важными лично для вас являются две вещи: добросовестная работа и конечное вознаграждение.

– Какое? – последовал немедленный вопрос.

– После окончания исследований вам будет предоставлен выбор из нескольких слаборазвитых миров, не имеющих постоянной гиперсферной связи с остальными планетами человечества. Вместо старения в криогенной ячейке вы получите шанс прожить остаток своих дней там, где ваши способности более не причинят вреда людям.

– А если нет? – Это опять с вызовом заговорил Фрост.

Грин пожал плечами и ответил, переходя на грубую фамильярность:

– У меня есть два выхода, Доминик. – Он остановился напротив Фроста и пристально посмотрел тому в глаза. – Либо я взрываю твой ошейник на глазах остальных, либо отправляю тебя назад, в криогенную камеру. Подумай об этом. Выбор небогатый, но я ведь сказал – ему есть нормальная альтернатива: вы выполняете порученную работу и получаете шанс прожить остаток своей жизни под открытым небом, на поверхности вполне приличного с точки зрения экологии мира. Выбирать вам. Периметр этих зданий охраняется взводом андроидов плюс ограниченный контингент космической пехоты, на тот случай, если кто-то из вас рискнет применить свои навыки программирования к человекоподобным механизмам. – Александр выдержал паузу и добавил: – Впрочем, как я уже сказал, бежать отсюда некуда, и я велел охране пропустить желающих наружу, если у кого-то возникнет болезненная потребность в экскурсии. Ошейники автоматически взорвутся только в том случае, если кто-то из вас попробует спуститься вниз, покинув пределы периметра возвышенности. – Грин посмотрел на собравшихся и завершил свой монолог: – У вас есть двадцать четыре часа на адаптацию. Если решите прогуляться, советую воспользоваться защитными костюмами, атмосфера на улице слегка ядовита. Еще вопросы?

– Жрать дадут? – после некоторого молчания осведомился Саймон.

– Столовая прямо, – Александр указал на дверь. – Все автоматизировано, пища синтетическая. Пять дверей за вашими спинами ведут в личные комнаты отдыха. Этот коридор, – он указал на проход за своей спиной, – выведет вас к обзорному залу, в стене которого есть шлюз для выхода на поверхность. Следующая наша встреча ровно через сутки, в этом холле. Отсутствие на ней кого-либо из присутствующих тут буду считать автоматическим отказом от сотрудничества. Если возникнут

дополнительные вопросы – вот интерком, по нему всегда можно связаться либо со мной, либо с моим заместителем, капитаном Столетовым. Остальной персонал, как я уже упомянул, – дройды и космические пехотинцы. К ним приставать не советую – машины содержат боевые программы, а люди набраны из спецподразделений, прошедших огонь и воду…

По лицам пятерых заключенных было видно, что вопросов больше нет. Каждый из них в данный момент пытался как-то осмыслить приключившиеся с ними перемены, а для этого действительно требовалось время и изрядная доля самообладания.

– Всего хорошего, – подвел итог их беседы Грин. – Увидимся через сутки.

* * *

Нужно сказать, что ни до ни после личного знакомства с заключенными Александр не испытывал никакого восторга от персонала, который оказался в его распоряжении по воле Белова. Разумом он понимал логику действий генерала: получить необходимое количество специалистов определенного класса, набирая их в военном ведомстве, означало сразу же обречь операцию на огласку и провал. Естественно, во флоте и армии хватало людей, чьи способности отвечали требованиям операции, но они занимали определенные посты, имели свой фронт работ, и выдернуть их из повседневных обязанностей, не объявляя причин, могла разве что президент Конфедерации Шейла Норман…

Еще хуже обстояло дело с гражданскими специалистами. Операция, которую наметил Белов, требовала строгой секретности, и ее исполнители должны были исчезнуть по завершении тем или иным способом, чтобы не маячить в поле зрения прессы, когда правда о *Логрисе*, неважно, какой она будет, ляжет сухими отчетами на столы власть предержащих. Возможно, кто-то из высшего эшелона власти пожелает откорректировать факты, смягчить либо, наоборот, ужесточить, их… и в поле зрения таких лиц не должны оказаться исполнители, которыми можно манипулировать.

Все это понимал генерал Белов, потому и остановил свой выбор на заключенных. Они уже были вычеркнуты из списков общества, на каждого из пятерых имелись справки о смерти, а вознаграждение за успешно проведенную операцию, о котором упомянул Грин, было идеей самого Александра. Хотя полковнику на самом деле претили эти люди,

ответственные не только за взлом конкретных компьютерных сетей, но и за гибель ничего не подозревающих граждан, которым выпала судьба оказаться в определенное время и в определенном месте, но Александр был не из той категории людей, кто воспринимает каждый пункт весьма специфичной подготовки разведчика как непреложную инструкцию к действию в любых обстоятельствах.

Когда возможно обойтись без крови, он предпочитал действовать более гуманными способами.

Предстоящая операция одновременно и пугала и притягивала его. Белов поставил Александра перед серьезной проблемой, семена которой за время подготовки операции дали обильные всходы.

Он хотел понять, что такое *Логрис*, и предстоящие семь дней тренировок, в ходе которых исполнители должны были ознакомиться с аппаратурой и отведенными им ролями, Грин предвкушал как самую длинную неделю в своей жизни.

Ему хотелось быстрее попасть туда – в загадочный, потусторонний мир, дорожку в который открывал видоизмененный кристалл с сознанием Кристофера Раули.

* * *

Вопреки опасениям полковника, пятеро заключенных провели этот день достаточно спокойно.

Они не стремились объединиться в группу. По роду прошлых занятий каждый из них был волком-одиночкой, и сейчас ни у кого не нашлось ни причин, ни желания сбиваться в стаю.

Только Фрост воспользовался разрешением на прогулку. Надев защитный костюм, он вышел за пределы загерметизированных помещений офиса, но пробыл на продуваемом всеми ветрами плато не более получаса. Прогулка ему явно не понравилась, он лишь смог убедиться в справедливости утверждений полковника Грина. Бежать тут действительно было некуда.

«Ладно… – заключил про себя Фрост, возвращаясь к комплексу зданий. – *Поищем лазейку в другом месте…»*

Колония Гефеста.
Семь дней спустя…

– Итак, господа. Сегодня мы приступаем.

Полковник Грин медленно прохаживался меж вертикальных перегородок, выполненных из тонированного стекла, которые делили компьютерный центр колонии на восемь отсеков с отдельными терминалами.

– Каждый из вас имел достаточно времени, чтобы ознакомиться с аппаратурой и со своей конкретной задачей. Судя по отсутствию жалоб, проблем при предварительных тренировках не возникло, но повторяю: неизвестно, с чем нам придется столкнуться в недрах той машины, вторжение в которую мы начинаем. – Грин остановился напротив перегородки, за которой маячил сгорбившийся в кресле силуэт Фроста. – Доминик, ты готов?

– Да, – ответила смутная тень.

– Твоя задача?

– Копировать все доступные массивы информации.

– Верно. Саймон? – Александр обернулся к другой перегородке.

За неделю тренировок Генрих стал более покладист.

Он уже не рычал в ответ на каждое обращенное к нему слово.

– Я отслеживаю информационные потоки и пытаюсь уйти по ним как можно дальше от зоны вторжения, одновременно снимая информацию.

– Отлично. Загер?

– Прикрываю Саймона, – раздался лаконичный ответ.

– Донован?

– Отслеживаю по информационным потокам процессор интересующего нас узла.

– Верно… – Грин пока что был доволен. Он обернулся к последней перегородке.

– Клаус?

Голос, раздавшийся в ответ, не в пример другим был чуть хрипловат от волнения:

– Изображаю фантом заблудившегося в сети пользователя. Отвлекаю на себя гипотетические охранные программы.

– Отлично. – Александр прошел в узкий отсек и уселся в кресло за терминалом.

– Начинаем, господа. Не забывайте, первый контакт – это разведка. Ничего не тревожить, ни единого байта, никаких нарушений структуры, только копирование…

– Не учи отца… – дальше последовало нецензурное выражение. Фраза

принадлежала Доминику Фросту – человеку, который двадцать лет назад сумел полностью взломать защиту и подчинить своей воле кибернетический мозг боевого крейсера Конфедерации Солнц.

Компания в переоборудованном под компьютерный центр старом офисе господ Раули подобралась еще та…

Грин привычным движением раздвинул двумя пальцами складку кожи за правым ухом и вставил шунт нейросенсорного соединения, который с характерным чавкающим щелчком вошел в контакт.

– Поехали.

* * *

Если оценивать события мерками объективного времени, то со дня смерти Кристофера Раули прошло уже несколько месяцев, – столько понадобилось генералу Белову и полковнику Грину, чтобы после внедрения кристалла в *Логрис* подготовить людей и оборудование для начала операции на Гефесте.

В пяти тюрьмах произошли пять разных несчастных случаев, в результате которых «погибли» отобранные Беловым специалисты, отбывающие пожизненные сроки за свой криминальный талант. Пока шли операции по их изъятию, на Гефесте также произошли перемены. Старая резиденция, в которой жили три поколения семейства Раули, силами имевшихся тут роботов была отремонтирована, а после посадки транспорта, который привез необходимое оборудование, местная сеть была быстро и эффективно дополнена до мощности солидного компьютерного центра.

Все это время виртуальная личность Кристофера продолжала существовать в *Логрисе*.

Неизвестно, чем он занимался эти месяцы, о чем думал, чего желал, но, когда долгожданный канал был открыт и в виртуальное пространство его *Логра* серыми змейками скользнули пять чужих сознаний, принадлежавших живым людям, их «взглядам» предстала достаточно унылая и убогая картина. С одной стороны простиралась бескрайняя степь, которая граничила с безбрежным морем, а посреди двух пространств стоял дом… не дом – четыре белых стены без крыши с двумя квадратными окнами и прямоугольной дверью в торце.

Чуть в стороне, неподалеку от постройки, висел плотный кокон черноты, похожий на исполинских размеров столб или башню,

воссозданную из мрака. Более в виртуальном мире Кристофера Раули не нашлось ничего стоящего внимания.

Создавалось ощущение, что обитающая тут человеческая душа на самом деле умерла, скончалась, оставив после себя две разновидности природного ландшафта и недостроенное жилище.

– Первый, пошел…

От цветной реки, значение которой сейчас пытался определить Саймон, отделился странного вида виртуальный фантом. Несколько секунд он стоял неподвижно, а потом медленно побрел по равнине к виднеющейся у горизонта постройке.

Он не подозревал, что Крис ждет его.

Ждет давно и напряженно, вот уже несколько дней своего субъективного времени.

Ждет, чтобы определить цели противника и решить, наносить ли ответный удар, и если да – то какой?

Скарм не любил, когда его обманывали, а жизнь научила его устранять возникающие проблемы в самом зародыше, пока те еще не успели развиться до размеров чего-то глобального.

* * *

Существо, которое влезло в сотворенное Кристофером окно, было похоже на человека, за исключением двух сразу же бросающихся в глаза отличий: его кожа отливала мертвенной голубизной, а на руке, уцепившейся за край подоконника, вместо пяти оказалось шесть пальцев.

Хараммин – услужливо подсказала память Кристофера, который при всем своем желании уже не мог сослаться на амнезию. Попав сюда, он вспомнил все: начиная от первых, едва осознанных впечатлений младенчества и заканчивая тяжкой предсмертной суетой.

Что ж… В данной ситуации Раули был рад любому гостю. Хотя такие понятия, как «рад», «счастлив», «доволен», постепенно исчезали из мысленного лексикона.

Чувства пропали, будто их никогда и не было.

Странный парадокс. Стоило ему почуять опасность, как верх взяли возведенные в ранг инстинкта привычки. Полный самоконтроль мгновенно разрушил иллюзорный ад воспоминаний, и, как только Раули загнал все призраки прошлого, запечатав часть информации в темный вращающийся столб, он вновь ощутил себя таким, как в первые дни существования в

Логрисе: спокойным, ничего не жаждущим, способным сутками сидеть, уставившись в одну точку на белой стене.

Наверное, такое состояние должно быть присуще всем, чьи души попадают на носители *Логриса*, а его болезненный экскурс в собственное прошлое, когда он заново переживал события тридцати-сорокалетней давности, являлся отклонением от нормы, дисфункцией, вызванной появлением тут Даны.

Глядя на хараммина, влезающего в окно, Раули несколько раз переформулировал мысль, с педантичностью машины подбирая наиболее адекватный вариант, пока не остановился на термине «не против».

Да, именно так. Он был не против внезапного посещения.

– У тебя скудное воображение, человек, – пропыхтел голубокожий, усаживаясь на подоконник. – Мог бы сделать эту равнину чуть менее протяженной, – упрекнул он.

– Я не знал, что ко мне движется гость, – спокойно отвел его упрек Кристофер.

– Ладно. Дело прошлое, хотя мне пришлось целую вечность добираться до твоего убогого домишки.

– Мог бы сотворить себе средство передвижения, – ответил Раули, который уже разобрался в окружающем его пространстве и понимал, что может манипулировать им.

– В том-то и дело, что не мог, – пробурчал гость и пояснил: – Я же не в своем *Логре*, а в твоем. Здесь ты меняешь реальность по собственной прихоти, а мне не дано тронуть даже байта…

– Выходит, ты в моем кристалле?

– Да. Меня зовут Лоит, я хараммин.

– Вижу, что не человек. – Крис в свою очередь представился и из вежливости сотворил второе кресло. – Присаживайся, раз пришел.

Лоит перелез через подоконник и уселся в кресло.

– Тебе тут нравится? – спросил он, обводя взглядом голые стены комнаты.

Раули пожал плечами.

– Мне здесь непривычно, – сознался он.

– Ты был нищим, прежде чем попасть в *Логрис?*

– Почему? У меня было много денег. Собственно, я тут именно благодаря им.

– Что, *Логры* теперь продают в ваших супермаркетах? – усмехнулся гость.

– Нет, сейчас их должны раздавать бесплатно, – ответил Раули. – Но,

когда умирал я, вся эта возня с *Логрисом* только начиналась, и мне пришлось выложить немалые деньги за кристалл.

– Ясно. – Лоит вытянул ноги. – Значит, я все же попал по адресу.

– У тебя ко мне дело? – Бровь Раули чуть приподнялась.

– А стал бы я лезть в чужое пространство из любопытства?

– Не знаю. Чужая душа потемки, – философски заметил Кристофер.

– Здесь такое высказывание неуместно. – Гость указал на голые стены, потом за окно, где простиралась необъятная равнина. – Вот твоя душа. Рациональный, недоверчивый, консервативный, давно утративший воображение старый циник, напяливший оболочку, которая лет на сорок моложе состарившегося рассудка, верно?

– Тебе какое дело?

– В принципе – никакого. Зашел спросить – ты долго собираешься просидеть в кресле, пялясь на голые стены?

– Ты что, коммивояжер по продаже интерьеров? В *Логрисе* тоже налажен бизнес? Если так – можешь вылезать назад в окно, я не нуждаюсь в услугах мошенников.

– Да… я точно попал по адресу… – Лоит весело сверкнул глазами. – Нет, я не торгую виртуальной недвижимостью, – спустя секунду добавил он. – Я один из тех, кто вел войну с твоей расой. Я хараммин из числа Бессмертных.

– Ну и что? – Кристофер не играл – он вел себя вполне естественно, как в первые дни, после того как попал сюда. Еще до появления Даны, всколыхнувшей муть прошлого, он понял, какова на самом деле уготованная ему вечность, и для Раули перестали играть роль те условности, которые присущи *живой душе*.

– Тебе все равно? – удивился фантом хараммина. – Я враг человечества, тебя это не заводит?

Крис посмотрел на него, как на пустое место.

– Плевать, – ответил он. – Я тоже теперь бессмертный, продавший душу и так далее… Что из этого? – Раули вопросительно посмотрел на гостя.

* * *

Результат первой серии опытов, состоящей из пяти последовательных посещений Вселенной Кристофера Раули различными фантомами, полковнику Грину лучше всего удалось охарактеризовать в докладе

генералу Белову одной лаконичной, но емкой фразой:

– Он не реагирует на провокации, сэр.

– Очень хорошо. – Петр Алексеевич, который только что просмотрел запись последнего эксперимента, остался доволен исходом беседы двух призрачных существ.

Раули полностью проигнорировал фантом хараммина, и это уже говорило о многом. Он не поддался на попытки спровоцировать бегство из *Логра*, через межзвездную сеть, да и к факту появления у него в «гостях» различных существ отнесся холодно и равнодушно.

Похоже, что предварительные прогнозы официальных аналитиков сбывались, несмотря на сомнения Белова. Конечно, генерал понимал, что опытов проведено еще слишком мало, чтобы с уверенностью говорить о каком-то качественном результате, но предварительный вывод уже напрашивался сам собой: личность, помещенная на электронный носитель, явно теряла эмоциональную окраску своих поступков. Равнодушие, порожденное отсутствием тела и всех, связанных с ним биологических стимуляторов процесса мышления, постепенно становилось все более очевидной чертой поведения Кристофера Раули.

«Если это подтвердится окончательно, – думал Белов, – то постулат о потенциальной опасности *Логриса*, как составной части общечеловеческой сети Интерстар, умрет под прессом фактов, собранных группой полковника Грина».

«Но у данного вопроса существует и оборотная сторона, – продолжал размышлять он, глядя в потемневший экран межзвездной связи. – Если личность, трансформированная в несколько тысяч гигабайт информации, теряет все свои уникальные качества, означает ли это, что сама идея виртуального бессмертия, так широко преподнесенная массам, превращается в политический миф, красивое обещание, за которым не стоит ничего, кроме зловещей пустоты?»

Поведение Кристофера Раули наводило Белова именно на такое предположение.

Он сам до недавнего времени носил на шее тонкую цепочку с прикрепленным к ней Логром и некоторое время назад всерьез верил, что его кончина в сегодняшних условиях не будет нести печати удручающей окончательности. Более того, он считал, что, попав в Логрис, его душа обретет власть бога, творца, который может лепить доступное ему пространство, формируя его в мир своей мечты.

Факт реанимации разума Кристофера Раули в фантомной среде *Логриса*, который они доказали, вступив с ним в контакт, подкреплял эту

надежду на бессмертие, но вот действия подопытного перечеркивали ее…

Просмотрев все собранные Грином материалы по первой стадии исследований, Петр Алексеевич сделал несколько очевидных выводов.

Во-первых, виртуальный мир отдельно взятого кристалла на самом деле подвластен обитающей в нем личности. Те ничтожные усилия воли, что приложил Кристофер для создания окружающей обстановки, породили бы черную зависть у любого творца из числа живых. Творить виртуальные миры без посредничества сложных программных оболочек, всего лишь подумав о них, не удавалось никому из смертных. Но… – Мысль Белова тут же спотыкалась о следующий факт. – Раули *не хотел* быть творцом. Он мыслил, однако делал это равнодушно и скупо. За долгое время у него не возникло никакого желания поменять обстановку или добавить что-то к четырем стенам своего жилища.

Я мыслю, следовательно, существую – этот постулат стремительно устаревал, показывал свою половинчатость, незавершенность, потому что следовало формулировать так: я мыслю, следовательно, существую, *я чувствую, следовательно, живу.* «Вот как должна теперь звучать старая, испытанная веками истина», – думал Белов, размышляя над собранными материалами.

В соответствии с такой формулировкой Раули не жил, он существовал.

Этот вывод напрашивался сам собой, он буквально плавал на поверхности. Все, о чем грезилось живому старику, видимо, обратилось в прах, утратило смысл, как только разум отделили от измученного болезнью тела…

И все же генерал не спешил делать далеко идущие выводы, а тем более облекать их в форму окончательного, официального отчета.

Группе полковника Грина еще работать и работать, а открытые ею факты *уже* могли взорвать человечество, отняв у граждан Конфедерации надежду на полноценное бессмертие… Неожиданные выводы на поверку представляли опасность не меньшую, чем та, что побудила генерала Белова к планированию секретной операции и внедрению в *Логрис* видоизмененного кристалла.

Палка, как обычно, оказалась о двух концах, и следовало крепко подумать, прежде чем решать – где тут меньшее из двух зол…

Опыты еще только начинались, и Белов не стремился к поспешным выводам.

Глава 6

Колония Гефеста.
Перед началом второй серии опытов…

Доминика Фроста сильно раздражали окружавшие его обстоятельства, а в особенности – взрывной ошейник, постоянно ощущаемый горлом, даже во сне. Во время обеда, в промежутке между утренней и вечерней вылазками в виртуальную реальность, он подсел к Саймону. Раньше они не были знакомы, но теперь быстро сблизились, негласно заняв лидирующее место среди пятерых заключенных.

– Генрих… – негромко начал Фрост, скребя ложкой по дну пластиковой тарелки, чтобы заглушить вероятные датчики прослушивания. Он наклонился к самому уху Саймона и говорил, едва шевеля губами: – Тебе не показался знакомым этот ублюдок, к которому мы шатаемся в гости?

– Нет, – так же тихо ответил Генрих.

– А мне кажется, я узнал его… – Фрост бросил молниеносный взгляд по сторонам. – После обеда давай выйдем, прогуляемся, есть тема.

Саймон лишь кивнул в ответ.

* * *

Грин находился в своем рабочем кабинете, под который он занял бывшую спальню Вениамина Раули, когда раздался внезапный вызов по каналу интеркома.

– Да, слушаю. – Александр отжал клавишу.

– Это Столетов. Я могу зайти?

– Что-то случилось, капитан?

– Активность, сэр. Один из дройдов зафиксировал внизу, среди руин города, движение. Я хочу, чтобы вы взглянули на снимки.

– Хорошо, заходи, я жду.

Грин отпустил сенсор связи, ощутив внезапное беспокойство.

Движение внизу, в котловине? Что бы это могло быть? Чудом уцелевшие животные?

Наличие тут остаточного поселения людей он не допускал даже

мысленно: перед посадкой было произведено тщательное сканирование руин города и всей территории котловины, которое не выявило никаких признаков человеческого присутствия.

Массивная, двустворчатая дверь кабинета, выполненная из пуленепробиваемого сплава, открылась, прошелестев встроенным приводом, и пропустила капитана Столетова.

Каждый раз, когда она открывалась, полковник невольно задумывался о личности последнего хозяина колонии, обитавшего тут. Вениамин Раули явно прожил нелегкую жизнь и под старость не доверял никому, иначе его спальня не выглядела бы как хорошо укрепленный, перенасыщенный электронными системами бункер.

– Заходи, Денис. – Полковник развернулся вместе с креслом навстречу вошедшему. – Что там у тебя стряслось?

– Вот. – Столетов положил на стол несколько компьютерных распечаток, сделанных со стоп-кадров какой-то видеозаписи. Судя по характерным оттискам в углах каждого снимка, запись велась с видеокамер одного из роботов-андроидов, охранявших периметр скальной возвышенности.

Грин взял в руки тонкие листы пластбумаги.

Дата и время в углу каждого снимка указывали, что они сделаны несколько часов назад, в полдень по местному времени Гефеста.

Первый же снимок заставил полковника вздрогнуть.

День сегодня выдался солнечным, и на фоне ярко освещенных городских руин четко просматривались три сгорбленные тени, которые издали можно было с большой натяжкой принять за людей, одетых в какое-то нищенское тряпье…

По спине полковника пробежал неприятный холодок.

Он взял следующий лист пластбумаги, на котором тот же кадр был обработан на компьютере и увеличен. Теперь в него умещалась лишь часть руин и три, несомненно, человеческие фигуры. После обработки и увеличения стали различимы даже черты лица одной из трех фигур: это была молодая девушка с бледной кожей и длинными спутанными волосами…

Грин оторвал взгляд от распечаток и поднял глаза на капитана.

– Скверно, – выдал краткое резюме Столетов. – Мы ведь были убеждены, что Гефест необитаем, верно?

Александр кивнул, мысленно пытаясь предугадать, чем обернется для них это внезапное открытие… О нем немедленно следовало доложить Белову, это как минимум…

– Вот что, Денис… – Он еще раз взглянул на снимки и отложил их в сторону. – Возьми людей и спустись вниз, проверь, кто они такие. Если это небольшое остаточное поселение – то еще куда ни шло…

– Думаешь, за нами следят? – тут же напрягся Столетов.

– Может быть. Что мне тебе объяснять? Бери людей и вниз, экипировка по полной боевой, выясни, кто они: состав, численность, происхождение, как оказались тут… в общем, сам знаешь. Андроидов оставь наверху, пусть по-прежнему охраняют периметр.

– Понял.

Когда за капитаном закрылась дверь, Грин еще раз взглянул на снимки. Три фигуры выглядели вполне характерно. Их одежда, напоминавшая выцветшие лохмотья, наводила на мысль именно об остаточном поселении, слишком бледное лицо девушки с землистыми, заострившимися чертами говорило в пользу каких-то подземелий, где она провела большую часть своей жизни, и если это так, то факт наличия людей на Гефесте не должен повлиять на статус операции или усложнить ее выполнение.

«В крайнем случае окажем им посильную гуманитарную помощь…» – успокаивая сам себя, подумал полковник, не решаясь пока предсказывать ни реакцию генерала Белова на неожиданно открывшийся факт, ни далеко идущие последствия внезапного открытия.

Одно он знал точно – придется садиться за компьютерный терминал и составлять подробный отчет.

* * *

Послеобеденные прогулки не входили в привычку пятерых заключенных, но они не возбранялись, поэтому Саймон и Фрост без затруднений покинули комплекс офисных зданий. Встав на краю скалистой площадки, над пропастью, они чуть сдвинули дыхательные полушлемы, чтобы иметь возможность говорить и слышать друг друга.

Фрост, глотнув горьковатого воздуха высокогорья, смешанного с проникающими сюда вулканическими испарениями, тут же закашлялся, пальцами придвинув мундштук дыхательного аппарата поближе к носу, чтобы вдыхать свободно истекающую воздушную смесь.

– Ну, – полуобернувшись, спросил Саймон. – Что ты хотел мне сказать?

– Мне кажется, что личность, которую мы регулярно посещаем в

виртуалке, – это Крис Раули по кличке Скарм. Наемный убийца, долгое время работал на Старика, хозяина всех игорных заведений Кьюига.

– Ну и что с того? – не уловил его мысль Генрих. – Даже если это Раули, значит, он давно сдох, верно?

– Меня раздражает вот это. – Доминик постучал костяшками пальцев по взрывному ошейнику. – И еще, меня мало прельщает перспектива оказаться заброшенным в какой-нибудь деградировавший мир и сдохнуть там под забором без гроша в кармане. Мир без компьютеров, без сети Интерстар, – это не наш с тобой случай, верно?

– Да… – угрюмо согласился с ним Саймон. – Но я не понимаю, чем нам может помочь этот Раули?

– А ты понял, что за структуру мы исследуем?

– Догадываюсь. Это скорее всего пресловутый *Логрис*. – Генрих обернулся. – Я мало что знаю о нем, потому что загремел в низкотемпературный гроб еще до того, как было открыто это новое шаровое скопление.

– *Логрис* – это древняя машина расы двухголовых ксеноморфов. Сверхкомпьютер, составленный из миллиардов автономных компонентов, – лаконично пояснил ему Фрост. – После того как эти голубокожие придурки хараммины разрушили центральный узел Интерстар в системе Элио, вся сеть была переориентирована на древнюю машину. *Логрис* стал центральным узлом, понимаешь?

– Ты хочешь сказать, что связь между планетами идет через него?

– Ну да. Ты же помнишь функции Элианского узла. Сигнал с любого мира шел к Элио, а уже оттуда ретранслировался по назначению.

Саймон некоторое время обдумывал новую для него информацию, а затем отрицательно покачал головой.

– Нас с тобой просто взорвут, Фрост. Идея заняться делом в сети заманчива, но меня смущает то, что этот придурок Грин держит палец на моем пульсе. Внешняя разведка глазом не моргнет, нажав кнопку.

– Потому я и зацепился за Раули. Не знаю, насколько сильно изменилась его натура после смерти, но при жизни он был парень что надо. Работал чисто, и что удивительно – ни одного сорванного заказа.

– Хочешь «заказать» ему Грина? Каким образом?

– Не знаю… – сплюнул на землю Фрост. – Было одно убийство, осуществленное в сети, но я не уверен, его ли рук это дело… – признался он. – Надо хотя бы потолковать с ним без лишних ушей. Нам ведь с тобой не возбраняются дополнительные занятия в компьютерном центре?

– Там постоянно ошивается кто-нибудь из компехов… – скептически

хмыкнул Саймон. – Особо не разгуляешься по виртуалке, когда за твоей спиной кто-то пялится на контрольный монитор.

– А ты посмотри сюда. – Фрост указал в сторону выхода из офисных зданий, где в полном составе выстраивался малочисленный контингент космической пехоты под командованием капитана Столетова. – Судьба играет на нас или как?.. Клянусь Шиистом, они собрались прогуляться вниз!..

– С какой это радости?

– А пес их знает. Главное, что в ближайшие несколько часов компьютерный центр будет свободен. Тут, похоже, останется только Грин да дройды на охране периметра. – Фрост мысленно оценил формирующуюся прямо на глазах ситуацию и добавил: – Полковник обычно не вылазит из своего кабинета, а сервоприводные истуканы нам не помеха, мы ведь не собираемся никуда бежать, верно?

– Ладно… – кивком согласился Саймон, глядя, как компехи действительно начали спуск вниз по частично расчищенному от обломков тоннелю. – Я согласен, только придется потолковать с остальными парнями, нужно, чтобы кто-то страховал компьютерный центр и кабинет Грина. Не хочу, чтобы меня застукали на «неправильном поведении».

– Согласен, – подытожил их короткий диалог Фрост.

* * *

Вопреки своей первой спонтанной реакции, Раули не предпринимал никаких ответных действий на акцию военных, столь неожиданно для него появившихся на Гефесте.

В какой-то момент ему показалось, что все даже к лучшему: негаданный экскурс в компьютерную систему офисных зданий и вид совершившего посадку космического корабля заставили его испытать давно позабытый прилив сил, он мобилизовался, как перед выходом на сложное задание, и эта собранность, отрешенность от всех и вся, не являлась порождением неких закономерностей существования в *Логре* – в данном случае очнулась его воля, мгновенно возобладавшая над всеми иными проявлениями разума.

Он действовал быстро и целеустремленно. Внутренняя структура *Логра*, которая поначалу казалась ему незыблемой, на самом деле была управляема. Главное – он понял, что находится внутри собственной памяти, а вокруг, невидимые для глаза, лежат массивы информации, составляющие

его личность, но до момента появления нежданных гостей у него не было особого желания трогать эти структуры, предварительно не изучив их.

Теперь ситуация вынуждала его действовать. Раули не хотел, чтобы кто-то посторонний копался в его душе, а значит, он должен сделать реальность вокруг себя такой же безликой, какой она была до прихода Даны.

О девушке он думал постоянно. Мысль о ней не покидала Кристофера даже в самые отчаянные минуты, когда сонмище вырвавшихся из глубин памяти призраков становилось совершенно непереносимым, но сейчас следовало забыть о проявлениях мира внешнего и сосредоточиться на внутренней структуре *Логра*.

Уничтожить те или иные воспоминания, чтобы стабилизировать разбушевавшуюся реальность, он мог, но не хотел: в конечном итоге все, начиная от штурмовиков корпорации «ЭХО» и заканчивая безобразным трупом Рауфа, – это не очень приятные, но неотъемлемые, а главное – невосполнимые частицы его души…

В своих злоключениях Крис постиг основополагающий принцип виртуального существования: структура *Логра* с самой первой секунды, как только он очнулся среди черноты и безвременья, была подчинена ему *абсолютно*, просто он недостаточно внятно и настойчиво формулировал изъявления своей воли.

Осознав это, он без труда изгнал мешающие ему призраки, заточив их внутри черного как смоль смерча, лениво вращающегося на просторах кыоиганской степи.

Теперь, пока он сам не пожелает этого, определенные участки воспоминаний будут запечатаны там, словно джинн в бутылке.

Ожидая развития событий, Раули вернулся к спокойному существованию. Оно по-прежнему не удовлетворяло его, но уже не угнетало своей явной неизбежностью. Вечность, на фоне прошедших событий, перестала казаться такой пугающе-однообразной, и потому он спокойно воспринял появление первого фантома, вторгшегося на пространства кьюиганской степи со стороны бешеного, переливающегося радужным сиянием информационного потока Интерстар.

Что-то изменилось в самом Крисе. Он спокойно побеседовал с «заблудившимся пользователем», не причинив тому ни малейшего вреда, потом со скупым равнодушием принял у себя голубокожего гуманоида и еще несколько персонажей придуманной не им игры.

Совершив между этими вторжениями прогулку по знакомому мостику, он взглянул на полковника Грина, который руководил операцией,

и, пролистав сделанные им электронные заметки, понял, что никто не собирается причинять ему конкретный вред. Военные пытаются понять, что такое *Логрис* и как ведет себя личность, заточенная в нем после смерти. Это было оправданное беспокойство, хотя и запоздалое, – поэтому Крис не стал совершать никаких ответных действий, реагируя на вторжение в его электронный склеп.

Он вел себя таким образом, чтобы полковнику Грину как можно быстрее наскучила придуманная игра.

После визита Даны и собственного экскурса в личный, не придуманный никем ад воспоминаний Раули изменился, но не собирался демонстрировать это кому бы то ни было. Военные могли расшибиться в лепешку, но их провокации будут вновь и вновь натыкаться на его равнодушие, с тем, чтобы операция на Гефесте закончилась как можно быстрее. Пусть они получат желаемую информацию, свернут компьютерный комплекс и улетят, а на стол руководства Конфедерации Солнц ляжет секретный отчет о посмертном тестировании личности Кристофера Раули – ублюдка и убийцы, который превратился в равнодушный ко всему набор байт.

Криса полностью устраивал подобный отчет.

Пусть его оставят в покое, и тогда он сможет до конца разобраться, кем же на самом деле он стал?

Он был уверен – военные не задержатся здесь надолго, слишком много денег нужно вкладывать в погибшую колонию, чтобы основать тут какую-то гипотетическую базу. Логика Раули была безупречна, а терпение – неистощимо. Он допускал в своих рассуждениях, что, покидая Гефест, военные включат станцию ГЧ планеты в сеть своих узко специализированных приемопередающих устройств, но мостик, ведущий сюда из его *Логра*, все равно сохранится – это неотъемлемая, специально сконструированная деформация кристалла, а значит, он сможет вернуться на свою трижды проклятую родину и вновь увидеть ее – девушку, что заполнила вакуум его души, заставила по-иному взглянуть на вещи…

Она всколыхнула в нем ад воспоминаний, и Крис был благодарен ей за это. Он снова прошел всю свою жизнь, от начала и до конца, но теперь над ним не господствовали ни плотские желания тела, ни жажда денег, ни оскорбленное самолюбие.

Он сам не знал, кем стал после такой трансформации, и единственным желанием, которое родилось у него в результате мытарств по мизансценам прожитой жизни, было желание вернуться в компьютерную сеть Гефеста и, пользуясь ее инфраструктурой, отыскать Дану, чтобы спросить:

«Почему ты не пришла ко мне вновь?..»

Ну а пока ему приходилось сидеть и ждать, когда же полковник Грин и его команда расшибут себе лоб о его спокойное, безликое существование. Единственное изменение, которое он внес в собственную реальность, осталось не замеченным ни самим полковником, ни его спецами.

Помимо черного вихря, который застыл посреди кьюиганской степи, над травостоем парила одинокая, не знающая устали птица, которая издали высматривала приближающихся к скромному домику гостей.

* * *

На этот раз черный как смоль ворон спикировал в пустое окно в неурочный час.

Крис посмотрел на фантомную птицу, усевшуюся на край оконного проема, и понял, к нему опять движутся гости.

Он заставил ворона испариться, истаять в воздухе, а сам подошел к простенку и осторожно выглянул в окно.

На этот раз посетителей оказалось двое, но мало того, что они пришли в неурочный час (у военных строгий распорядок дня, и Крис уже привык, что визитеры появляются в границах кьюиганской степи в одно и то же субъективное время), эти, ко всему прочему, еще были и вооружены!..

«Странный способ контакта…» – подумал он, учитывая цели, которые до сих пор преследовал Грин.

Впрочем, оружие в руках незнакомцев, как и колоритную личность голубокожего гуманоида, можно было списать на воображение полковника, который, вероятно, пытался моделировать наиболее худшие, с точки зрения военного, варианты провокаций.

«Не дождетесь…»

Крис отошел от окна и уселся в кресло.

Впрочем, в расслабленной позе он просидел недолго.

Гибкая, сильная фигура влетела в комнату, едва коснувшись пальцами руки края оконного проема.

Второй из фантомов по какой-то причине остался снаружи. *«Скорее всего, страхует дверь и другое окно»,* – моментально подсказал Крису профессиональный опыт.

Это становилось любопытным, но мирное чувство истаяло от первой же фразы, которую произнес появившийся в комнате виртуальный призрак.

– Здравствуй, Скарм… – Он уселся на край оконного проема,

полностью загородив этот путь отступления своими широкими плечами. Импульсная винтовка в его руках выглядела вполне натурально и смотрела зрачком электромагнитного компенсатора прямо в грудь Раули. – Не узнаешь?

Крис внимательно посмотрел на незнакомца и позволил себе усмехнуться краешком губ. Не узнать виденного однажды человека – это уже не являлось свойством его памяти, в *Логре* все находится на своих местах, каждый байт, который в обычной жизни нужно долго и порой мучительно выковыривать из подсознания, здесь всегда к твоим услугам. Конечно, он узнал его, Доминика Фроста – хакера и по совместительству убийцу. Только вот к чему все это? Похоже, что на сей раз Грин переигрывал… либо он неправильно оценил личность полковника?

Раули ошибался во всех своих выводах.

Александр Грин был тут совершенно ни при чем. Он сидел в своем кабинете, составляя очередной отчет для генерала Белова, а призрак Фроста не являлся очередным выдуманным персонажем тестовой игры – за ним скрывался настоящий, *живой* человек, с которым Раули действительно имел мимолетное знакомство в прошлом, но об этом Кристофер догадался чуть позже.

– Как поживаешь? – задал Фрост риторический вопрос, больше похожий на издевку или вызов.

Крис по-прежнему без видимых усилий держал себя в руках, никак не реагируя на происходящее. Он решил не поддаваться на провокации, пока это будет в его силах. Чем скучнее будут отчеты Грина, тем быстрее он уберется с Гефеста.

В данном случае эта логика не сработала.

Доминик несколько секунд, прищурясь, смотрел на Раули, а потом, чуть приподняв ствол «ИМ-12», дал короткую, трескучую очередь поверх его головы.

– Оглянись, – процедил сквозь зубы Фрост. Крис медленно повернул голову, не выпуская неожиданного визитера из поля бокового зрения.

В стене, за креслом, красовались пять дыр, каждая величиной с кулак. Сквозь отверстия была видна бескрайняя, покрытая барашками волн водная поверхность.

– Игры закончились, – зловеще резюмировал Фрост, наслаждаясь произведенным эффектом. – Я не кукла на ниточках Грина. Я пришел сам по себе.

– Зачем? – Крис так же медленно обернулся, будто его вовсе не заинтересовали дыры в стене.

– Поговорить, – оскалился Доминик. – Пока поговорить.

– О чем?

Фроста злило спокойствие Раули. Беда Доминика заключалась в том, что он не общался с Крисом при жизни – так, видел мельком да слышал кое-что, поэтому он изначально избрал неверную тактику общения. Кристофера Раули было нелегко напугать в прошлом, а здесь, в *Логре*, тем более, но Фрост-то был *живым*, им владели эмоции, которыми в свою очередь правила дурная привычка относиться к людям как к дерьму. Доминик не уважал жизнь как таковую, используя звериное право силы по поводу и без него, за что, кстати, и загремел в низкотемпературную камеру криогенной тюрьмы. Его талант программиста был лишь приложением к истинной натуре…

Крис, который, вдоволь налюбовавшись дырами, повернул голову, подумал, что Доминик Фрост живо напоминает ему Рауфа.

Однако самым неприятным из произошедшего была вовсе не скверная натура Фроста, а дыры, проделанные им очередью из импульсного оружия. Сквозь отверстия в стене виднелось море, и данный факт наводил на серьезные, неприятные выводы…

На этот раз Доминику было нетрудно проследить за мыслью Раули.

– Да, да… – хрипло прокаркал он. – Верно мыслишь. Эти дыры мог бы проделать ты, а не я, ведь это *твоя Вселенная*, и властен тут только разум господина Раули, верно? – Казалось, что Доминик сейчас расхохочется. – Шутки в сторону, Кристофер. – Незваный гость внезапно сменил тон. – Грин ничего не соображает в настоящем программировании. Так же, как ты, полагаю… – Он отстучал пальцами незамысловатую дробь по пластиковому прикладу «ИМ-12» и пояснил:

– За муляжом этой винтовки программа. Настоящая программа, которая способна пробить дыру не только в виртуальной стене, но и в твоей виртуальной башке, Раули. Боюсь, что твоя вселенная рухнет, если я наделаю в ней слишком много таких отверстий. Ты погибнешь, но теперь навсегда, усек?

Фрост ждал ответа, и Раули кивнул. Он хорошо усваивал наглядные уроки, первый из которых был преподан ему бездну лет тому назад в полуподвальном помещении казино планеты Кьюиг. Тогда на его глазах незнакомому мужчине сломали все пальцы на обеих руках.

На этот раз Крис воспринял прессинг более спокойно.

– Что тебе от меня нужно, Фрост?

– Ты даже не спросил, откуда я тут взялся.

– Ты поверишь, если я отвечу, что мне все равно?

Доминик нервно дернул щекой.

Как было и в случае с Даной, Крис мгновенно понял, что все это не компьютерная ложь, – за призраком, устроившимся в проеме окна, стоит живой человек, значит, Фрост действительно тут, на Гефесте, но какими извивами судьбы этот отморозок с криминальным прошлым оказался среди военных?!

На мгновение его внимание отвлек иной призрак: Дана… Это воспоминание, промелькнувшее среди логических выкладок рационального мышления, несло оттенок тепла, несмотря на всю последующую горечь причиненных ее появлением последствий.

Раули было удивительно ощущать подобное. Неужели он действительно изменился, хотя бы на йоту, в процессе короткого, но болезненного пребывания в личном аду, составляющем основу его души?

Хриплый голос Фроста заставил мысль Кристофера вернуться к более реальной проблеме.

– Меня вытащили из низкотемпературной ячейки криогенной тюрьмы ради этого убогого эксперимента, – произнес Фрост, по-прежнему целя в грудь Раули. – Меня и еще четверых парней, – добавил он. – Нас засунули в эту котловину, чтобы мы играли спектакли для тебя, а Грин исправно отсылал отчеты: «Раули дернулся так, Раули дернулся эдак…» *Мы должны изучить структуру виртуального мира и потенциальные возможности фантомной личности…* – передразнил он Грина и, указав на дыры в стене, добавил: – Вот она, истинная структура твоей вселенной. Ее можно ломать, по ней можно странствовать, в потоки Интерстар можно влиться и скользить по ним, как по кровеносным сосудам, только для этого нужны такие мозги, как у меня или у Саймона, понимаешь?

– Понимаю, – лаконично ответил Крис. Он посмотрел на электромагнитный компенсатор импульсной винтовки и добавил: – Я могу понять все, кроме одного: почему ты вламываешься ко мне, как последний мудак, поднимаешь пальбу своим программным оружием и вообще… ты что, решил напугать меня, Фрост?..

– Дерьмо Шииста! – Теперь Доминик вспылил по-настоящему, и Раули, который провоцировал Фроста, считая, что тот не станет стрелять в него самого, уже не был так уверен в своей железной логике.

– Мы заключенные, понимаешь ты это?! – Фрост сильно нервничал и не мог этого скрыть. – Я сижу под колпаком сопливого полковника и должен улучать момент, чтобы побыть самим собой, а не его марионеткой! У меня нет времени увещевать тебя, но есть огромное желание показать этим военным ублюдкам, как настоящий специалист может изнасиловать

их сраную систему безопасности… со всей сетью Интерстар в придачу.

– Понял, – скупо ответил Крис на эмоциональный монолог Фроста.

До него наконец стала доходить истинная суть происходящих событий.

– У тебя хватило времени, чтобы наскоро написать программу, которая может поломать мою личность, и ты явился сюда, улучив момент и удрав от Грина, верно? – предположил он.

– Верно, – мрачно подтвердил его выводы Доминик.

– Тогда два вопроса: чего ты хочешь конкретно от меня и что случилось на Гефесте, если тебе и твоим подельщикам удалось воспользоваться компьютерным центром в личных целях?

Фрост усмехнулся:

– Отвечаю по порядку, Раули, раз уж ты оказался таким понятливым. Я хочу, чтобы ты убрал Грина. У меня на шее взрывной ошейник, электронный ключ от которого у полковника. Он сидит в своем кабинете и пробудет там еще, как минимум, часа два, – все эти отчеты по секретным каналам Интерстар отнимают у него каждый день уйму времени. Он сейчас торчит в сети, и не говори мне, что ты не можешь устранить его…

Раули жестом оборвал Фроста, не то соглашаясь, не то требуя ответа на второй вопрос.

– Что случилось на Гефесте?

Доминик пренебрежительно махнул рукой:

– Там внизу, под руинами города, заметили каких-то людей. Космическая пехота в полном составе пошла на зачистку.

– Зачистку или разведку? – этот вопрос сорвался с губ Раули сам собой, потому что в голове мгновенно мелькнуло воспоминание о Дане. – Они решили убить этих людей или оказать им помощь?

– А какой вариант больше устраивает тебя, Раули? – с подозрением спросил Фрост. – Мне лично – плевать, но спускались они в полной боевой, как положено. Не знаю, насколько засекречена эта возня с твоим духом, – может, по завершении операции Грин прикажет перебить не только людей, но и всех крыс в округе вкупе с нами, разумеется. Мне важен первый вопрос, или, клянусь дьяволами Элио, я просто размозжу тебе башку, а потом рискну выломать дверь в кабинет полковника!..

Крис давно не испытывал такого дикого, необузданного напора, идущего со стороны эмоций.

Он поднял обе руки в успокаивающем жесте.

– Остынь, Фрост. Перестань психовать. Я понимаю, если Грин сейчас застукает тебя там, на Гефесте, в нейросенсорном контакте с моим *Логром*,

твоя башка слетит с плеч, так что давай убирайся назад, в мир живых.

– Я не услышал – да или нет? Ты сделаешь это?

Раули на секунду задумался.

– Да. Я выполню твой заказ.

Лицо Фроста исказила откровенная гримаса торжества.

Он все-таки сломал этого легендарного Скарма. Что ж, пусть только сдохнет Грин и спадет ошейник, окольцовывающий горло, а там…

Он знал, как распорядиться полученной свободой.

Те, кто почил в *Логрисе*, действительно не представляли реальной угрозы для мира живых, а вот живые…

Доминик позволил себе на несколько секунд окунуться в сладкий мир грез… в которых перед ним распахивалась целая Вселенная, где существуют миллионы виртуальных миров, и Фрост был уверен, что хозяева большинства из них имеют гораздо более богатое воображение, чем этот Раули. Он будет ломать эти миры один за другим, а потом пускать в освободившиеся фантомные пространства настоящих, *живых* людей, сдирая за такие экскурсии миллионные суммы через фирмы-однодневки. Готовый бизнес. Быстрый, беспроигрышный. Фросту не нужно было гадать, сколько найдется желающих покопаться в чужих мозгах, побродить по мысленным лабиринтам почивших, отыграться наконец на душе безвременно ушедшего, но «горячо» любимого родственника… Способов заработать была уйма – перед воображением Фроста вращался калейдоскоп перспектив, но в начале всех начал стояла проблема данной минуты, а именно: устранение Грина. Фрост соображал быстро и лихорадочно. Перепрограммировать взвод боевых андроидов, оставшихся охранять периметр зданий, – не проблема, это его «коллеги» сделают быстро, навалившись на задачку все впятером, а потом механические бойцы встретят возвращающихся с задания компехов и покрошат их в капусту…

У него будут корабль, маленькая армия и огромная Вселенная *Логриса*…

Все это выразилось в устах Фроста одним коротким восхищенным ругательством и фразой, адресованной Раули:

– Мы уходим. Дверь кабинета полковника Грина должна открыться. За ней я хочу видеть мертвое тело. Мне без разницы, как ты это сделаешь, – я знаю, что был прецедент виртуального убийства, которое скорее всего – дело твоих рук… но, если этого не произойдет, я вернусь сюда, и тогда ты сдохнешь по-настоящему. Насовсем, Раули, ты понял?

Ответом ему послужил легкий кивок головы.

– Мне нужно время на подготовку.

– Сколько?
– Часа два, не меньше.
– Это много.
– Это минимум. Иначе я ничем не смогу помочь тебе, Фрост.

На некоторое время наступила напряженная тишина, потом Доминик сделал над собой усилие и кивнул:

– Ладно… Будь по-твоему. Я жду два часа, а потом либо получаю мертвого Грина, магнитный ключ от ошейника и свободу, либо возвращаюсь за твоей душой, Раули.

Глава 7

Колония Гефеста.
«Нижний город»…

Среди руин мелькнула и исчезла человеческая фигура.

Трое солдат в полной боевой экипировке с дыхательными масками, скрывающими нижнюю часть лица, притаились за выветренным огрызком кирпичной стены, провожая молчаливыми, внимательными взглядами мелькнувший между заброшенными зданиями силуэт.

Старший группы сделал жест: вперед, за ней! Трое его подчиненных короткими перебежками пересекли захламленное обломками ущелье улицы.

Столетов огляделся.

Справа от него высился обшарпанный фасад двухэтажного универсального магазина. Витрины смотрели на него иззубренными глазницами выбитых проемов, за которыми гнездилась сумеречная пустота. В заброшенном поселении было трудно найти хоть что-то, кроме голых, осыпающихся стен, – об этом позаботились те немногие, кому удалось выжить в нечеловеческих условиях Гефеста.

Атмосфера планеты, непригодная для дыхания, год за годом все глубже вторгалась в окольцованную горами котловину. Процесс диффузии начался без малого полвека назад, как только перестал действовать незримый силовой колпак, изначально обеспечивавший микроклимат колонии.

Как удалось выжить тем несчастным, которых заметили меж разрушенных зданий охраняющие периметр возвышенности дройды, для Столетова оказалось полнейшей загадкой. Когда он готовил группу к спуску вниз, уже начало вечереть, и он, присмотревшись, заметил несколько блуждающих в развалинах призрачных огней. Почему их не было видно раньше, капитан не знал, но Денис поймал себя на том, что думает о людях со снимков скорее как о призраках, нежели как о живых существах из плоти и крови.

Тонкая прослойка кислородосодержащей среды, которая покрывала дно котловины, уже давно не годилась для дыхания. Двадцать процентов кислорода в присутствии ядовитых примесей от постоянно дымящих вулканов Гефеста еще допускали жизнь некоторых растений и простейших

микроскопических форм жизни, но только не людей. Капитан лично убедился в этом на примере животных, которых выносили в клетках за пределы территории базы. Крысы дохли, не прожив и часа, а, как известно, эти неистребимые спутники человеческих поселений зачастую оставались последними обитателями погибших колоний…

* * *

…Фигура, за которой наблюдал и капитан Столетов и его бойцы, принадлежала Дане.

Только она регулярно поднималась на поверхность городских руин. Остальные немногочисленные обитатели Гефеста сегодняшнего либо вовсе не покидали подземных коммуникаций, либо поднимались наверх от случая к случаю, при крайней необходимости.

После нескольких дней, проведенных в комплексе офисных зданий, Дана все еще не могла прийти в себя от массы новых обрушившихся на нее впечатлений.

Мир вдруг раздвинулся до непонятных, необозримых рамок, но она-то оставалась прежней и теперь, вкусив новых знаний и впечатлений, ощущала себя песчинкой, никому не нужным, насмерть перепуганным звереныщем, случайно шагнувшим за рамки дозволенного… Именно из-за страха, непонимания и ощущения собственной ничтожности, она, вторично попав в радикально видоизменившуюся Вселенную Раули, где под чужими небесами грохотали разрывы и носились невиданные, издающие оглушительный рев механические чудовища, а цветущая степь превратилась в липкую, перепаханную воронками грязь, попросту не выдержала, инстинктивно подалась назад, выпутывая разум из цепких тенет чуждой реальности.

Как ни крути, эти визиты ничего не дали ей, кроме страха, преследующего по пятам ее душу.

Он был так силен, что девушка, едва придя в себя после грохочущего ада неизвестной ей планеты, где гибла – или мужала? – душа Кристофера Раули, тут же начала спуск вниз, чтобы оказаться как можно дальше от этих огней, что так манили ее, дразня надеждой… Но на поверку оказалось, что в зданиях, расположенных на вершине плоскогорья, обитал не бог и не доброе существо, временно позабывшее о своих подопечных…

Она не знала, *кем* назвать встретившуюся ей душу Кристофера Раули. Одно Дана поняла наверняка – он никак не подходит под образ

выдуманного ею бога…

Только спустившись вниз и оказавшись среди руин, она почувствовала облегчение. Вот где был ее дом, здесь все казалось привычным и понятным, каждый предмет или явление занимали свое место и были предсказуемы…

…Прошла неделя или две после памятных событий, и Дана окончательно успокоилась, пришла в себя.

Вроде бы жизнь вернулась в привычное ей русло, но почему, успокоившись, она все чаще начинала задумываться о Кристофере?

Бродя меж руин города, укладываясь спать или просыпаясь, она ловила себя на том, что ее тянет назад, в эту странную комнату с огромным окном… Ей хотелось снова увидеть Криса, поговорить с ним, узнать, что на самом деле приключилось с его миром, куда подевалась цветущая степь и не нужна ли ему помощь?

Однако, когда подсознательно она уже была готова совершить новое восхождение на вершину горного плато, в их мир внезапно вторглась иная сила. Дана своими глазами видела, как на плоскогорье опять опустился огромный корабль, в зданиях, которые сияли по ночам россыпями огней, вновь появились люди, а по краю каменистого плато сутки напролет бродили фигуры человекоподобных машин.

Все это, естественно, испугало и насторожило девушку. Несколько дней она издали наблюдала за возродившейся жизнью комплекса зданий, теряясь в догадках, а затем в ее жизнь внезапно вторглись иные заботы – более конкретные и страшные, чем возродившаяся на недосягаемых высотах жизнь.

Первым заболел Питер. Дана как раз спускалась из «верхнего города» в глубину подземелий, когда увидела его. Питер сидел у входа в один из подземных залов, привалившись спиной к стене. В сумраке его лицо казалось коричневым, но на самом деле его усеяли пунцовые пятна, лоб был покрыт испариной, парня трясло, его губы потрескались от жара, и он едва ли осознавал действительность.

На следующий день заболели сразу несколько человек, а еще через сутки среди обитателей подземных коммуникаций началась повальная эпидемия. Людей валила лихорадка, у всех без исключения вдруг поднималась высокая температура, начинало ломать суставы, и все это обрушилось на них внезапно, непредсказуемо, словно стихийное бедствие…

Дана буквально сбивалась с ног, пытаясь хоть как-то помочь несчастным, но что она могла сделать, не имея ни лекарств, ни

элементарных знаний в области медицины? На третий день умерли двое стариков, а она отчаянно металась между больными, меняя прохладные повязки на пылающих от внутреннего жара лбах, не имея ни малейшего понятия о том, что причиной обрушившейся на подземных жителей эпидемии был маленький ручеек нечистот, который по старым канализационным трубам стекал с высоты горного плато.

Люди, появившиеся в комплексе офисных зданий, без всякой задней мысли пользовались старыми коммуникациями, но тут, внизу, все системы очистки и дезинфекции давно не работали, и никому из обитателей подземелья никогда не делалось иммунных прививок против болезней, считавшихся вполне заурядными на цивилизованных мирах. То, что для космических пехотинцев являлось всего лишь легкой формой простудного заболевания, для обитателей Гефеста превратилось во внезапную, повальную эпидемию экзовируса…

…К концу второй недели после первого случая заболевания подземные коммуникации города превратились в сумеречный ад. Десятки людей, сбившись плотными группами в залах давно пересохших отстойников, умирали, попросту сгорая от высокой температуры. Те, кто еще оставался на ногах, пытались помочь несчастным, хоть как-то облегчить их страдания, но все было тщетно… и только Дана не чувствовала никаких признаков болезни.

Откуда ей было знать, что, пролежав двое суток под опекой комплексного аппарата жизнеобеспечения в спальне Вениамина Раули, она автоматически получила все необходимые прививки и теперь в принципе не должна была заболеть…

Пытаясь помочь больным, она день за днем поднималась к городским руинам, отыскивая среди полуразрушенных домов немногие известные ей медикаменты, но чаще всего она, совершенно обессиленная, возвращалась с пустыми руками и валилась спать рядом с больными, чтобы, очнувшись от тяжелого полузабытья, вновь идти наверх в город…

…На этот раз вслед за девушкой, возвращавшейся в систему подземных коммуникаций, следовали фигуры солдат в фототропной броне.

Они прекрасно видели в темноте, но Дана, не обладавшая такой способностью, не заметила их. Войдя в зал, она остановилась, давая глазам свыкнуться с сумраком огромного помещения, как вдруг…

Яркий свет нескольких включившихся разом плечевых фонарей залил огромное помещение бывшего отстойника канализационных вод, на высохшем полу которого лежали люди. Десятки людей, живые и мертвые, способные как-то отреагировать на свет или уже безучастные ко всему…

Для капитана Столетова и его бойцов эта картина явилась полной неожиданностью.

– Группа «Альфа», вызываю полковника Грина, – произнес побелевшими губами Столетов, взгляд которого примерз к открывшимся в свете фонарей жутким картинам человеческих страданий. – Командир, у нас проблемы, – машинально произнес он, в то время как глаза капитана продолжали скользить по десяткам лежащих вповалку человеческих тел. – Мы нашли поселение под городом но, похоже, эти люди больны. Нет… Не знаю чем, но им требуется срочная помощь, это могу сказать наверняка. Подождите, полковник. – Он оглянулся, отыскав глазами неподвижно застывшую, зажмурившуюся от внезапно вспыхнувшего яркого света Дану. – Тут рядом девушка, за которой мы следили, она, по-моему, единственная, кто еще стоит на ногах, попробую переговорить с ней…

Дана, о которой шла речь, ослепленная внезапным появлением десятков ярких столбов света, застыла, вытянув вперед руки, и не видела вокруг себя ничего, кроме ослепительных, радужных кругов.

Чья-то рука коснулась ее плеча, и голос, идущий из этой радужной черноты спросил:

– Вы понимаете интеранглийский, мисс? Можете поговорить с нами? Мы пришли, чтобы помочь вашим людям.

* * *

Поднявшаяся наверху суматоха, с одной стороны, сыграла на руку Фросту и его компаньонам, а с другой – непонятное оживление встревожило и напугало их.

Дверь кабинета полковника Грина пока что не отворялась, но пятеро заключенных без помех покинули компьютерный центр и теперь наблюдали за тем, как десяток боевых дройдов вторично, уже более основательно, расчищают от обломков наклонный тоннель, ведущий от руин города к расположенным на плоскогорье зданиям.

Внизу явно что-то произошло, роботы расчищали тоннель, чтобы по нему беспрепятственно могла пройти тяжелая техника… И действительно, спустя пару минут откинулась рампа космического корабля, и по ней съехала на дорогу боевая машина, которая тут же направилась к тоннелю, а затем вниз, к руинам городских кварталов.

Фрост посмотрел на часы.

Истекло уже сорок минут из отпущенных Раули двух часов. Затеянная

игра все меньше и меньше нравилась самому Доминику, слишком много непредсказуемых факторов было вовлечено в его спонтанный план, но теперь отступать было поздно, оставалось ждать – выполнит ли фантом Кристофера Раули свою работу?

Изнывая от неопределенности, Фрост следил за тем, как планетарная машина скрылась в расчищенном тоннеле, потом появилась внизу и поползла по старой растрескавшейся дороге к руинам города.

Дройды, закончив расчистку тоннеля, вернулись наверх.

Глядя на человекоподобные машины, занимающие свои места на периметре возвышенности, Фрост вновь с досадой и нетерпением подумал о том, что перепрограммировать этих железных истуканов не составит труда для пятерых человек, всю жизнь промышлявших в электронных сетях, но для этого они должны, как минимум, взломать и полностью подчинить себе центральную систему офисных зданий.

Это в первые секунды вызовет всеобщую тревогу, а Доминик не хотел рисковать. Пока жив Грин, существовала огромная опасность, что он просто взорвет их ошейники.

«Что же он тянет, этот сволочной призрак?!»

– Саймон, а что за смерч болтался там, рядом с домом? – чтобы хоть как-то отвлечься от тревожных мыслей, спросил Фрост, обращаясь к Генриху.

– Мне почем знать? – обернувшись, ответил Саймон. – Я держал дверь и окно…

– Я знаю, – внезапно произнес Клаус, который непосредственно не входил в реальность Раули в виде фантома. – Пока вы толковали со Скармом, я заглянул за эти черные пеленки.

– И что там?

– Его воспоминания. Трупы, которые, наверное, преследовали Криса, пока он не додумался изолировать их.

– А при чем тут черный смерч?

– Это антураж его мысли, – пояснил Клаус. – Особенность *Логра* в том, что его процессор обсчитывает каждую мысль заключенной внутри сущности и реализует ее, видоизменяя обстановку реальности. Но в базах данных лежат только те образы, которые может представить сам Раули. В данном случае он просто подумал о чем-то подобном, и определенные воспоминания были автоматически заблокированы. Для него в наглядном виде это стало черным смерчем, укрывшим нежелательные участки памяти.

– Интересно, почему Грин не акцентировал наше внимание на нем? – произнес Саймон. – Не придал значения? Или…

Его фраза была прервана появлением планетарной машины.

Тяжелому вездеходу потребовалось десять минут, чтобы преодолеть участок старой дороги и вскарабкаться вверх по наклонному тоннелю.

Остановившись подле офисных зданий, машина открыла задние десантные люки, и оттуда выскочили двое компехов. Подоспевшие бытовые дройды, которых в резиденции господ Раули насчитывалось несколько десятков, тут же выстроились в длинную очередь.

– Что они там приволокли, мать твою?! – неприязненно воззрился Фрост на прибывшую машину.

Первый из человекоподобных механизмов протянул руки, принимая что-то из глубин десантного отсека.

Фрост присмотрелся, вытянув шею и неприязненно ощутив давление взрывного ошейника в районе кадыка.

На руках дройда оказался человек. Доминик различил безвольно болтающиеся ноги, опущенную руку со сжатыми в кулак пальцами… Да, это был человек, худой, изможденный, явно пораженный какой-то болезнью, одетый в рваные лохмотья…

– О черт… – простонал за спиной Фроста Саймон. – Еще местных доходяг нам не хватало для полного счастья…

* * *

Планетарная машина разгрузилась и ушла вниз.

Прошло уже полтора часа. Фрост не находил себе места, как вдруг…

Дверь, ведущая в кабинет полковника Грина, за которой сквозь прозрачный пластик окна наблюдал Саймон, беззвучно отворилась, скользнув вбок.

Прошла минута, другая, а изнутри помещения никто не появлялся.

– Есть!.. – выдохнул Фрост, срываясь с места. Четверо заключенных бегом кинулись за ним.

* * *

По иронии судьбы полковник Грин оборудовал свой кабинет в бывшей спальне Вениамина Раули. На то было несколько объективных причин: во-первых, тут располагался мощный компьютерный комплекс с выходом на станцию Гиперсферной Частоты, во-вторых, с терминалов этой комнаты,

которая раньше совмещала в себе функции больничной палаты, рабочего кабинета и спального помещения, можно было следить за всем происходящим как внутри зданий офиса, так и вне их.

Гипотетический дух Вениамина Раули нисколько не пугал Грина – полковник не страдал предрассудками подобного толка, а огромное электронное окно, за которым простиралась бескрайняя кьюиганская степь, создавало иллюзорное ощущение простора.

Короче, Грину вполне нравилось это помещение.

Сейчас он сидел, уронив руки и голову на плоскость рабочего стола. Из разъема его височного импланта глянцевитой змеей выползал оптико-волоконный кабель нейросенсорного шунта.

Фрост, первым ворвавшийся в помещение, схватил руку полковника. Та была еще теплой, но пульс на запястье едва прощупывался, и стоило отпустить ее, как рука Грина безвольно и мягко стукнула об стол.

– Проклятый ублюдок… – Фрост грубо вырвал из височного импланта полковника шунт нейросенсорного контакта, пнув от избытка чувств безвольное тело, которое от удара едва не съехало со стула. – Саймон, возьми медицинский сканер, посмотри, что с ним! – распорядился Доминик, лихорадочно обыскивая карманы полковничьей формы, потом, не обнаружив искомого, обвел взглядом помещение, обратив внимание на недавно установленный сейф, толстая дверь которого была чуть приоткрыта, и с радостным рыком кинулся к нему.

Есть!..

Пять магнитных ключей от взрывных ошейников лежали аккуратной стопкой.

Свобода… Наконец-то они свободны!

* * *

– Ну, что там с ним? – Фрост уже снял свой ошейник и отшвырнул его в сторону. Взяв другой магнитный ключ, он склонился к Саймону, который водил раструбом объемного медицинского сканера вдоль черепной коробки полковника Грина.

– Кровоизлияние в мозг. Смотри-ка. – Он повернул сканер окошком мини-дисплея к Фросту.

Да, на показания прибора стоило посмотреть.

Два очага кровоизлияния располагались в диаметрально противоположных точках: один во лбу, другой – в затылочной области.

– Думаю, медицина с таким еще не сталкивалась, – злобно улыбнулся Саймон, ощущая, как его ошейник распался на две половины. – Нет, Фрост, ты понял? Это же пуля в лоб и контрольный выстрел в затылок!.. – Саймон отложил сканер и потянулся к глянцевитой змее нейросенсорного шунта. – Клянусь, наш дружок сделал выстрел через сеть. – Саймон указал на бескрайнюю кьюиганскую степь, простиравшуюся за электронным окном. – Помнишь рекламу таких окон, Доминик? *Главное, что через наше электронное окно вас никогда не достанет недруг…* – прогнусил он голосом рекламного агента. – Я хочу взглянуть на это!

– Саймон, брось! У нас куча дел! Лучше скажи, он сдох?

– Еще пару минут протянет… Тело уже парализовано. Нет, Фрост, я хочу убедиться, что это сработал Скарм! Всего полминуты… – Он раздвинул пальцами кожу на своем виске и вставил конец шунта в обнажившееся гнездо импланта.

Бескрайняя степь планеты Кьюиг рванулась навстречу, и вот он уже стоит по ту сторону электронного окна по колено в траве…

Оглянувшись, Саймон увидел кабинет и себя, застывшего подле окна.

Ну, конечно. Отсюда можно было увидеть только того, кто подключен в данный момент к компьютерной системе зданий!

Ну-ка, посмотрим… Он оглянулся, оценивая, где расположена наиболее удобная точка для стрельбы, сделал пару шагов в сторону, раздвинул траву и…

Вот она, «ИМ-12» с компьютерным прицелом. Брошена в траву там, откуда произведены два безжалостных выстрела, в лоб и в затылок… Надо же… Кровоизлияние в мозг, кому сказать… выстрел через электронное окно!..

Он усилием воли вернул себя назад в реальность переоборудованной спальни Вениамина Раули и возбужденно произнес, обращаясь к Фросту и застывшим за его спиной подельникам:

– Это он, точно! – Саймон был восхищен и не мог скрыть этого. – Оружие брошено, как обычно, два выстрела, и все… – Он посмотрел на Грина, у которого из уголка рта стекала тонкая струйка слюны… – Каюк тебе, парень…

– Ну, хватит. – Фрост решительного развернулся. – Бегом в компьютерный центр, мы должны успеть взломать систему до возвращения компехов!

* * *

Фрост не преувеличивал, когда говорил, что им впятером потребуется немного времени на овладение электронной системой офисных зданий, с которой были связаны два десятка боевых андроидов, охранявших периметр комплекса.

Заключенные, отобранные Беловым для проведения эксперимента, отличались несомненным талантом в области прикладного программирования, они были из числа тех людей, кто в электронных сетях чувствует себя много увереннее и комфортнее, чем, скажем, на природе, в лесу.

Каждый из них получил пожизненный срок за особо тяжкие преступления, связанные со взломом компьютерных сетей. Жесткость наказания во всех пяти случаях определялась не ущербом, нанесенным банковским счетам или военным компьютерам, а тем, что в условиях глобальной компьютеризации подобные электронные «кражи со взломом» приводили не только к финансовым потерям, но зачастую и к человеческим жертвам. В случае с Саймоном, например, пострадали люди, находившиеся в подземном хранилище, которое обесточилось в результате взлома банковской сети. Фрост был напрямую ответствен за гибель двух десятков членов экипажа боевого крейсера Конфедерации Солнц, когда он, взламывая систему бортового кибермозга, случайно разгерметизировал несколько отсеков.

Никто из пятерки заключенных не признал своей вины, по крайней мере официально.

Попав на Гефест и оказавшись в условиях относительной свободы, они каждый по-своему мечтали реализовать подвернувшийся шанс, но не для того, чтобы заслужить одобрение Грина своей работой и получить обещанное право: прожить остаток дней на каком-либо из слаборазвитых миров, отнюдь, – им такая свобода казалась равносильной смерти. Они мечтали о другой свободе, и сейчас как никогда были близки к ней… вот только теперь жертвы, которые неизбежно появятся в результате их действий, никак нельзя будет назвать случайными или побочными.

Лучше всех это понимали Саймон и Фрост.

– Ну что, парни? – Доминик крутанулся вместе с креслом, развернувшись так, чтобы видеть четыре терминала сквозь прозрачные перегородки компьютерного центра. – Теперь все будет по-настоящему, система наша, андроиды ждут приказов, и я собираюсь отдать им первое распоряжение.

– Какое? – спросил Клаус.

– К нам движется боевая машина с компехами, – вступил в разговор Саймон. – Если мы не хотим снова загреметь в криогенные камеры, то, думаю, пора действовать. – Он выразительно постучал по поверхности тактического монитора, связанного с подсистемой установленных на возвышенности автоматических орудий.

– Да, компехов нужно ликвидировать как можно скорее, – неожиданно поддержал его Загер – самый тихий и неприметный из группы. – Думаю, что Грин был божьим одуванчиком по сравнению с этим капитаном, что командует ими.

– А местные? Эти больные, их в лазарете уже человек тридцать! – резонно напомнил Донован.

– С ними разберемся позже, – отмахнулся Саймон. – Нам сейчас главное удержать возвышенность, чтобы компехи не прорвались сюда и не подали сигнал через станцию ГЧ.

– Все согласны? – подытожил короткий обмен мнениями Фрост.

Не дождавшись ответа, он вновь развернул свое кресло к пультам.

– Тогда за работу. Сначала разберемся с космической пехотой, а потом нужно будет навестить Раули, чтобы поставить еще одну жирную точку в вопросе, кто здесь теперь главный…

Палец Доминика потянулся к сенсорам тактического пульта управления огнем.

В эти кульминационные секунды он внезапно ощутил, как мощный выброс адреналина захлестывает его разум, – кровь несла по венам пьянящее непередаваемое ощущение *власти*, обладания чужими жизнями, когда одно касание пальца и…

– Дьявол!.. – вырвалось из горла Фроста хриплое ругательство.

На тактическом мониторе, вместо подтверждения приказа и отчета о его исполнении, вспыхнула иная лаконичная надпись:

«Автоматический огонь невозможен. Обозначенная цель маркирована сигналом „свой“».

Глаза Фроста впились в экран, пальцы медленно сжимались в кулаки, белея от напряжения, но рука Саймона, которая легла на его плечо, не дала пострадать безвинной приборной панели.

– Спокойно, Доминик. Мы не сняли блокировку кода «свой-чужой». Периметр не будет вести автоматический огонь по машинам, излучающим условный сигнал.

* * *

Первая БПМ показалась из-за руин зданий, медленно выползая на прямой отрезок дороги, ведущий к тоннелю.

* * *

– Клаус, Загер, Донован, займитесь снятием кода опознавания! – Фрост уже пришел в себя… звон в ушах отступил, но глаза по-прежнему блестели, словно у бешеной собаки. – Где здесь пульт ручного управления?! – неизвестно к кому обращаясь, рявкнул он, оглядываясь по сторонам.

– Тут, – не оборачиваясь, ответил ему Саймон, который уже занял кресло за соответствующим терминалом. Руки Генриха спокойно и цепко охватили два джойстика ручной наводки орудийного комплекса периметра, а контрольный монитор перед ним сиял зеленоватой мутью, располосованной тончайшими ярко-красными нитями компьютерного прицела, в узлах пересечения которых бежали быстро меняющиеся цифры.

Фрост, не находя себе места, кинулся было ко второму подобному терминалу, но, взглянув на экран, понял, что линию огня второго, расположенного по эту сторону возвышенности орудийного комплекса в нужном направлении, блокирует бетонный выступ, идущий поверху пробитого в скалах наклонного тоннеля.

Это орудие в данном случае оказалось вне игры, и Фросту оставалось только встать за спиной Саймона и наблюдать, как тот совмещает линии электронного прицела с тупым бронированным носом выползающей из-за поворота дороги бронемашины.

– Огонь… – прохрипел он, когда линии совместились. – Огонь!

Саймон сжал сенсоры двух гашеток, бугорками выступающие под подушечками больших пальцев обеих рук, и горную возвышенность огласил гулкий, ритмичный рокот, а внизу, на самом краю руин, где дорога делала крутой поворот, сгустившиеся сумерки разорвались ослепительными сполохами.

* * *

Головной машиной управлял сержант Динк, рядом с ним, в кресле, предназначенном для командира, дремал напарник, рядовой Соломатов.

Впрочем, условности деления на воинские звания были давно и безнадежно стерты. В группах специального назначения служили люди, прошедшие не только специальную подготовку, – за их плечами лежали десятки боевых операций, и в обычной космической пехоте они давно уже носили бы знаки различия капитанов, майоров, а то и полковников…

Здесь же они оставались сержантами и рядовыми. Действительные воинские звания лежали где-то в штабах, упрятанные в файлах с паролями и грифами «секретно». Каждый из бойцов спецподразделений знал о них, но справедливо не афишировал, понимая, что в лучшем случае они пригодятся при уходе на пенсию, не раньше…

Эта спецоперация казалась намного проще иных, гораздо более рискованных заданий.

Если бы не внезапное обнаружение остаточной колонии, все члены которой оказались повально заражены обычным штаммом простудного вируса, против которого в их организмах не было выработано иммунитета, то данное задание вполне соответствовало бы маскировке, которую применило начальство для их отзыва на Гефест…

«Да, чистой воды отпуск… – подумал Динк, заставляя старую примитивную машину медленно вползать в поворот. – Никаких тебе террористов и прочей дряни, рули потихоньку, помогай людям, одно удовольствие…»

Соломатов, дремавший в кресле, смешно зачмокал губами во сне…

Нос двенадцатиметровой машины уже показался из-за руин, двигатели выли на пониженных оборотах, огромные литые колеса медленно поворачивались, вписывая многотонную бронированную махину в крутой поворот, когда Динк боковым зрением и заметил сквозь лобовое бронестекло, как в сумерках на краю возвышенности часто заморгал ослепительный, режущий глаз огонь.

Он не успел ни испугаться, ни осознать, что это за проблеск, как шквал снарядов ударил по руинам, правее БПМ, мгновенно осенив все вокруг адским грохотом разрывов, ослепительными всплесками огня и ноющим свистом осколков.

Тридцатитонную машину тряхнуло так, что заглох, захлебнувшись, спрятанный глубоко под броней двигатель, с противным визгом автоматически опустились бронежалюзи, БПМ вздрогнула, как живая, вбирая множественный удар взрывных волн, и тут же на пульте управления начали один за другим вспыхивать датчики отслеженных компьютером повреждений.

Вскрикнул ударившийся головой о потолок Соломатов, а Динк,

оглушенный внезапным, но неточным залпом, уже пришел в себя и пытался завести двигатель, несмотря на сигнал, оповещающий о повреждении магистрального энерговода.

Все произошло в считанные секунды с той внезапностью, которая не дает времени на осмысление ситуации.

«Атакованы… Кем?.. Почему?.. Откуда?..»

Динк тряхнул головой. Ответ на последний вопрос он вроде бы знал.

«Не паникуй… Только не паникуй… Это сбой компьютерной системы, будь она неладна!..» – пальцы сержанта сновали по сенсорам переключателей, но все усилия оказались тщетны, – машина была старой, давно списанной, и половина боевых систем попросту не функционировала.

* * *

Сбрендившее наверху орудие еще меняло боекомплект, а в кабине БПМ, освещенной тусклым мерцанием приборных панелей, уже шел простой, ненормативный, но зато доходчивый диалог между двумя людьми и кибернетической системой.

– Что… мать твою… – Рядовой ухватился за ушибленный затылок, выпучив глаза на Динка. – Дрова везешь?!

– Заткнись! – лаконично посоветовал сержант, и Соломатов, окончательно придя в себя, вдруг заметил и опустившиеся бронежалюзи, и множественные красные сигналы повреждений, буквально усыпавшие пульт управления старой машины.

Сбоку, там, где курились кисловатым дымком воронки, в наступившей гробовой тишине вдруг с грохотом обрушился участок стены…

Схватив коммуникатор, Соломатов взглянул сквозь узкие триплексы опустившейся на лобовое стекло брони и взволнованно произнес:

– Второй, ответь первому.

– На приеме, – тут же отозвался коммуникатор.

– Нас обстреляли. Судя по вспышкам – орудие периметра базы!..

– Я видел. – Это был голос сержанта Семенова со второй планетарной машины, которая ползла следом, соблюдая дистанцию в пятьдесят метров, и сейчас была скрыта городскими руинами. – Работал правый орудийный комплекс, вы в секторе его обстрела. Связи с капитаном и полковником нет, я уже проверил. Какие соображения?

– Мы заглохли, – включил свой коммуникатор Динк. – Что с орудием

– не знаю, – зло прокомментировал он, – но сигнал мы генерируем по-прежнему… Я вообще ни хрена…

Залп перезарядившегося орудийного комплекса заглушил конец его фразы, на этот раз хлестнув снарядами по изгибу дороги и противоположному участку руин.

Осколки замолотили по броне машины, со звонким грохотом норовя пробить себе дорогу внутрь, но от такого неточного огня лишь глох экипаж да появлялись глубокие выщербины на бронепластинах.

– Динк, ты можешь сдать назад? – прорвался сквозь грохот голос Семенова.

– Не работает двигатель, магистраль энергопитания перебило!

– Только не суетись! Броня выдержит…

Осколки отсвистели, и вновь наступила глухая тишина.

– Я не знаю, кто там жмет на гашетку, но сейчас эта сука пристреляется и… – Динк в сердцах треснул кулаком по приборной панели.

– Не психуй… – Голос Семенова теперь рвало участившееся дыхание. – Я уже ползу к вам с тросом. При следующем залпе имитируй попадание, понял?!

– Понял, – ответил Соломатов, расстегивая подсумок боевой экипировки. В такие секунды главное было не растеряться, не совершить глупых, необдуманных действий. Кто их атакует, можно выяснить позже, а сейчас забота была одна – выжить самим и выдернуть из сектора обстрела взбесившегося орудия три десятка бессознательных больных, которые вповалку лежали в десантном отсеке БПМ.

– Динк, приготовься, я приоткрою люк. – С этими словами Соломатов отдал сержанту две гранаты и дымовую шашку, а сам потянулся руками к потолку кабины.

Третий залп орудийного комплекса не заставил себя ждать и, как предсказывал Динк, оказался наиболее точным: десять снарядов – по пять из каждого ствола спаренной установки – легли ярко-оранжевыми разрывами, попав почти в яблочко… недолет составлял какие-то пять-десять метров, и машину опять ощутимо подбросило взрывной волной, но Соломатов, не обращая внимания на свистопляску осколков, чуть приподнял бронированный люк и выкинул на лобовой скат брони две гранаты с дымовым пакетом в придачу.

За опадающими султанами разрывов сверкнули еще две вспышки, и от носовой части машины повалил густой жирный дым.

* * *

– Попал!.. – Саймон отпустил джойстики наводки и вытер вспотевшие ладони.

Фрост угрюмо посмотрел на экран целевого монитора. Он видел по вспышкам, как два снаряда угодили в лобовой скат бронемашины, и теперь оттуда валил густой черный дым. Два прожектора, направленные на изгиб дороги, освещали курящиеся воронки и обломки зданий.

– Хреново ты стреляешь, Саймон… – наконец произнес он, оценив картину разрушений.

– Сам бы попробовал… – огрызнулся Генрих и тут же добавил с не меньшей досадой в голосе: – Ты прав, надо было чуть подождать, пока появится вторая бронемашина…

* * *

Семенов подполз к корме подбитой БПМ, одной рукой волоча за собой конец тяжелого металлического троса.

– Живы? – тихо спросил он в коммуникатор.

– Живы, – раздался в ответ голос Динка. – Орудием управлял человек, слышишь, Серега? Компьютер бы не купился на две гранаты и дымовую шашку.

– Ясное дело… – прохрипел сержант, накидывая металлическую петлю на буксировочный крюк. – Приготовьтесь, через пару минут начнем вас выдергивать из сектора обстрела. – Он закончил работу и ужом пополз назад в темноту. – Кстати, как насчет того, чтобы погасить это орудие?

– Ничего не выйдет, – ответил ему Динк. – У нас же старая модель БПМ, забыл? Питание сдохло, сервоприводы орудий обесточились.

– А аккумуляторы?

– Уже проверил. Может, попробуешь угадать, в каком году эта куча металлолома проходила последнее техобслуживание?.. – В коммуникаторе было слышно, как Динк тщетно щелкает переключателями аварийного питания. – Сажают ради своей секретности на всякий хлам, потом молись богу, чтобы остаться живым…

– Заткнись, не каркай, – посоветовал ему Соломатов, пытаясь разглядеть сквозь дымовую завесу, что творится на краю горного плато.

– Все, приготовьтесь, дергаю, – спустя некоторое время раздался по

связи голос Семенова.

Тишину, укутавшую городские руины, внезапно нарушил сухой треск очередей из импульсного оружия, и две грозди прожекторов, которые освещали с вершины горного плато подбитую и дымящуюся на городской окраине бронемашину, с оглушительным грохотом рухнули вниз, рассыпая водопады искр от перерубленных кабелей питания.

Окрестности тут же погрузились во мрак.

Спустя секунду среди руин раздался надсадный рев двигателя, и истекающая жирным дымом подбитая БПМ медленно поползла назад, царапая потрескавшийся от времени асфальт старой дороги вывороченными деталями поврежденной передней подвески…

…Когда на краю горного плато вспыхнули резервные прожектора, у окраины руин остались лишь воронки да безобразный глубокий шрам в уцелевшем после обстрела асфальтовом покрытии.

Планетарная машина уже исчезла среди иззубренных стен разрушенного квартала, и только жирный дым от сброшенной с брони дымовой шашки все еще тянулся рваным шлейфом, указывая ее недавнее местонахождение…

* * *

– Куда она подевалась?!

Фрост стоял подле экрана и смотрел на пустое, изрытое воронками место, где несколько минут назад стояла подбитая бронемашина.

– Наверное, сумели завести двигатель и сдать назад, – мрачно пояснил ему Саймон, которому уже становилось не по себе от развития событий.

Неизвестно, чем окончился бы диалог двух негласных лидеров группы, если бы всеобщее внимание не отвлек Клаус.

– Все… Я ее взломал… – с облегчением произнес он, откидываясь на спинку кресла.

Фрост перевел взгляд на тактический монитор и задрал вверх большой палец правой руки.

Индикатор инициализации кода «свой-чужой» наконец погас, теперь любой человек или машина в радиусе огня автоматических орудий и охранявших периметр андроидов будут встречены огнем на поражение.

– Вот и хрен с ней, с этой бронемашиной, – обрадовался Саймон, чувствовавший себя до этого без вины виноватым. Откуда же ему было знать, что у этих компехов железные нервы? Никто даже не попытался

выскочить из обстрелянной бронемашины, сидели до последнего, ждали возможности вырваться… Он обернулся. – Молодец Клаус, теперь пусть воюет компьютер. А мы посмотрим… – Генрих не окончил свою мысль, боковым зрением заметив, что Фрост устраивается в кресле нейросенсорного контакта. – Ты куда намылился, Доминик?

– В гости к Раули, – лаконично ответил тот, подключая нейросенсорные соединения. – Нужно, в конце концов, расставить все точки над «i».

– Хочешь его убрать? – прищурился Саймон.

– Хочу, – откровенно ответил Фрост. – Это будет большая игра, и нам понадобится виртуальный плацдарм. Не думаю, что Раули согласится предоставить нам свою Вселенную добровольно.

Саймон несколько секунд обдумывал услышанное, потом встал и направился к соседнему с Фростом креслу.

– Клаус, подстрахуй нас. – Он уселся рядом с Фростом. – Я пойду с тобой, Доминик. Мало ли что, все-таки это его Вселенная…

– Думаешь, он начнет изображать из себя крутого бога?

– Не знаю, Фрост, но это будет убийством, я правильно понимаю?

– Да.

– А ты когда-нибудь охотился на Скарма?

– Не приходилось, – буркнул Доминик, застегивая последнее соединение нейросенсорного костюма. – Я просто продырявлю ему башку, Генрих, и на этом все кончится.

– Что ж… посмотрим. – Саймон также закончил приготовления и обернулся к Клаусу: – Если что, выдергивай нас оттуда, ладно?

Клаус кивнул.

Загер и Донован не принимали участия в разговоре – все их внимание было поглощено системами контроля, которые отвечали за автоматику периметра. По лицам обоих сложно было оценить их внутреннее состояние. Похоже, они были рады, что удалось избавиться от взрывных ошейников, взломать систему управления, подчинив себе боевой контроль, да и работать с такими людьми, как Саймон и Фрост, в прошлом им и не мечталось, вот только эта планета, с отравленной атмосферой и куцым островком жизни, казалась им сейчас не лучшим местом во Вселенной, тем более что где-то там, внизу, среди мрачных руин, сейчас сосредоточивается в наступившей темноте подразделение космической пехоты. Сложно было представить, что командир компехов, капитан Столетов, оценив ситуацию, вдруг выйдет с поднятыми руками под огонь автоматических пушек.

Чтобы обрести *настоящую* свободу, им предстоит выдержать штурм

офисных зданий – в этом из пятерых бывших заключенных не сомневался никто.

Пока что они находились в относительной безопасности на господствующей возвышенности, под прикрытием автоматического периметра и двух десятков боевых дройдов, но космическую пехоту тоже формировали не из детишек призывного возраста.

Все должны были решить ближайшие несколько часов…

* * *

Фрост в своем интуитивном предвидении ситуации брал в расчет все действующие на крохотном плацдарме силы, за исключением бытовых машин.

Множество человекоподобных роботов старых моделей, тех, что еще не были снабжены пеноплотью, буквально наполняли офисные здания, но их сугубо мирные программы не представляли опасности ни для одной из противоборствующих сторон, и потому на некоторое время эти образчики робототехники оказались предоставлены сами себе.

Все, кроме одного.

Глава 8

Гефест.
Система подземных коммуникаций под городскими руинами.
То же время…

После первого спуска в подземные коммуникации разрушенного города капитан Столетов понял, что больных наберется еще человек шестьдесят или семьдесят, поэтому он затребовал по рации еще одну бронемашину с борта космического корабля.

Фрост пропустил момент, когда вторая БПМ сползла по откинувшемуся пандусу десантного шлюза спускаемого модуля, – он вместе с остальными находился в этот момент в кабинете полковника Грина.

Поручив Семенову и Динку эвакуировать доставленных на поверхность людей, Столетов остался внизу, вместе с Даной и пятью оставшимися в его распоряжении бойцами. Они тщательно осматривали запутанный лабиринт подземных коммуникаций в поисках тех, кто в приступе болезни не добрался до центральных залов или же, наоборот, специально забился в более глубокие ответвления, чтобы оказаться подальше от остальных.

Внезапно навалившихся забот с обнаруженными поселенцами хватало Столетову с головой, он даже не мог предположить, что наверху, в комплексе офисных зданий, в этот момент происходит смена власти и захват боевых компьютерных систем.

Поэтому внезапное сообщение, автоматически поступившее от бортового компьютера головной БПМ в момент атаки, буквально ошеломило его, заставив резко остановиться. Шедшая следом Дана налетела на Столетова, больно ударившись о ребристые пластины бронежилета, но тот даже не шелохнулся, одной рукой зачем-то прижимая к уху и так плотно прилегающий коммуникатор шлема.

– Что?! – выдохнул он в крохотный микрофон, закрепленный на короткой дуге возле губ. – Атакован? Какого… – Он, не удержавшись, выругался в адрес бортового компьютера, переключившись на частоту второй машины.

Коммуникатор молчал. Они находились слишком глубоко под землей, или вторая машина стояла под невыгодным углом для связи. Компьютер

первой БПМ, послав краткое сообщение, также не отвечал на последующие вызовы.

– Всем наверх! – коротко скомандовал Столетов.

…Связь заработала, когда они достигли устья основного тоннеля, через который входили в систему подземных коммуникаций.

Столетов остановился, услышав долгожданный позывной.

– Сергей, что происходит?! – резко спросил он.

– Первая машина застряла. – Голос в коммуникаторе звучал хрипло, прерывисто, и фоном ему служил отдаленный ритмичный рокот. – Нас накрыли с высоты, капитан, это автоматические орудия, клянусь!..

Голос сержанта заглушил близкий разрыв.

У Столетова на секунду голова пошла кругом. Слишком неожиданный, нелогичный, с его точки зрения, ничем не оправданный оборот событий.

– Динк и Соломатов? Они живы?

– Да. Я приказал им имитировать попадание при следующем залпе. Попробую выдернуть их из сектора обстрела.

– Молодец. Я сейчас свяжусь с Грином и все утрясу. Наверное, это сбой в компьютерных системах охраны.

– Понял вас.

Столетов переключил канал связи. Дана и пятеро бойцов застыли, слушая наступившую тишину.

По отрывистым репликам капитана было ясно, что-то сильно не заладилось наверху с двумя машинами, которые эвакуировали больных.

Столетов вызвал Грина, но тот молчал.

Новые и новые попытки приводили к тому же результату: тишина в коммуникаторе на всех командных частотах, не отвечает ни компьютерный центр, ни кабинет полковника, ни базовый корабль высадки.

– Ни черта не понимаю… – Денис обернулся к своим бойцам. – Все за мной… – Его взгляд остановился на Дане. – Ты тоже идешь с нами… – Разглядев в сумраке ее осунувшееся лицо, Столетов добавил, обращаясь к одному из бойцов: – Каверзев, сделай ей инъекцию стимулятора.

* * *

Два фантома материализовались сразу за мостиком, перекинутым через ослепительный поток Интерстара. Внешне обстановка во Вселенной Кристофера Раули не изменилась с момента их последнего визита сюда.

Все так же вокруг простиралась кьюиганская степь, белел вдалеке скромный домик, дальше, сливаясь с иллюзорным горизонтом, темнела водная гладь.

Шагая по колено в траве, Фрост мысленно проклинал предусмотрительность хозяина этого места – две фигуры, направляющиеся к дому, просматривались из его окна как на ладони, и если Раули заподозрил подвох, то им не поздоровится…

Вспомнив, кем был Крис при жизни, Фрост невольно поежился, хотя на нем и было «надето» несколько наскоро изготовленных защитных программных оболочек…

Идти в рост навстречу вероятному выстрелу было, как минимум, неприятно, но не падать же в эту траву и не ползти по-пластунски…

Фрост покосился на фантом Саймона. Генрих шел в метре от него со спокойным, даже, можно сказать, – скучающим видом. Не обмениваясь репликами, Доминик понял, что сказал бы ему компаньон, задай он вопрос.

«Не дергайся, – вот что ответил бы ему Саймон. – Наглость – второе счастье, и залог успеха именно в ней. Действовать надо спокойно и уверенно. Мы идем, чтобы выразить благодарность за успешно выполненную работу».

Белый домик приближался.

Когда до него осталось не больше десятка метров, Фрост забеспокоился по-настоящему. Все равно что-то было не так, он подспудно начал ощущать это, как только его нога смяла первые стебли виртуального травостоя.

Поздно…

Он рывком бросил свое тело в проем окна – пользоваться дверью, подле которой пролегала пропасть, тут было не принято…

Влетев внутрь помещения, он перекатился по полу, выпрямился, резко обернулся, в поисках жертвы и понял, что белый домик пуст.

Прошла целая минута, прежде чем в оконном проеме появились голова и плечи Саймона.

– Его здесь нет, – с внезапной уверенностью в голосе произнес Генрих.

– Я вижу, – угрюмо огрызнулся Фрост.

– Ты не понял меня. Его нет не в доме, а вообще. – Саймон сделал неопределенный жест, охватывающий пространство вокруг. – Крис ушел из своего *Логра*.

– С чего ты взял? – нахмурился сбитый с толку Доминик.

– Черный смерч. Его больше нет, – лаконично пояснил Генрих.

– Ну и что? Раули может видоизменять реальность, – резонно возразил Фрост. – Ты же сам сказал, что там были заперты его воспоминания.

– Вот именно. Нежелательные воспоминания, – напомнил Саймон. – Огромная, неотъемлемая частица его памяти. Если бы Раули по-прежнему оставался где-то тут, вихрь стоял бы на месте.

– А почему ему не бросить эти воспоминания, не отказаться от них, если они так неприятны ему?

– Потому что тогда он перестанет быть самим собой. Они – часть его сущности. Он был наемным убийцей, и неизвестно, насколько длинный кусок его жизни оказался заперт под этим пологом…

– Короче?.. – оборвал напарника Фрост.

– Короче, мы облажались. Он просчитал нас с тобой. – Саймон сплюнул в виртуальный травостой. – Просчитал от начала и до конца, как маленьких, потому и ушел, зная, что мы заявимся, чтобы убрать его.

Фрост упрямо покачал головой.

– Два вопроса, Саймон. Почему он выполнил заказ и прикончил полковника, и куда, Фрайг его раздери, он мог деться из своего кристалла?!

– Что касается Грина, то кровоизлияние в мозг не всегда оканчивается летальным исходом, – спокойно пояснил Саймон, внутренне содрогнувшись от окончательного осознания той нечеловеческой расчетливости, с какой обвел их вокруг пальца Крис. Все, вплоть до брошенной у электронного окна импульсной винтовки, было продумано и инсценировано Скармом, чтобы они поверили, отвлеклись на сиюминутные проблемы, забыли о нем на некоторое время… Черт…

– Он где-то в офисе… – ледяным тоном подвел итог своим мыслям Саймон. – Он ушел в систему, когда мы ее взламывали…

– Нет… – вновь покачал головой Фрост, до которого наконец дошел смысл произошедшего. – Его там не было. Я бы почувствовал присутствие таких массивов данных, как полное описание личности. Система оказалась бы перегруженной.

– Значит, он ушел дальше, воспользовавшись ею лишь как дорогой отсюда.

– Говори яснее, Генрих. Где теперь искать этого урода?

– Нужно немедленно возвращаться. Проверить кабинет Грина и всю периферию системы, включая кучу бытовых андроидов. Объемы их встроенных компьютеров вполне позволяют разместить там…

В этот миг в фантомном пространстве внезапно материализовался призрак Клауса.

– Быстрее возвращайтесь!
– Что случилось?
– Атака! Компехи уничтожили одно из орудий периметра!

* * *

Генрих Саймон обладал изрядной долей интуиции. Кристофера Раули действительно не было ни в его *Логре*, ни на носителях системы офисных зданий.

В данный момент он спускался по отвесной стене скальной возвышенности, цепляясь металлическими пальцами за малейший выступ или трещину в выветренных породах.

Сейчас его сущность контролировала обыкновенного, ничем не примечательного бытового андроида. Нужно сказать, что у машин данного типа общей с людьми была лишь форма внешнего строения – все остальное представляло тонко сбалансированную механику и кибернетику.

Этот андроид до поры стоял во встроенном шкафу бывшей спальни Вениамина Раули, оставаясь там и в тот момент, когда Саймон осматривал тело Грина, а Фрост с удовлетворенным рычанием размыкал взрывные ошейники.

Сейчас он спускался по отвесной стене, а бесчувственное тело полковника было закреплено на спине андроида таким образом, что связанные в запястьях руки Грина охватывали горло человекоподобной машины, а ноги болтались в воздухе над бездной.

Стоило Крису оступиться, сорваться с очередной опоры, и им обоим уже не помог бы никто.

Вокруг разлилось мрачное многоцветье ночи Гефеста, в которую, помимо радужного сияния, что змеящимися сполохами бродило на границе смешения двух атмосфер, вплетались частые вспышки разрывов…

Если выражаться языком военных, в ночи шел бесконтактный, позиционный бой. Окопавшаяся в руинах космическая пехота не порывалась идти на штурм, но постоянно тревожила огнем автоматический периметр возвышенности, выясняя точное расположение огневых точек, царящих над котловиной.

* * *

Поднявшись наверх, в глухую, многоцветную и удивительно мрачную ночь Гефеста, капитан Столетов и пять следовавших за ним бойцов оказались в центре городских руин. От площади во все стороны уходили захламленные обломками улицы. Огрызки стен торчали тут и там, обозначая контуры давно несуществующих зданий. Вдалеке, на южной окраине руин, трескуче пророкотала очередь, выпущенная из автоматического орудия. Отсюда не было видно двух застрявших на выезде из города планетарных машин, во тьме сверкнула череда разрывов, и с той стороны ветерок донес кисловатый запах гари.

– Вперед! – коротко скомандовал капитан, указывая направление. Обернувшись к Дане, он добавил: – Ты, пожалуйста, соблюдай дистанцию. Держись от нас подальше, пока мы не разобрались что к чему, но не теряй из виду, на всякий случай.

– Хорошо, – кивнула девушка, покорно дожидаясь, пока капитан и его бойцы отойдут на некоторое расстояние, и только потом двинулась следом.

Она ничего не понимала в происходящем, ее жизнь словно бы раскололась надвое, четко поделив события на «до» и «после».

До посещения виртуальной Вселенной Кристофера Раули и после этого.

Дане казалось, что именно она пробудила дремавшие до сих пор силы, в результате чего на забытом Гефесте вновь появились люди и началось какое-то непонятное ей действо… но все, что творилось с тех пор, начиная от внезапной эпидемии среди ее сородичей и заканчивая этими гулкими, непривычными слуху раскатами автоматического огня, лежало вне рамок ее понимания. Она потерялась в этих событиях, скользила вместе с ними, не в силах что-либо изменить или хотя бы понять…

* * *

Две планетарные машины, одна из которых была повреждена, замерли в двух десятках метров друг от друга.

– Быстро, рассыпались по руинам и окопались! – приказал Столетов пятерым бойцам, неотступно следовавшим за ним.

Тени в фототропной броне молча исполнили приказ, исчезая среди огрызков стен.

Капитан не досадовал на обстоятельства – он принял их такими как есть и сейчас выполнял привычную работу. Денис лег на землю и пополз, маскируясь обломками зданий к задней БПМ.

Десантный люк в корме планетарной машины был открыт.

Снизу заметили движение в темноте и оттуда послышался окрик, продублированный в коммуникатор:

– Стой!..

– Свои. – Столетов замер и четко произнес в микрофон условленную фразу пароля.

– Это командир… – донесся до его слуха голос одного из двух бойцов. – Продолжайте движение! – В сухой формулировке разрешающего приказа прозвучали радостные нотки.

Столетов подполз к люку, заглянул в освещенное зеленоватым мерцанием приборов нутро машины, увидел, что все извлеченные из подземелий люди размещены в креслах вдоль бортов, пристегнуты к ним и подключены к системам жизнеобеспечения БПМ.

– Молодцы, – скупо похвалил он бойцов. – Докладывай, Семенов.

Сержант посторонился, пропуская капитана внутрь десантного отсека.

– Головная машина была обстреляна сразу, как только появилась на прямом отрезке дороги, ведущем к туннелю, – доложил он. – Огонь вела одна орудийная установка периметра.

– Повреждения? – сухо осведомился Столетов.

– Заклинило носовые орудия, перебило магистральный энерговод, сорвало часть лобовой брони, бортовой компьютер не поврежден, но взрывом разворотило переднюю пару ведущих колес. Мы имитировали попадание, закрылись дымом, зацепили трос и оттащили машину назад в руины.

– Грамотно… – Денис достал сигареты, разрешив самому себе минутную передышку. – Что дальше? – спросил он, прикурив сам и протягивая пачку бойцам. – Какие соображения, сержант?

Семенов посмотрел на капитана – проверяет, что ли, на сообразительность?

– Думаю, что огонь вел не компьютер, а человек, – высказал свое мнение Динк, жадно затягиваясь сигаретой.

– Почему ты так решил? – Столетов выпустил струйку дыма в сторону открытого десантного люка.

– Огонь был неэффективным, – ответил ему сержант. – Основная часть снарядов легла вокруг машины. Первый залп – справа, второй – слева. Только третья очередь зацепила лобовой скат. Компьютер стрелял бы иначе.

– Тоже верно… – Столетов немного подумал и заключил: – Выходит,

периметр наверху захвачен. Полковник Грин не отвечает на вызовы, он либо блокирован, либо убит…

– А как же андроиды, командир? Взвод охраны? – спросил Соломатов.

– Не знаю. – Столетов никогда не лгал своим людям, не любил держать кого-то в наивном неведении. – Скорее всего управлением овладели заключенные. Как им это удалось, выясним позже, сейчас нужно думать, что делать с людьми в бронемашинах…

– В головной машине все подключены к системам внутреннего жизнеобеспечения, – доложил Динк. – Их метаболизм под контролем, вот только орудия… Как бы ни заработали вновь, – высказал он справедливое опасение. – Если наверху включится главный кибернетический комплекс, то контур головной машины будет виден в тепловом диапазоне. Стены руин там хлипкие, снесет несколькими залпами.

– Верно соображаешь. – Столетов посмотрел на электронный планшет и произнес в коммуникатор: – Хабаров, доложить обстановку.

– На позициях.

– Откроешь тревожащий огонь по моей команде. Будь готов к ответному залпу периметра, менять позиции постоянно, на одном месте не торчать.

– Цель? – коротко осведомился коммуникатор.

– Обезвредить ближний к нам орудийный комплекс периметра. Твои люди производят отвлекающий огневой маневр.

– Понял.

Столетов обернулся к сержанту:

– Сергей, бери ручной ракетный комплекс и за мной.

* * *

По мнению Столетова, ситуация складывалась таким образом, что сначала нужно было действовать, а уж потом – разбираться в истинных причинах происходящего. Он поступил бы ровно наоборот, не будь под его опекой двух БПМ с шестью десятками больных на борту. Пока их жизням ничего не угрожало – от первой атаки пострадала лишь броня и привод головной бронемашины, но ситуация могла измениться в любую секунду, потому капитан и стремился действовать. Только перехватив инициативу из рук неизвестного противника, он мог получить передышку, собрать своих людей, разбросанных сейчас по руинам, и принимать дальнейшие решения по обстановке.

Он не знал, что случилось с полковником Грином, но мог предполагать самое худшее. Кроме полковника, наверху оставались лишь пятеро заключенных да механизированный взвод охраны периметра, но Денис не был склонен драматизировать роль компьютерных комплексов. Он хорошо знал, что андроиды несут в себе четкие программы, которые не позволят им нападать на людей или технику своего подразделения. Необъяснимая атака, повредившая головную БПМ, для Столетова означала лишь одно: власть наверху перешла в иные руки. Предполагая развитие событий, он учитывал личности заключенных и не сомневался, что они в силах произвести перенастройку базовых программ как всего компьютерного комплекса, так и андроидов в частности.

Интуиция подсказывала – Грин убит, а на них, стоит только высунуть голову, обрушится вся огневая мощь периметра охраны…

Продвигаясь ползком, под прикрытием руин, они удалились от бронемашин, обогнув квартал по широкой дуге. Расчет капитана был прост: нужно отвлечь огневые точки от бронемашин, в которых остались беззащитные люди.

Выбрав позицию, он подал сигнал в коммуникатор, и тотчас в полутора километрах от него зачастил кажущийся беспорядочным автоматический огонь. Это восемь человек из его группы выполнили приказ, обозначив себя. Периметр возвышенности послушно огрызнулся, как и предполагал Столетов, уже не беспорядочным огнем, а четкими, прицельными залпами. Судя по вспышкам, работали две стационарные огневые точки, между которыми обозначили себя несколько дройдов, вооруженных более легким импульсным оружием.

Сбывались самые худшие предположения – ответный огонь был плотным и точным, орудиями управляли уже не люди через систему ручной наводки, а компьютер. Значит, кибернетическая система зданий взломана и теперь подчиняется иным хозяевам – вывод неутешительный, но очевидный.

Эти мысли промелькнули в голове капитана, не мешая ему одновременно совершать необходимые для пуска управляемой ракеты действия.

Он знал, что каждая дарованная ему секунда может быть оплачена кровью тех, кто вел отвлекающий огонь, вызывая на себя ответные залпы периметра.

– Готов… – выдохнул наконец Семенов, перед которым мерцал планшет точной наводки.

Капитан, на плече которого покоился пусковой тубус развернутого

ракетного комплекса, нажал на сенсор запуска.

За его спиной, лизнув стену руин, взъярилось пламя, и огненный столб, вырвавшись из теснины обрушенных зданий, рванулся вперед и вверх, прочертив небеса удаляющимся факелом.

– Бросай все, меняем позицию! – крикнул Денис, отшвыривая в сторону горячий пусковой тубус.

Подхватив личное оружие, они кинулись прочь, укрываясь под хлипкой защитой выветренных стен. И вовремя – одновременно с разрывом, взметнувшимся на самом краю горного плато, по точке запуска ударило второе автоматическое орудие, расположенное на этой стороне плоскогорья.

Земля и камень взметнулись за их спинами, снаряды легли точно в цель, но курящиеся дымом воронки покрыли пустую позицию, изуродовав только остатки старого помещения да уничтожив брошенные детали использованного ракетного комплекса.

Столетов, припав к стене, осторожно выглянул поверх руин, подняв электронный бинокль.

Точно в яблочко… Первый орудийный комплекс, тот, что мог в любую секунду достать бронемашины, накрылся.

– Молодец, хорошо навел… Похоже, поворотную станину разнесло вдребезги… – Столетов опустил бинокль и скупо улыбнулся. – Всем прекратить огонь, сменить позиции! – произнес он в коммуникатор. – Хабаров, потери?

– Потерь нет.

– Отлично. Перегруппировывайся. Занимай круговую оборону подле бронемашин. Мы с Семеновым разведаем вторую орудийную точку.

– Понял вас.

* * *

– Дерьмо Шииста!.. – грубо выругался Фрост, закончив созерцать руины через устройство термальной оптики. – Ни хрена не видно. Они в фототропной броне.

– Вон, две бронемашины как на ладони. – Палец Саймона чиркнул по экрану, где сияли тепловые контуры двух БПМ.

– Толку-то? Второе орудие их не достает, мешает бетонный козырек тоннеля. Эти сукины дети знали, что делать… а вы, – он обернулся к Доновану и Загеру, – могли бы догадаться, что их следует накрыть…

– Ладно… – примирительно произнес Клаус. – Сделанного не вернешь. Сюда они все равно не поднимутся. Второе орудие не даст.

– Будем надеяться… – буркнул Фрост, отстегивая крепления нейросенсорного костюма. – Есть видеосвязь с кабинетом Грина?

– Сейчас посмотрим… – Саймон сделал несколько переключений, и на экране перед Фростом возникла панорама кабинета полковника. Видеокамера, закрепленная под потолком, медленно поворачивалась из стороны в сторону, показывая пустой стол, опрокинутое кресло и распахнутые дверцы встроенного шкафа.

Грина нет…

– Кровоизлияние в мозг, говоришь? – Фрост в ярости обернулся, но Саймон спокойно встретил его взгляд.

– Сканер не врал, Доминик. Если тело исчезло, значит, его унесли.

– КТО?!

– Думаю, что это работа Раули. Клаус, ты проверил количество бытовых дройдов?

– Да, одного не хватает. Как раз того, что обслуживал кабинет полковника.

– Он имеет стандартную маркировку?

– Да, но маркер не засвечен. Возможно, он не работает. Никаких сигналов на компьютерной модели.

– Точно тебе говорю – это он. Сбежал, прихватив Грина.

– Ну и что теперь делать? Сидеть тут, ждать у моря погоды? Они уничтожили одно орудие, так кто им помешает грохнуть второе, третье? А потом они возьмут нас штурмом, так, что ли?

– Не психуй. Я ввел киберсистему периметра в режим огня по любому движению внизу. Не забудь, у нас еще два десятка боевых дройдов…

– Блин, это надо было делать раньше… Ну ладно…

– Послушай, Фрост, – произнес молчавший до этого Донован, – а ведь у нас три десятка доходяг в лазарете. Что, если мы выйдем на связь с компехами и скажем им, что будем убивать по одному человеку каждые десять минут, если они не вылезут из руин с поднятыми руками?

Доминик несколько секунд обдумывал предложение, потом, просветлев лицом, хлопнул Донована по плечу:

– А что… Это идея!

* * *

Капитан Столетов и сопровождавший его сержант Семенов вернулись в район расположения двух бронемашин спустя десять минут после удачно произведенного ракетного пуска.

– Командир, тут какое-то шевеление в руинах, – доложил ему Хабаров, остававшийся за старшего группы. – Судя по засветке – андроид бытовой модели, но что-то совмещается с ним, похоже на слабый тепловой контур человеческого тела.

– Иракулов, проверь, только осторожно, – распорядился капитан, укрывшись за огромным литым колесом второй бронемашины. – Сержанты, ко мне! – распорядился он.

Семенов, Хабаров и Динк вынырнули из темноты, присев рядом с командиром.

Столетов открыл электронный планшет.

– Так, ребята, обстановка хреновая, – начал пояснять он, указывая точки на электронной карте местности. – Нам предстоит штурмовать свои же, хорошо укрепленные позиции. Единственный плюс – это уничтоженное орудие, но второе, оставшееся с этой стороны периметра, прекрасно простреливает все подступы к тоннелю, кроме узкого треугольника мертвой зоны, образованного выступом бетонной рубашки. Повторить ракетный запуск не получится, нас с Сергеем плотно обстреляли на пределе дальности, значит, автоматика работает на полную мощность сканирования, а боевым системам отдана команда поражать любую цель, вне зависимости от расстояния и прочих ограничений…

В этот момент из плотного мрака, гнездящегося в руинах зданий, в сумеречное пространство подле бронемашин вынырнули две… вернее три фигуры.

Первым был рядовой Иракулов, за ним следовал робот-андроид бытовой модели, на спине которого, охватив «горло» машины кольцом связанных в запястьях рук, безвольно повисло тело… полковника Грина!..

Нетрудно представить удивление Столетова, нервы которого и так были натянуты до предела, когда он разглядел безжизненные черты своего пропавшего командира.

Робот уже опустился на колени, и солдаты бережно сняли тело полковника со спины дройда, уложив его прямо на потрескавшийся от времени асфальт.

Грин слабо застонал, не приходя в сознание.

Такого внезапного оборота событий не ожидал никто, но еще большее недоумение и замешательство вызвал синтезированный голос машины – прозвучав в напряженной тишине, он заставил Дениса вздрогнуть всем

телом.

– Его здоровье вне опасности, капитан, – безошибочно обращаясь к Столетову, произнес бытовой робот, выпрямляясь в полный рост. Он с тихим звуком сервопривода повернул голову и, увидев, что к полковнику уже спешит боец с медицинским сканером, добавил: – У него два микроинсульта – это вынужденная плата за побег. Мне нужна девушка по имени Дана.

Капитан за свою жизнь побывал во многих критических ситуациях, но сейчас…

События последних секунд просто не укладывались в его голове. Какого черта? *Разве машины разговаривают с людьми в приказном тоне?!*

– С каких это пор дройды… – начал было он, но робот остановил его пренебрежительным жестом.

– Я не дройд… – внезапно заявил он, хотя визг сервомоторов при повороте головы говорил как раз об обратном. – Вернее… не совсем дройд.

Капитан отступил на шаг, вскинув импульсную винтовку.

Иногда человек попадает в ситуации парадоксальные, а учитывая напряженность момента, реакцию Дениса можно было понять.

Второй раз за неполные сутки в лоб Кристоферу Раули смотрел холодный зрачок электромагнитного компенсатора импульсной винтовки.

– И кто же ты? – спросил капитан, заметив, что Иракулов и Семенов также сместились, подняв оружие, чтобы в любой момент прийти на помощь своему командиру, если эта непонятная машина попытается выкинуть что-либо неадекватное…

– Я Кристофер Раули. – Более абсурдного заявления Денис не мог даже предполагать, но металлопластиковое лицо человекоподобного истукана, застывшее, словно маска, ничего не говорило ему… ни «за», ни «против» подобного утверждения… Подле бронемашин стояла звонкая, зловещая тишина, в которой был слышен лишь тонкий визг микроприводов, управлявших видеокамерами, спрятанными за имитацией глаз дройда.

– Кристофер Раули скончался полгода назад. – Горло Дениса пересохло от напряжения, и фраза вышла хриплой.

Дройд покосился на неподвижное тело полковника Грина.

– Его спасение не стоит капли доверия и взаимопонимания? – спросил он.

– Нет, – сухо ответил капитан, который был в курсе проводимого тут эксперимента и сейчас пытался мысленно ответить на вопрос: могла ли сущность жирного старика, которого он помнил по встрече на Гефесте,

каким-то образом переместиться из *Логра* на постоянные запоминающие устройства человекоподобного робота?

– Доказательства? – У Дениса не было времени на долгое разбирательство – в любую минуту могла начаться атака со стороны возвышенности, да и Грин не должен валяться на асфальте… – Полковника в БПМ! – не сводя глаз с андроида, приказал он. – Произвести диагностику и оказать помощь!.. Ну? – Он прищурился. – Доказательства?

Робот стоял перед ним, неподвижный, как статуя.

Что-то щелкнуло в его чреве, потом раздалось сухое потрескивание, и вдруг синтезированный голос Дениса Столетова произнес:

– Господин Раули, думаю, что торг здесь неуместен. Вы сильно преувеличили, назвав этот плевок всевышнего громким термином «колония»…

На секунду наступила тишина, потом дройд вновь нарушил ее, но теперь его голос опять стал безликим, как и положено для аудиосистемы бытовой машины:

– Разве не вам, Денис Андреевич, я отдал Гефест в обмен на *Логр?* – осведомился он.

* * *

Неизвестно, каким образом разрешилась бы эта напряженная ситуация, не вмешайся в нее иные обстоятельства.

– Сэр, связь на открытой радиочастоте, – внезапно доложил сержант Динк, прослушивавший все это время эфир.

Столетов кивнул, коснувшись сенсора на своем коммуникаторе.

– Слушаю.

– Кто говорит?

– Капитан Столетов.

– Слушай сюда, капитан… С тобой разговаривает Доминик Фрост. Помнишь меня?

– Естественно, – собрав все самообладание, спокойно ответил Денис.

– Так вот, мы теперь контролируем здания офиса. У нас тут три десятка больных в лазарете. Как ты думаешь, что мы сделаем с ними?

Столетов не стал гадать. Все было слишком предсказуемо.

– Ну, представил. Что дальше?

– Выходите из руин по одному, с поднятыми руками.

На несколько секунд наступила тишина, тяжелая, гнетущая, полная

скрытой угрозы брошенного вызова.

Блефует?

У Дениса не было готового ответа на данный вопрос. Он плохо знал Фроста, а точнее, не знал его вообще. Это была игра полковника Грина и еще кого-то сверху, рангом повыше, а в задачу Столетова входили только обязанности по защите комплекса зданий. Скорее перестраховка, чем необходимость, так он думал до вчерашнего вечера, пока не было обнаружено это остаточное поселение и не закрутилась смертельная карусель непредсказуемых событий.

Что ж делать, Грин вне игры, тебе решать, капитан…

А что решать на самом деле? Выйти с поднятыми руками? Кого он этим спасет? Плененные космические пехотинцы – слишком большая обуза для пятерых спонтанно вырвавшихся на свободу заключенных. Стоило приплюсовать сюда около сотни больных колонистов – тех, что находились наверху и в двух застрявших среди руин бронемашинах, как становилось ясно, что кормить и лечить их никто не будет, не для того эти пятеро избавлялись от взрывных ошейников.

А отклонить предложение?

Денис чувствовал себя очень неуютно. Легче оказаться под ураганным огнем зримого противника, чем решать в душе судьбу не только вверенных тебе бойцов, но и трех десятков незнакомых людей, случайно вовлеченных в круговорот событий и оказавшихся теперь на положении заложников…

Пауза затягивалась, и первым наступившего молчания не выдержал Фрост.

– Так что ты решил, капитан? – напомнил он о своем присутствии. – У меня нет настроения играть в молчанку. Хочешь увидеть, как мы начнем отстрел? Пожалуйста, я сейчас прикажу дройдам выволочь одного из доходяг на самый край периметра, чтобы тебе было лучше видно снизу…

«Он не знает, сколько у меня людей…» – это была первая здравая мысль, что пришла на ум капитану.

– Я должен подумать, – медленно проговорил он в микрофон коммуникатора. – Дашь мне десять минут на размышление?

Теперь на том конце связи возникла пауза, но она оказалась много короче той, что сумел выдержать Столетов.

– Ты мне голову не морочь, капитан, я ведь не отвечаю…

– Слушай, Фрост, у меня половина ребят полегла под огнем твоего периметра!.. – внезапно взорвался Столетов, сам удивляясь натуральности прозвучавших интонаций гнева и растерянности в собственном голосе. – Я не успел собрать раненых… – Он прикрыл пальцем микрофон и шепотом

отдал распоряжение: – Пять человек отключить мимикрию брони, быстро скинуть ее и сменить позицию… Укрыться под тепловым контуром бронемашины…

– Сэр, наверху группируются дройды, полтора десятка, сосредотачиваются у устья тоннеля, – раздался в ответ шепот сержанта Семенова.

– Чем ты докажешь потери в подразделении? – вплелся в разговор долетевший по связи вопрос Фроста.

– Отсканируй руины, пораженная броня не мимикрирует, – лаконично ответил ему капитан, которому уже подали знак – приказание выполнено.

Еще одна минута передышки, может, меньше…

– Сейчас посмотрю.

Столетов обернулся. Кивок со стороны Семенова еще раз подтвердил – приказ получен и выполнен.

– Ладно, я вижу какие-то сигналы, – спустя некоторое время раздался голос Фроста. – Сколько у тебя человек?

– Со мной осталось четверо, – солгал капитан.

– Не верю.

– Спустись, посчитай… – огрызнулся Денис.

– Спущусь, – злобно пообещал голос Фроста. – Только не думай, что я купился. Сейчас вниз пойдут боевые дройды, а ты выйдешь им навстречу с поднятыми руками. Остальных они сосчитают сами. Если не выполнишь эти условия, можешь молиться за упокой тех, кто тут с нами… У тебя десять минут на размышление, капитан.

Частота сухо щелкнула статикой – это произошел разрыв связи.

Денис обернулся. Капитан был бледен и подавлен, но на этот раз он постарался скрыть свои чувства – не хотел, чтобы червячок безысходности, на миг предательски шевельнувшийся в душе, стал очевиден бойцам и передался им как настроение командира.

– Андроиды начали спуск по тоннелю, – доложил Семенов. – Достигнут секторов обстрела через девять минут.

Из темноты раздались невнятные ругательства. Начался отсчет первой минуты из отпущенных десяти…

* * *

– Мне нужна девушка по имени Дана.

Голос андроида, про которого Столетов на миг забыл из-за внезапных

переговоров с Фростом, вывел его из нелегких раздумий…

– Какого черта? – вспылил он.

– Я слышал твой диалог с Фростом, – спокойно ответил дройд, назвавшийся за несколько минут до этого Кристофером Раули. – В словах Доминика нет ни капли правды для тебя, капитан. Он убьет всех, и твоих солдат, и местных жителей. Он пойдет на это, поверь.

– У меня нет времени на попытки договориться. Сюда движутся андроиды боевой модели. Если я не выйду навстречу, они начнут расстрел людей наверху.

– Я знаю, как решить проблему заложников, – ответил Крис, если, конечно, за обликом дройда скрывался именно он, в чем Столетов пока что сильно сомневался.

– Есть шанс его остановить? – спросил Денис, имея в виду Доминика Фроста.

– Да, – ответил андроид. – Пуля в лоб. К сожалению, я не успел это сделать из-за полковника. Я обещал его вытащить и сдержал свое слово.

– Ты обещал? Кому?

– Это неважно. Сейчас важен Фрост, четверо его подельщиков и три десятка заложников, верно?

– Да… – угрюмо согласился Столетов, глядя на хронометр. – Семенов, отыщи девушку, она должна быть где-то поблизости. – Он опять обернулся к дройду: – Зачем тебе она?

– Чтобы не допустить расстрела заложников. Ты слышал про Зороастру, капитан?

– Естественно, – ответил Столетов, не понимая, к чему клонит андроид.

– Дана – одна из немногих, чей геном имеет усовершенствования, спроектированные там, – пояснил ему Кристофер. – Она дистанционно управляет машинами на уровне мысленных приказов.

– И боевыми? – В душе капитана вспыхнул и тут же угас слабый лучик надежды.

Нет… Чудес на свете не бывает…

– Это вряд ли, – подтвердил последнюю мысль Столетова Крис. – Но она вполне может блокировать все входы в медицинское крыло офиса. Ей это по силам, – заверил он.

– А мы? – спросил Денис.

– Война – твоя профессия, капитан. – Казалось, дройд силится усмехнуться, но, естественно, этого не получилось. – Я попрошу ее включить и удерживать блокировку медицинского крыла офиса. Сколько

продержатся двери – не знаю, но вы должны успеть справиться со всеми проблемами, прежде чем преступники найдут способ обойти препятствие.

– А что тебе за корысть? – внезапно спросил Столетов, вспомнив толстого, обрюзгшего и циничного старика, с которым полгода назад разговаривал в центральном смотровом зале злополучного комплекса зданий.

Хороший вопрос…

Крис уже задавал его самому себе, но сейчас у него не было времени, чтобы обосновывать что-то капитану Столетову, поэтому он ограничился сухой констатацией факта, за которым ни один дипломированный психолог не смог бы распознать той внутренней борьбы, которая, не прекращаясь, шла в электронном призраке души Кристофера Раули, чьи предки полтора века правили этим миром по диким законам Окраины…

– В лазарете и в бронемашинах находятся люди, жизнь которых я мог изменить к лучшему… – произнес андроид. – Но умирающему старику не было дела до Гефеста и его обитателей.

– Что-то изменилось теперь? – несмотря на напряженность ситуации, в голосе Столетова прозвучал сарказм.

Робот не ответил. Он молча смотрел в ту сторону, куда направился сержант, посланный за Даной.

* * *

– Сэр, андроиды прошли тоннель. Движутся в нашем направлении.

Семь минут…

Из темноты появился сержант Семенов в сопровождении девушки.

– Готовься, капитан. Сейчас будет бой, – спокойно произнес андроид, направляясь к ней.

Денис посмотрел на хронометр.

Световой маркер секунд неумолимо бежал по кругу. Ситуация уже в принципе не могла разрешиться иначе, чем через бой. Денис не верил Фросту, и, даже не появись тут андроид, он наверняка принял бы однозначное решение о штурме возвышенности.

Пока андроид о чем-то беседовал с Даной, он собрал бойцов.

– Три человека идут со мной, – кратко объявил капитан. – Иракулов, Семенов и ты, Динк. Хабаров, остаешься за старшего тут. План таков: мы выходим навстречу боевым машинам якобы сдаваться. Встреча состоится на полпути к тоннелю. Значит, у моей группы наполовину увеличатся

шансы прорваться через сектор обстрела второго орудия. Мы атакуем роботов, как только поравняемся с ними, и сразу же моя группа прорывается в тоннель. Остальным – удерживать позиции тут.

– А что с заложниками, командир? – раздался из темноты голос Соломатова.

– Сейчас узнаем… – ответил капитан, заметив, что Дана в сопровождении робота идет к нему.

* * *

Неизвестно, о чем беседовала девушка с бытовым дройдом, но когда она, развернувшись, подошла к Столетову, ее лицо было белее мела.

– Он вправду… Крис?

– Да, – ответил Денис, не зная, зачем говорит так, не будучи сам до конца уверенным в истинной сущности внезапно появившегося сервоприводного оборотня. То, что тот принес на своих плечах раненого полковника Грина и цитировал фразы из их диалога полугодичной давности, еще ничего не объясняло и не доказывало капитану Столетову.

Одно Денис знал наверняка – через пару минут начнется бой, и, если девушка способна как-то повлиять на события, пусть делает, что в ее силах, пусть верит, что данный дройд является Кристофером Раули, – ему все равно, – главным для капитана был конечный результат, и тут все способы его достижения казались одинаково приемлемыми. Тот редкий случай, когда цель – спасение десятков людей – оправдывала средства ее достижения, будь то ложь или…

Она отвернулась, плотно закрыв глаза, будто лаконичного ответа капитана оказалось достаточно, чтобы убедить ее.

Денис со смятением заметил, как, пробиваясь сквозь спутанные пряди волос на ее виске, взмаргивает алым светом инфракрасный порт удаленного доступа к системе.

– Можете идти… – внезапно мертвенным голосом произнесла девушка. – Я держу двери.

– Ты можешь включить противопожарную систему медицинского крыла и опустить огнеупорные перегородки?

– Не знаю… Попробую.

– Хабаров, под твою опеку – Столетов указал на Дану. – Как только она включит противопожарку, пошлешь мне сигнал по связи.

– Сэр, они в секторе обстрела, – раздался доклад наблюдателя.

– Мы выходим навстречу… – Голос Столетова напряженно зазвенел. Он включил коммуникатор на открытую частоту и произнес: – Фрост. Мы выходим. – Он обернулся к андроиду и добавил уже не в коммуникатор: – Пойдешь с нами впереди группы.

– Зачем?

– Не хочу оставлять тебя за спиной, – лаконично ответил капитан. – Вперед.

Глава 9

Гефест.
Пятьсот метров до входа в тоннель, ведущий к офисным зданиям…

Четыре человека в фототропной броне и один бытовой дройд отделились от руин, прорисовавшись на их фоне смутными тенями. Они шли по открытой местности в направлении тоннеля, ведущего вверх, а им навстречу двигались полтора десятка боевых человекоподобных машин.

Пятьсот метров…

Четыреста…

Триста пятьдесят…

– Так, капитан, вижу тебя, – раздался на частоте связи голос Фроста. – Сейчас поравняешься с дройдами и сложишь оружие.

– Понял тебя.

Глухая, ватная тишина.

Шелест шагов, бряцание экипировки, тонкий присвист сервомоторов. Двести метров…

– Командир, переборки опущены!

Столетова словно ударило током. Он машинально рванул в сторону, мгновенным перекатом уходя во мрак, и тут же, одновременно с очередью, выпущенной из его импульсной винтовки, на командной частоте раздался приказ:

– Огонь! Огонь по всем!

Казалось, ночь взорвалась – это синхронно ударил пулемет и башенное орудие второй бронемашины, следом раскатился трескучий залп импульсного оружия, выпуская скрещивающиеся на группе андроидов пунктирные трассы пуль, и спустя какую-то долю секунды в ответ ожил периметр возвышенности.

* * *

Донован, который следил за передвижением группы машин, инстинктивно отпрянул от экрана, когда четырех боевых андроидов, двигавшихся во главе отряда, разнесло на куски лающей очередью башенного орудия БПМ.

На миг ему показалось, что он ослеп, – трансляция на экран велась напрямую с видеокамеры передового андроида, а когда Донован открыл глаза, экран уже не сиял ослепительными вспышками, система автоматически переключила источник видеосигнала, и перспектива резко отдалилась: на мониторе теперь мелькали фрагменты стен, среди которых сверкали трассирующие росчерки шальных пуль – это уцелевшие андроиды, как опытные бойцы, мгновенно рассредоточились и теперь двигались вперед, ориентируясь по сигналам термальной оптики.

Все… Теперь этим компехам каюк!..

За спиной Донована невнятно выругался Фрост, который следил за другим участком периметра, и вслед ругательству донеслось его восклицание:

– Они прорываются к тоннелю!

Речь шла о группе капитана Столетова, которая под прикрытием ураганного огня БПМ проскользнула за спинами боевых машин по направлению к мертвой для второго орудия зоне.

Куда оно стреляет, мать твою?! Фрост не верил своим глазам – автоматическое орудие периметра сосредоточило свой огонь не на фигурках людей, а на каком-то бытовом дройде, который метался среди вспышек, тщетно пытаясь уклониться от убийственного огня…

* * *

Капитан Столетов прекрасно знал рационализм машинной логики, но он не испытывал угрызений совести, намеренно пустив впереди своей малочисленной группы бытовую машину, назвавшуюся Кристофером Раули.

Капитану было плевать на мертвых – он ценил живых.

Его расчет оказался верен – орудие периметра, не в силах достать позиции бронемашин, обрушило шквал огня на пять тепловых контуров, пытавшихся рывком преодолеть две сотни метров, отделяющие их от тоннеля.

Самым ярким из пяти бегущих фигур, естественно, был тепловой контур бытового андроида, и потому шквал огня сначала накрыл его, а уж потом компьютер орудия начал перенацеливаться на смутные, размазанные контуры космических пехотинцев, тела которых укрывала фототропная броня…

* * *

Когда Столетов метнулся во мрак, а вокруг вскипел ураганный огонь внезапного боестолкновения, Крис, который, благодаря внутренним системам своего кибернетического тела, видел в темноте, как днем, рванулся не в сторону, а вперед, к тоннелю, отлично понимая, что только толща скал способна укрыть его от шквального огня автоматических пушек периметра.

Тщетно…

Когда снаряды хлестнули по земле, описывая вокруг бесноватый танец разрывов, он испытал необыкновенное чувство – процессор воспринимал время течением миллисекунд, и потому он успел заметить тупое, размазанное из-за скорости полета и сжатия времени жало снаряда, затем Крис пережил хрустящий, ошеломляющий, звонкий металлический треск и…

Корпус дройда продолжал поступательное движение вперед, но процессор уже не получал картинки видеоряда, голову снесло с плеч, ее как будто сдуло шквальным металлическим ветром, оставив лишь искрящий обрубок шеи…

Он упал, повалившись на левый бок, и корпус человекоподобной машины пронесло с десяток метров силой инерции, ударяя о землю и подбрасывая на рытвинах, словно сломанный манекен.

Эти секунды, пока обезглавленное механическое тело Криса летело, ударяясь о землю, а компьютер орудия просчитывал степень его повреждений, позволили Столетову и троим бойцам преодолеть двухсотметровый отрезок открытой местности и вбежать под нависающий скальный козырек.

– Все живы? – капитан оглянулся. За спиной вскипал бой – там шесть человек, обороняющие позиции среди руин, вошли в плотный огневой контакт с уцелевшими боевыми машинами.

– Дройда достало… – хрипло ответил Семенов, прижимаясь к стене тоннеля, чтобы отдышаться… – Башку с плеч снесло, как ножом срезало… Сам видел…

– Вперед, вверх, пленных не берем! – Столетова уже захватила кровавая горячка скоротечного боя.

* * *

– Дьявол! – Фрост не верил своим глазам. – Они в тоннеле!

– Дройдов туда! – Саймон уже оперировал системой.

– Кто-то включил противопожарную блокировку медицинского крыла! – Это был голос Клауса. – Они опустили термостойкие перегородки!

– Да черт с ними, сейчас эти четверо компехов ворвутся сюда! – Донован вскочил, хватая импульсную винтовку. – Хватит! – заорал он. – Оставь ты эти электронные бирюльки, Фрост, их надо прикончить!..

Загер, как зачарованный, смотрел на экран внешнего обзора.

Внизу, казалось, начал извергаться вулкан – он и представить себе не мог, что значит настоящий огневой контакт между неполным отделением космической пехоты и десятком наступающих боевых машин.

Это было какое-то наваждение, его внезапно захлестнула волна этого буйства, словно смерть позвала туда, и Загер вскочил, хватая заранее припасенное оружие.

– Погоди, Донован, я с тобой!

Фрост на миг оторвался от контрольных экранов, хотел что-то крикнуть или выругаться, но только махнул рукой – ситуацией уже не владел никто, – хотят туда, черт с ними, пусть бегут…

Критический миг еще не настал, но он уже уловил каким-то десятым, интуитивным чувством: скоро нужно будет заботиться не об общей ситуации, а о своей собственной заднице.

Обернувшись, он встретился глазами с Саймоном, который смотрел на него с таким же выражением во взгляде.

Они поняли друг друга без слов. Бежать, как Донован и Загер, с импульсной винтовкой наперевес навстречу космической пехоте ни Саймон, ни Фрост не собирались.

Для них существовал только один путь отступления из компьютерного зала, и оба, независимо друг от друга, подумали в этот миг об одном и том же.

* * *

Тоннель кончился ярким срезом освещенного прожекторами выхода, и Столетов машинально упал на недавно расчищенный от обломков бетонный пол. Впереди все пространство простреливалось установками периметра, их ждали, тут, как говорится, и интеранглийского знать не

надо…

Короткий перекат, взмах руки, и граната полетела верх, взлетая над освещенным устьем тоннеля.

Таймер был поставлен на три секунды, и она рванула в воздухе, щедро осыпая пространство в радиусе двухсот метров от выхода градом смертоносных титановых шариков.

Свет померк.

Прошла секунда-другая после взрыва, и вот один из ослепительных столбов света, закатившийся было в зенит, но не погасший, вновь пришел в движение, упрямо нацеливаясь на черное жерло тоннеля.

Семенов, воспользовавшись короткой паузой, ужом прополз вперед, но тут же, огрызнувшись очередью, откатился вниз, отступив на десяток метров.

– Дройды!.. – лаконично доложил он. – По обе стороны тоннеля за укрытиями!

Денис уже активировал подствольный гранатомет.

Бойцы повторяли его движения, прекрасно понимая замысел командира. Он жестом указал: «Иракулов, Семенов ведут огонь вправо, Динк со мной, влево».

Хлопки подствольных гранатометов гулко отозвались в тоннеле долгим эхом, и заряды, посланные вверх и вбок, по баллистической траектории вылетели из тоннеля, упав и взорвавшись за бетонными ограждениями.

Еще один залп, и боевые машины, оценив тактику противника и ненадежность собственного укрытия, попытались контратаковать.

Денис перезаряжал подствольный гранатомет, когда в устье тоннеля появилась первая тень, и тут же, прошив огнем замкнутое пространство, боевая машина, словно хорошо тренированный боец, перекатом ушла вбок, совсем как человек, пластаясь по полу…

С брони Столетова сорвало плечевую пластину, одна из пуль звонким рикошетом полоснула по шлему, оставив на нем глубокую царапину, капитана оглушило на миг, но дройд был обречен, – атакуя в одиночку, он успел дать только одну очередь, на которую тут же ответил плотный огонь прикрывавших капитана бойцов. Они били в упор, не экономя зарядов, и правую конечность боевой машины мгновенно оторвало вместе с оружием; она отлетела в сторону, звонко клацнув металлом о бетон, а впереди уже рассыпались фонтаны искр – это выходил дух из электроники андроида, которую титановые пули «ИМ-12» превратили в месиво осколков.

В отличие от орудия, стрелявшего по Крису, бойцы капитана

Столетова не допустили ошибки при выборе прицела – они вели огонь по корпусу человекоподобной машины, отлично понимая, что основные системы расположены у дройда отнюдь не в голове…

Придя в себя после контузившего его рикошета, Денис увидел искрящий человекоподобный корпус, который выгибался на бетонном полу, в тщетной попытке встать…

– Вперед… – прохрипел он, первым поднимаясь с пола.

Два бетонных крыла ограждения плавно расходились в стороны, по центру, между ними, щедро осыпанный навигационными огнями, высился комплекс офисных зданий. Обезумевшие прожекторы кроили мрак, пытаясь поймать в фокус своих лучей прорвавшихся космических пехотинцев, где-то рядом, может быть, всего в двух шагах, прятались, выжидая момент для атаки, еще четыре боевых дройда.

– Залечь! – мгновенно оценив обстановку, рявкнул Денис, сам откатываясь под основание бетонного крыла.

В темноте послышался тонкий свист сервоприводов, его заглушила рокочущая скороговорка вновь заработавшего орудия, но Столетов успел осознать, что звук сервомоторов звучит над его головой. Боевая машина находилась по ту сторону бетонной преграды, их разделял только постепенно понижающийся поребрик ограждения…

Он жестом привлек внимание бойцов, указал: «Держите противоположную сторону под прицелом, чтобы мне не ударили в спину», а сам достал две гранаты и одну за другой закинул их за невысокую бетонную преграду.

Оба взрыва рявкнули почти одновременно, поколебав почву, наполнив горячий воздух заунывным свистом осколков, а спустя миг, когда разлет шрапнельной начинки прекратился, Столетов вскочил, словно его подбросило пружиной, и одним прыжком перемахнул по ту сторону бетонной преграды.

Воронки под ногами курились дымом, почва на скате предательски осыпалась. Он приземлился, тут же упав на бок, позволив сгруппировавшемуся телу скатиться в неглубокую выдолбленную взрывом яму, на дне которой корчилось в механических судорогах тело человекоподобной машины.

Поверх головы ударила очередь, росчерки пуль прошили темноту на уровне груди стоящего в рост человека, но стрелявший тут же поправился, и цепочка выбитых из земли султанчиков пробежала по гребню неглубокой воронки.

– Серега, меня прижали… Головы не поднять… – выдохнул Денис в

коммуникатор, пытаясь определить направление, с которого по нему велся огонь.

– Понял, командир. На три секунды!

Это была понятная фраза.

Трое бойцов резко приподнялись над бетонным ограждением, посылая во тьму неприцельные очереди.

Один… Два… Три… – Денис рывком поднялся на колено и увидел его. Андроид стрелял, стоя в полный рост, всего в десятке метров от капитана; голубоватый огонек статики плясал на срезе электромагнитного компенсатора «ИМ-12», освещая его спокойное, отрешенное металлопластиковое лицо, похожее на безукоризненно исполненную маску.

Заряды импульсной винтовки крошили бетон в том месте, где секунду назад появились и исчезли прикрывавшие капитана бойцы.

Столетов дал короткую очередь, и дройд, потеряв опору, начал валиться набок – титановые шарики пробили броню и превратили в крошево сервоприводы его ноги, вторая очередь, выпущенная уже по падающей машине, выбила сноп искр из головы и груди андроида…

Все… Этому каюк…

Мгновенное сканирование показало, что по эту сторону понижающегося бетонного крыла противников больше нет.

– Семенов, рывком ко мне, тут все чисто.

Пот струился из-под боевого шлема Дениса, щекочущими каплями стекая по спине и груди.

Три тени возникли над гребнем бетонного ограждения и тут же материализовались, превратившись в смутные фигуры, закованные в фототропную броню.

– Где эти суки? – хрипло спросил сержант, приземлившись рядом с командиром.

– По ту сторону, – лаконично ответил Столетов. – Наверное, отступили к орудию, будут держать позиции подле него.

Внизу, судя по вспышкам, продолжал бесноваться бой, автоматическое орудие, о котором только что говорил капитан, вновь рявкнуло, посылая очередь снарядов во тьму.

– Надо его заткнуть…

В этот момент со стороны офисных зданий ударили выстрелы. Две беспорядочные, длинные очереди осыпали градом пуль устье тоннеля, прошив пространство с обеих сторон бетонного ограждения.

Присевший по левую руку от Дениса боец вскрикнул, падая навзничь, капитан машинально крутанулся, одновременно открыв огонь в сторону

главного входа, подле которого невесть откуда появились две ярко освещенные фигуры людей с импульсными винтовками в руках.

Один из них упал, подкошенный огнем капитана, со стороны позиций уцелевшего орудия периметра также плеснул автоматический огонь, и вторая фигура, согнувшись пополам кулем, осела на землю.

– Идиоты… – Столетов обернулся к раненому, над которым уже склонились двое товарищей.

– Кто?

– Иракулов… Ничего страшного, руку и плечо навылет.

– Динк, укрой его в воронке и окажи помощь. Держишь позицию здесь. – Капитан обернулся. – Сергей, гранаты есть?

– Три штуки.

– Давай за мной, только аккуратно. Машины обозначили себя, они подле орудия.

Группа разделилась. Сержант с капитаном ползком двинулись вдоль бетонного ограждения, приближаясь к офисным зданиям, где бетонное укрытие постепенно сходило на нет, сливаясь с ровной асфальтированной площадью.

Двери офиса были распахнуты настежь, на крыльце в лужах крови лежали двое людей. Они не шевелились, и было ясно, что оба мертвы.

Атаковать орудие в лоб было безумием – ложемент автоматического комплекса свободно вращался на триста шестьдесят градусов, и потому Денис принял единственно верное в данной ситуации решение: проникнуть в здание и уже оттуда, пользуясь оконными проемами, атаковать уцелевшую огневую точку.

Рывок через двадцатиметровую площадку до крыльца был самым опасным, но они преодолели его под визг сервомоторов и шальной посвист пуль.

Орудие все же успело развернуться и рявкнуло вслед, превратив крыльцо и главный вход офиса в уродливую, дымящуюся дыру, но им досталось лишь горячее дыхание взрывной волны – Сергей и Денис уже свернули за угол и бежали по длинному коридору без окон к лестнице, которая вела на второй и третий этажи.

* * *

– Они в здании!

Фрост злобно оскалился. Саймон сорвал с головы обруч

коммуникатора и пересел в другое кресло, спешно активируя нейросенсорные системы отдельно стоящего терминала, перед которым было установлено только два кресла.

Клаус тоже вскочил, но вдруг остановился посреди компьютерного зала, нарвавшись на ледяной взгляд Фроста.

– Извини, но там не поместятся трое…

С этими словами Доминик нажал на сенсор гашетки импульсной винтовки.

Тело Клауса конвульсивно задергалось, принимая удары пуль, он вскрикнул и начал оседать на забрызганный кровью пол.

– Быстрее, Фрост, они уже недалеко! – подстегнул Доминика голос Саймона, который дрожащими пальцами вставлял в свой височный имплант шунт нейросенсорного контакта.

* * *

На третьем этаже офиса, как раз там, где располагался компьютерный центр и кабинет полковника Грина, было тихо, только снизу, сквозь толщу перекрытий, доносились невнятные звуки завывания противопожарной сирены.

Заметив знакомый поворот, ведущий в центральный компьютерный зал, Денис внезапно изменил решение и рванул к нему.

Двери были плотно сомкнуты, но короткая очередь, посланная в панель электронного замка, выбила уродливую дыру на месте управляющей автоматики, и створки дверей задергались, то приоткрываясь на полметра, то смыкаясь вновь.

Дождавшись очередного такта открывания, Столетов проскочил внутрь.

Знакомый зал с прозрачными перегородками, разделявшими рабочие места «специалистов», показался Денису изуродованным до полной неузнаваемости.

Кто-то палил тут из импульсной винтовки, хрусткое крошево битого пластика ковром ложилось под ноги, посреди помещения лежало уже истекшее кровью тело, в котором, взглянув на искаженное мукой лицо, Столетов узнал одного из пятерых заключенных, кажется, его звали Клаус…

Было непонятно, что они тут делали, но двое зачинщиков: Доминик Фрост и Генрих Саймон – как ни в чем не бывало сидели в креслах за

отдельно стоящим терминалом.

Денис рванулся к Фросту, резко повернул его кресло и увидел, что Доминик, как минимум, находится без сознания, – его голова, с подключенным к височному импланту нейросенсорным соединением, безвольно свесилась набок, из уголка приоткрытого рта стекала на плечо струйка слюны.

Такой же вид был и у Саймона.

Что они пытались сделать в последние минуты штурма, когда стало ясно, что противопожарные переборки им не открыть, а космическая пехота уже преодолела тоннель, оставалось только гадать…

«Да Фрайг с ними, разберемся позже», – подумал Денис, обращая все внимание на главный терминал системы автоматической защиты офиса.

На тактическом мониторе отражался статус пяти объектов. Одно автоматическое орудие в данный момент вело огонь по расположенной внизу котловине, подле него застыли маркеры двух андроидов, и еще две боевые машины по-прежнему действовали внизу.

Денис, не садясь в кресло, зубами стянул перчатки и положил пальцы на сенсорную клавиатуру ввода.

Он не собирался разгадывать программные головоломки, при помощи которых пятеро преступников переподчинили себе компьютерные системы охраны офиса, – в данной ситуации капитан мог наверняка положиться лишь на один известный ему и не изменный ни при каких обстоятельствах код управления.

«Самоуничтожение».

Он набрал его, стараясь не ошибиться ни в одном символе цифрового пароля, и закончил командную строку сигналом «ввод».

Автоматическое орудие периметра захлебнулось, словно из управляющего им компьютера кто-то вынул программную волю.

Рядом зажглись тревожным красным цветом маркеры двух обездвиженных андроидов, внизу, среди руин произошло то же самое.

Бой был выигран, но какой ценой?

Столетов устало опустился в кресло и, переключив командную частоту коммуникатора, произнес:

– Хабаров, здесь командный один. Операция завершена. Повторяю: операция завершена, противник ликвидирован. Доложить о потерях.

Он переключился на прием, со смешанным чувством страха и надежды ожидая ответа от тех, кто оставался внизу, обороняя две бронемашины.

* * *

Полковник Грин пришел в себя, когда последние отголоски ночного боя уже отгремели.

Он не понимал, где находится и что происходит вокруг, в его сознании зиял чудовищный провал беспамятства.

Чуть повернув голову, он уловил стойкий кисловатый запах гари, витающий в воздухе, увидел сумеречные контуры городских руин и край носилок, к которым было пристегнуто ремнями его тело.

Внезапно в поле зрения вплыло знакомое лицо. Сержант Хабаров шел рядом с носилками и курил, его шлем был откинут на спину, на плечевых пластинах брони четко выделялись свежие выщербины от пуль, и от этих явных свидетельств недавно закончившегося боя на полковника разом обрушилась масса ощущений. Он услышал наконец отдаленный рык перегруженного мотора бронемашины и, скосив глаза, увидел яркие солнца фар, в свете которых плясала ухабистая, изрытая свежими воронками дорога.

Он не понимал, что с ним случилось, не знал, что произошло на Гефесте, но четко уловил окружавшие его детали, такие, как следы от пуль на фототропной броне, кисловатый запах взрывчатки и свежие, еще курящиеся дымом воронки вокруг.

Сознание рушилось в какую-то черную, неодолимую бездну *непонимания…*

– Сержант… – хрипло позвал он. Шагавший рядом Хабаров повернул голову. Несмотря на усталость, его лицо озарила тень улыбки.

– Пришли в себя, господин полковник?

– Был бой?

– Да. Эти наверху захватили управление периметром и дройдами.

– Все уже кончено?

– Да. Покрошили мы их. Капитану Столетову удалось прорваться наверх и отключить боевые системы, но мы к тому времени уже практически справились сами.

– Потери? Потери есть?

– Четверо раненых… – ответил Хабаров, опять устало улыбнувшись. – Тяжелых нет, так что все будет в порядке.

Тяжелых нет…

Одна из немногих фраз, что способна подарить командиру несколько секунд не познанного никем другим счастья.

* * *

Сержант ошибался, ведя счет потерям скоротечного ночного боя.

Была и невосполнимая утрата, и человек, который горестно и остро переживал ее…

Еще курились дымом воронки, щедро усеивавшие сектор обстрела орудия, которое работало по котловине до последней секунды боя, а между ними, вглядываясь в прогорклый сумрак, медленно шла девушка.

Ее глаза, свыкшиеся с полумраком, пытливо высматривали в темноте еще одного павшего в бою. В окрестных руинах догорали остовы подбитых боевых машин. Лужицы масла, натекшие из их пробитых сервоприводов, пропитали бесплодную землю и горели, воспламенившись во время боя от искр, фейерверки которых уже унялись, больше не били из-под расколотых пулями кожухов… и потому, наверное, скорчившиеся эндоостовы андроидов казались в темноте гротескными светильниками – голубоватое, чадящее пламя облизывало их, заставляя огрызки городских стен отбрасывать длинные, причудливые тени…

Дана шла вдоль знакомой улицы, но ее разум воспринимал окружающее как совершенно новую и незнакомую реальность.

Сколько непонятых событий промелькнуло вокруг, закружило ее, словно щепку, не спрашивая, хочет ли она принимать участие в них?..

Люди, спустившиеся с неба, были непонятны… они пугали ее своей властью над миром и странным непостоянством. Сначала безучастные, потом – сострадающие, но, как выясняется, – это они своим вторжением на Гефест породили эпидемию… и сами же вызвались помочь ее сородичам, потом вступили в бой, и унылая, неколебимая, как, казалось, действительность котловины стала вдруг похожа на тот воющий ад, что привиделся ей в электронном окне во время второй попытки свидания с Кристофером.

Она боялась окружавших ее людей. Дана откровенно страшилась того, что они останутся тут навсегда и ее жизнь потечет иначе, под чужую, навязанную диктовку, как в момент скоротечного боя, когда ей сказали: *«Ты можешь и должна…»*

Все в прошлом… Все уже закончилось… Так пыталось утешить ее подсознание, но глаза видели иное: чадящие эндоостовы сервомашин и свежие, курящиеся дымом воронки.

Больных на двух бронемашинах действительно увезли наверх, все

вроде бы улеглось… но девушка остро ощущала, что мир вокруг изменился, он стал страшным и неузнаваемым. Она испытывала в эти минуты такое одиночество, какого никогда не ощущала в прошлом… Дана не понимала, что чувство, осенившее ее, – это не одиночество, а отчужденность.

Она отчаянно искала зацепку, соломинку для своего сознания, чтобы связать его с этим новым прогорклым миром, где властны не законы медленного разрушения, а внезапные пришельцы…

Единственный подходящий образ, который она носила в себе, как ни странно, был связан с Кристофером Раули.

Он казался ей таким же одиноким, потерявшимся в этом мире и никому не нужным… Его душа выглядела заблудившимся призраком, таким же потерянным и дрожащим, как сама Дана.

В чем-то она обманывалась, в чем-то была права, ведь дройда никто не искал, о нем забыли в горячке событий, восприняв как факт его внезапное появление и такую же внезапную гибель, подарившую капитану Столетову и его бойцам драгоценные секунды для рывка в тоннель.

Прошло больше часа в безрезультатных поисках. У далекого горизонта котловины, там, где утренний туман смешивался с пепельными облаками Гефеста, уже начала заниматься полоска зари, когда она наконец увидела его. Изуродованный осколками корпус бытового робота-андроида лежал неподалеку от черного зева ведущего наверх тоннеля.

Сдержав вскрик, Дана бросилась к нему.

Глупая девочка…

Она видела Раули лишь однажды, когда его душа еще была заморожена непониманием собственной Вселенной, она тайком пробралась в *Логр*, совершив поступок, который граничил с техническим чудом, с одной стороны, и мог быть расценен как преступление против личности – с другой.

Она разбудила его душу своей простой, бесхитростной логикой, которая по наивности не делила мир на хорошее и плохое, полезное и бесполезное.

Она прикоснулась к нему своим разумом и навек прикипела, прильнула в мыслях, унося этот образ несостоявшегося бога, как новую частицу своей собственной души.

Он уже тогда показался Дане еще более несчастным, чем она сама.

Понимала ли девушка, что сострадает виртуальному отпечатку души циничного в прошлом убийцы?

И да и нет.

Она подозревала, что носимый в душе образ – это лишь частичка чего-то много большего, и ревущая реальность Омикрона-6, напугавшая ее до тошноты и заставившая бежать из комплекса офисных зданий, чуть приоткрыла черный полог тайн его души. Но все равно, вернувшись назад, в подземелья города, в привычный ей мир, она постоянно вспоминала о нем, гадала, что же теперь творится с Крисом, который, как ни крути, а все-таки подарил ей однажды это незабываемое ощущение счастья, когда мечта материализовывалась прямо перед нею, лаская ступни стебельками травы, вдали белел маленький домик, а сердце сладко сжималось в ожидании чуда…

Ее порог счастья был невысок.

Она знала, что все равно вернется туда, чтобы еще раз взглянуть в огромное электронное окно, но…

Он пришел сам.

Этой злой темной ночью, когда вокруг мелькали усталые, подавленные лица, когда смерть бродила кругами по руинам, выкашивая то тут то там остатки многострадальных зданий… пришел и сказал: *«Это я, Дана… Ты помнишь меня?»*

Она взглянула, разумеется, не узнала, но поверила.

В отличие от капитана Столетова и его бойцов, ей не показалась противоестественной подобная оболочка человеческой души, – откуда им было знать о жизни малышки, заточенной в канализационных подземельях погибшего города?

Конечно, они не представляли ни ее прошлой жизни, ни тех ассоциаций, что возрождали в душе воспоминания маленькой девочки…

Подземные уровни были похожи на царство тени, скверную проекцию *настоящей жизни* – там, в одном из тупиковых тоннелей, стоял точно такой же дройд, неподвижный, местами уже тронутый ржавчиной, молчаливый свидетель и терпеливый слушатель… ее большая детская игрушка, которой доверялись самые сокровенные тайны и мечты…

Космическим пехотинцам, одержавшим верх в скоротечном ночном бою, не было дела до ее душевных страданий. Они оказывали помощь раненым и больным, ждали рассвета, гадали о следующем приказе, понимая, что их жизнь лежит вне рамок этого захудалого, потерянного в космосе мира, а жизнь Даны, наоборот, протекала тут, у нее имелись свои понятия и образы… поэтому сервоприводное подобие человека не казалось ей таким уж диким, *неправильным* вместилищем для человеческой сущности. Только благодаря этому она поверила Крису, подчинилась его просьбе, помогла, превозмогая свой страх, а они… они бросили его

валяться в луже воды и масла…

Еще один минус в характеристике пришлых. Впрочем, претензий к ним и без того накопилось достаточно, стоило вспомнить десятки больных и безвестное число умерших от внезапной эпидемии…

Но сейчас ей было недосуг думать об этом.

С усилием перевернув корпус дройда, Дана с ужасом увидела, что у него не хватает головы, а грудь в нескольких местах пробита осколками, которые застряли в защитных кожухах, едва не добравшись до центрально сервомоторного узла и окружающих его кибернетических внутренностей.

Металлопластик был мокрым, скользким и ледяным на ощупь.

В свои двадцать с небольшим Дана хорошо знала, что такое смерть.

Средний возраст сегодняшних обитателей колонии колебался от тридцати пяти до сорока лет. Ощущение холода под дрожащими пальцами толкало разум к фатальной формулировке, но душа трепетала, не хотела верить, и внезапно, в такт глухим ударам ее сердца, трепетно зардел инфракрасный порт связи, спрятанный меж спутанных волос девушки.

Она звала его отчаянно, тщетно, пытаясь найти искру такой же трепетной, затухающей жизни среди холодного металла, пластика и кремния…

Не безумие ли?

Нет… Слово, сказанное самой себе, горячим шепотом обожгло душу.

Дана не умела программировать, но генетических способностей, полученных по наследству вместе с участком ДНК, под управлением которого в тканях зародыша формировались импланты, оказалось достаточно, чтобы ее мысленное рыдание, в котором слышалось лишь его повторяющееся имя: *Крис…* – автоматически преобразовалось в цепочки байт, переизлучаемых ее имплантами.

В ее мыслях бился горький крик, но там ясно и недвусмысленно формировалось страстное желание того, чтобы он ожил…

Упрямое отрицание реальности как неотъемлемое качество сострадающей, надеющейся на чудо души благодаря гению давно погибших генных инженеров несуществующей уже Зороастры, было трансформировано в четкое, грамотно сформулированное программное требование к уцелевшим системам дройда, импланты Даны излучали не рыдание или крик – они несли базовую команду, которая велела системе дройда действовать, искать связи в обход поврежденных цепей и участков позитронного мозга, расположенного за грудной клеткой андроида… И внутри человекоподобной машины действительно слабо заискрили контакты, что-то защелкало, переключаясь, пока рука человекоподобной

машины вдруг не начала конвульсивно сгибаться, загребая растопыренными пальцами сухую бетонную пыль…

Крис…

Она продолжала требовательно звать его, как делала это не раз перед омертвевшими навек приборами городского самообеспечения, и ее усилия медленно, но верно продолжали воздействовать на внутренние системы обезглавленного андроида.

Это был наглядный пример того, что не все, созданное в рамках преступающих официальный закон технологий, приносит вред. Данное утверждение доказывала сейчас Дана, чей геном содержал усовершенствования, сконструированные генными инженерами сожженной дотла Зороастры – планеты, где добро мешалось со злом в причудливом коктейле запредельных технологий.

Когда-то галактический патруль, осуществляя свою акцию, явно выплеснул вместе с водой не одного ребенка, но об этом предпочитали не говорить вслух.

* * *

Возвращение в мир в принципе не могло сопровождаться болью, но тем не менее он испытывал нечто сравнимое с этим ощущением, присущим исключительно биологическому телу.

Он чувствовал внутренний диссонанс, словно получивший травму больной, очнувшийся на реанимационном одре. События, предшествующие полной остановке систем, вращались, словно куски цветного стекла в калейдоскопе, причудливо смешиваясь с мозаикой более глубоких слоев памяти…

Кто я?..

Где я?..

Что произошло?..

Крис словно рождался заново, не находя ничего привычного ни в восприятии внешнего мира, ни во внутренних ощущениях.

Перед его мысленным взором мелькали какие-то пылающие узоры непонятных схем, возникали и вновь исчезали потусторонние сообщения об ошибках, сбоях программ, но… к чему все это?..

Наконец, где-то на периферии его электронного «я» возник тихий зовущий голос:

– Крис?..

Это было похоже на полуутверждающий вопрос, надежду, смешанную с некоторой долей требовательной уверенности…

Крис… Кристофер… Раули…

Это был внешний толчок. Он вспомнил себя, и тут же долгосрочная память преданно отозвалась шквалом четких образов-воспоминаний, словно была пружиной, поставленной на боевой взвод… и вот кто-то потянул спусковую скобу, освобождая внутреннюю энергию ударного механизма.

Он все еще лежал в луже воды и масла, его своевольная конечность по-прежнему скребла по сухому участку за краем лужи, но внутри искалеченной машины уже шли иные процессы, более осмысленные и целенаправленные…

Несколько секунд ему потребовалось на то, чтобы вспомнить последние события, дать им оценку и обратить внимание на встроенную систему, отслеживающую повреждения.

Сейчас его мало интересовала функциональная пригодность сервомоторного узла… Отсутствие головы и всех связанных с ней систем оптического восприятия также не имело решающего значения…

Процессор и память… Они функционировали, и это являлось главным.

Крис был отрезан, отключен от эмоций, но все же, воспользовавшись доступными аналогиями из прошлого, он умудрился испытать чувство безмерного удивления. На Гефесте нашелся кто-то, кто звал его, отыскивая среди обломков и трупов, звал по имени, искренне сострадая его безболезненной программной смерти…

Наверное, он не был достоин подобного сострадания… Капитан Столетов наглядно продемонстрировал ему, что ждет убийцу, попытавшегося вернуться в мир…

Он холодно и расчетливо послал его на смерть, без сострадания и моральных мук.

Наверное, поделом.

Слишком много призраков заключал в себе тот черный смерч, который, покидая *Логр*, Кристофер не решился оставить там, а унес с собой…

Как справедливо заметил Саймон, эти призраки составляли глобальную часть его воспоминаний, из которых вырастало понятие виртуальной души…

Призраки, преследовавшие Криса, являлись не чем иным, как градациями его постепенного морального обнищания, ступенями, которые,

как казалось, вели вверх по лестнице социального благополучия, а на самом деле он всю жизнь спускался вниз, в преисподнюю собственного равнодушия и цинизма…

Что толку в окружающей роскоши, когда меж образчиков комфорта и рукотворной красоты обитает уродливое ничтожество, поставившее себя выше всех, равнодушное, гордое, самолюбивое, полное извращенных представлений о собственном совершенстве?

Разве можно сострадать ему, выкрикивая проклятое имя среди хаоса безвременья и периодически возникающих в темноте отчетах о сбоях и ошибках внутренних систем…

– Крис… Это я, Дана…

«Она не знает меня, потому и зовет… Она не знает, что я один из тех, кто был властен над Гефестом, но равнодушно искал спасения от скуки и старческих болезней, когда они рождались и погибали тут, оторванные от мира, брошенные на произвол судьбы в пересохших тоннелях канализации, где еще мог удержаться под сводами глоток пригодного для дыхания воздуха…»

Она не знала этого.

Он-то думал, что судный день наступил в тот миг, когда его воспоминания ринулись наружу… но нет, быстро и осознанно перебрав их вновь, он понял, что не судил себя, а искал оправдания своим поступкам, пытался помириться с внезапно разбуженной поцелуем Даны душой, а судить себя по-настоящему он начал только сейчас…

– Дана… – просипел изувеченный динамик внутренней аудиосистемы дройда…

– Крис, я тут… Я слышу тебя!

– Бой… Бой закончился?

– Да, эти люди, что пришли к нам с неба, победили. Они поднялись наверх и увезли с собой всех раненых и больных. Тебя тоже надо отнести туда, верно?

– Нет… – Казалось, что он действительно хрипит, выдавливая эти слова сквозь сдавленное горло… – Спрячь меня… Не отдавай им…

– Но почему, Крис?!

– Все… Все только начинается, Дана… Ты не поймешь… Но я знаю это… Пусть они улетят… Спрячь меня…

– Хорошо, но ты… ты не умрешь… не отключишься? – тут же поправилась она.

– Нет. Со мной все будет в порядке.

– А что будет дальше, Крис?

– Будет жизнь… – прохрипел он. – Я обещаю тебе…

Глава 10

Колония Гефеста.
Комплекс офисных зданий.
Утро после ночного боя в котловине…

Здания бывшей резиденции господ Раули выглядели притихшими и обезлюдевшими, лишь Соломатов с Семеновым подбирали на дворе, перед входом, развороченным взрывом, обломки роботов да части металлических конструкций. Автоматика не работала, вся кибернетическая система офиса, казалось, полетела к Дьяволам Элио, после того как ее сначала взломали заключенные, а затем активировал капитан Столетов.

Фроста и Саймона вытащили из кресел, отсоединив их от нейросенсорных шунтов, но оба вели себя, словно великовозрастные дети, – пускали слюну и с трудом удерживали головы в вертикальном положении. Тест, проведенный на уцелевшей аппаратуре, дал отрицательный результат – они не симулировали, оба в действительности лишились рассудка.

Их поместили в низкотемпературные ячейки, соблюдая все предосторожности подготовки к процессу криогенного сна, и перепоручили два контейнера с телами преступников заботам автоматических систем космического корабля, который по-прежнему возвышался на посадочной площадке подле зданий.

Капитан Столетов, как только окончательно рассвело, спустился вниз к окраине города и долго бродил меж воронок, подбирая с земли какие-то обломки. Потом, отыскав наконец среди перепаханной взрывами земли оторванную и помятую голову робота-андроида, он завершил поиски и поднялся наверх.

Грин все это время не выходил из своего кабинета. Подключенный к автоматике персонального ложа Вениамина Раули, полковник лежал, пытаясь навести хоть какой-то порядок в собственных мыслях…

Он вздрогнул, когда в дверь осторожно постучали, но дотянулся до пульта дистанционного управления и открыл бронированные створки.

– Привет, командир. – В кабинет вошел Столетов с черным свертком в руках. Грина неприятно поразил вид плотной пленки, из которой обычно изготавливали полиэтиленовые мешки для трупов.

Положив свою ношу на стол, Денис развернул сверток. Там оказалась

помятая, пробитая в одном месте навылет голова андроида и несколько угловатых фрагментов грудного кожуха с клеймами серийных заводских маркировок.

Заметив вопросительный взгляд полковника, капитан пояснил, усаживаясь в кресло:

– Это останки того дройда, который вытащил тебя с возвышенности. Пока мы с ним беседовали, перед самой атакой, я успел разглядеть вот этот серийный номер. – Он выразительно постучал пальцем по вдавленному лбу отчлененной механической головы.

Полковник некоторое время молчал, глядя в потолок, а потом произнес, не меняя позы:

– Я ничего не помню, Денис.

Столетов посмотрел на бледное лицо Грина.

– Тогда мы в полном отстое, командир. Операция сорвана, заключенные погибли, аппаратура частично разрушена, а частично выведена из строя терминирующими программами…

– Ты свою задачу выполнил, капитан. – Грин повернул голову, отрывая взгляд от белого потолка. – Людей спас, бойцов сберег. Это я… – начал было он, но Денис оборвал слабую попытку самобичевания:

– Извини, командир, маленькая поправка. – Он машинально прокатил голову андроида от одного края стола до другого. – Ты знаешь, кто эти люди из остаточного поселения?

Александр отрицательно покачал головой. Целые сутки выпали из его сознания. Он не мог понять, как это произошло. Сидя в своем кабинете, он составлял отчет для Белова и уже начал передачу первого пакета данных по виртуальному каналу связи, как вдруг внезапная боль вспыхнула в голове, и сознание моментально погасло… чтобы вернуться спустя много часов, когда бой уже отгремел, а он каким-то образом оказался среди руин города, откуда его выносили бойцы капитана Столетова.

– Они потомки жителей Зороастры, бежавших с планеты перед самой зачисткой.

Грин присел, не обращая внимания на глухую боль в голове.

Вот это была новость…

Еще одна дилемма, добавившаяся к списку тревожащих душу, наболевших вопросов. Мало того, что обнаружение тут остаточного поселения аннулировало сделку по Гефесту: закон «О правах разумных существ» четко прописывал пункт, в котором значилось, что планета при таких обстоятельствах принадлежит населяющим ее людям, а теперь…

– Ты понимаешь, чем это пахнет, командир? – нарушил болезненный

ход его мыслей голос Столетова.

– Приблизительно…

– «Приблизительно» не годится, – возразил Денис. – Я сам видел некоторые любопытные штуки, например врожденные импланты у этой девушки, которая захлопнула двери медицинского модуля с дистанции в два километра, просто подумав об этом. Как только данный факт получит огласку, сюда налетят не представители гуманитарной миссии Совета Безопасности, а ребята из отдела по борьбе с незаконными биотехнологиями.

Грин бессильно откинулся на подушки.

– Что ты предлагаешь, Денис? – хрипло спросил он. – Произвести планетарную зачистку своими силами? А потом, пользуясь нашими «легендами», вернуться из отпусков?

Столетов хмуро посмотрел на командира.

– Знаешь, что сказал мне этот дройд, который представился как Кристофер Раули?.. – Денис снова с грохотом прокатил по столу отчлененную голову машины.

– Ну? – болезненно поморщившись от неприятного звука, спросил Грин.

– Он сказал, что обещал тебя вытащить из-под носа Фроста, и, кстати, выполнил свое обещание. Теперь подумай, *кому* он мог дать подобный зарок, когда тут оставался только ты да пятеро заключенных?

После его слов в кабинете повисла звонкая, гнетущая тишина.

Не дождавшись немедленной реакции, капитан встал.

– Это для отчета, – указал он на изуродованную голову андроида. – Подумай над тем, что я сказал, командир, но знай – убивать людей, которых вытаскивал вчера из-под огня, я не стану, будь они хоть трижды зороастрийцами. Дети, в конце концов, не отвечают за своих родителей, и я не вижу в них врагов нашей драгоценной Конфедерации.

* * *

Дверь кабинета закрылась за капитаном Столетовым, а Грин еще несколько минут лежал, глядя на изуродованную голову андроида и несколько опаленных фрагментов его корпуса.

Значит, это все, что осталось от Кристофера Раули?..

Не стоило ломать голову, какими извивами обстоятельств разум Криса был «выдавлен» из собственной Вселенной и вынужденно перекочевал на

носители дройда. Грин подозревал, что не узнает этого никогда. Для него операция была окончена, оставалось только расставить последние точки над «и».

Столетов был прав – Грин знал лишь одного человека, которому Раули мог что-то пообещать.

Подтянув к себе пульт дистанционного управления, он включил терминал и вышел на выделенный канал Гиперсферной Частоты. Манипулируя электроникой, он на этот раз не воспользовался шунтом нейросенсорного контакта.

Налаживая связь, Александр ожидал увидеть на осветившемся экране недовольное и усталое лицо генерала Белова, но ошибся – вместо получения изображения система начала прием файлового пакета данных.

Отправление было шифрованным, но Александр имел ключ и потому спустя несколько минут смог прочесть истинный текст сообщения:

«Полковнику Грину.

Секретно.

Операцию свернуть. Личный состав подразделения возвращается по условленной схеме отхода. Населению колонии оказать посильную помощь перед отлетом. Мероприятий по зачистке не проводить. Сообщить потери личного состава и состояние группы исполнителей. Отдельно доложить подробности по бытовому андроиду серии 463-гн-15.

Белов».

* * *

Петр Алексеевич находился у себя в кабинете, когда заработала ГЧ-связь и на Гефест ушла заранее подготовленная шифровка.

В данный момент ему нечего было сказать Грину – генерал, несмотря на весь свой опыт и самообладание, до сих пор не мог опомниться от событий, которые произошли в виртуальном пространстве несколько часов назад, когда на далеком Гефесте наступал вечер и ничто не предвещало ночного боя.

Его личная карьера и вместе с ней весь здравый смысл операции, направленной прежде всего на благо человечества, вот уже десять часов как были поставлены под вопрос.

Спустя некоторое время вновь заработал ГЧ-передатчик, и генерал поспешно сел в кресло за терминалом. Как он и ожидал, пришла шифровка от Грина.

«Генералу Белову.

Потерь среди личного состава нет. Отход по указанной схеме подтверждаю. Группа исполнителей самоликвидировалась. Андроид серии 463-гн-15 уничтожен в ходе боестолкновения. На месте его гибели обнаружены фрагменты машины с соответствующей маркировкой.

Грин».

* * *

Прочитав шифровку, генерал откинулся в кресле, глядя в темные глубины стереоэкрана, и время будто открутилось назад под его тяжелым взглядом…

…Пять часов утра по местному времени Элио.

Он точно так же сидел перед терминалом, ожидая получения отчета от полковника, который послал предупреждающий сигнал по ГЧ, сообщая, что на Гефесте возникли непредвиденные обстоятельства: обнаружено остаточное поселение людей.

В 5.30 запищал сигнал связи. Белов по привычке машинально воткнул шунт нейросенсорного контакта в свой имплант – это была элементарная мера предосторожности, гарантировавшая, что разговор не прослушает никто из посторонних, ведь беседа двух призраков в виртуальном пространстве не сопровождалась ни звуком речи, ни артикуляцией губ.

Войдя в виртуальную реальность, генерал оказался на обычной поляне посреди лесопарковой зоны. Грин и Белов встречались тут регулярно. Он подождал, пока стабилизируется фантомная среда и на деревьях, окружающих поляну, перестанет шуметь листва, что являлось сигналом полного включения защиты.

Легкий ветерок стих, и генерал обернулся.

Перед ним в трех шагах стоял не полковник Грин, а совсем иной человек. Среднего роста, худощавый, одетый в легкий спортивный костюм. Его лицо было смутно знакомо Белову, но в первый момент внимание генерала сосредоточилось не на нем, а на снайперской импульсной винтовке с компьютерным прицелом, которую держал в руках самозванец.

В следующий миг сработала профессиональная память, и Белов узнал *Кристофера Раули,* одновременно осознав, что перед ним не программный глюк, а вполне самостоятельный фантом, вторгшийся в виртуальное пространство поляны, несмотря на многочисленные программы защиты…

Крис еще не сказал ни слова остолбеневшему генералу, но тот уже

понял – вся тщательно спланированная и успешно протекающая операция внезапно вышла в неуправляемую стадию, и причиной тому послужило не обнаружение остаточного поселения людей на Гефесте, о котором сообщал Грин, а нечто более серьезное…

Они смотрели друг на друга, и у Белова что-то леденело в груди от пронзительного взгляда Раули – не было сил, чтобы заставить свою руку подняться и вырвать шунт нейросенсорного контакта из разъема височного импланта.

Крис явно угадал его состояние и мысли.

– Не делайте этого, генерал, – спокойно предупредил он, поднимая ствол импульсного оружия на уровень лба своего собеседника.

Белов был неробкого десятка – утраченное на мгновение самообладание уже вернулось к нему, и потому Петр Алексеевич посчитал, что действительно не стоит грубо обрывать контакт.

– Это смешно, Раули, – произнес он, глядя в темный зрачок электромагнитного компенсатора. – Мы ведь не в реальном мире, чтобы вы могли…

– Могу… – спокойно заверил его фантом. – Вспомните смерть адмирала Моргана. Загадочная кончина, верно?

У Белова по спине проползли крупные мурашки – он действительно не понаслышке знал об упомянутом случае. Это было десять лет назад, тогда Белов в звании полковника только начинал свою карьеру в ведомстве внешней разведки и ему пришлось выехать на место происшествия.

…Картинка десятилетней давности стояла перед глазами, будто это было только вчера. Седой, коротко стриженный затылок адмирала, шунт нейросенсорного контакта в виске, глухая обстановка кабинета, расположенного в сорока метрах под землей, и сосредоточенное лицо эксперта-медика.

– Обширное кровоизлияние в мозг, – произнес тот, глядя в окошко сканера.

– Тебя что-то смущает, Криган? – спросил Белов, заметив тень недоумения на лице эксперта.

– Тут два очага, господин полковник. В диаметрально противоположных точках. Основное кровоизлияние произошло в лобных долях и еще один микроинсульт в затылочной области. Похоже на контрольный выстрел снайпера, не находите? – провел аналогию эксперт.

Белов тогда только фыркнул в ответ. *Какой, к дьяволам Элио, снайпер в кабинете без окон в сорока метрах под землей?*

Конечно, он не брал в расчет висевший на стене экран, куда

транслировалось изображение уступчатой громады небоскребов Раворграда.

– …Это сделал я, – спокойно сообщил ему Раули. – Если бы десять лет назад вы внимательнее отнеслись к своим обязанностям, то нашли бы в виртуальном пространстве за псевдоокном нечто подобное вот этому. – Палец Раули погладил пластик импульсного оружия. – Через шунт нейросенсорного контакта можно ударить в любую точку мозга, нужно лишь обладать специальной программой, которую я предпочитаю облекать в привычный образ оружия. Так проще работать.

По седому загривку генерала скользнул озноб – ощущения не страха, но торжества. Белов понял – Раули не блефует, а значит, наступил-таки момент истины! Та реакция, которой он добивался, ставил целью всей операции!.. Значит, Грину удалось расшевелить фантомную сущность этого негодяя, заставить его действовать, засвечивая те потенциальные возможности, которые предоставляет Вселенная *Логра* заключенному в ней разуму!..

– Думаете о том, как ловко поимели меня, генерал? – спросил Крис. – Составляете мысленный отчет? Тогда включите в него ряд следующих фактов: незаконное вторжение на носители *Логриса*, нарушение тайны личности, преступное давление на разум усопшего, освобождение пожизненно приговоренных и, в конечном итоге, – непреднамеренный геноцид местного населения, – на Гефесте сейчас бушует эпидемия, в результате которой, несмотря на усилия ваших солдат, выживших будет в три раза меньше, чем скончавшихся.

Белов молча выслушивал его слова, в то время как в сознании Петра Алексеевича ощущение победы медленно таяло, сменяясь на совершенно противоположное чувство…

– Чтобы вы не обольщались, генерал, я подготовил несколько файловых пакетов с подробной информацией на эту тему, – произнес Крис. – У меня нет гарантий, что наш разговор окончится положительно, и тогда файлы уйдут по назначению.

Белов привык соображать быстро, но на сей раз цейтнот оказался жестким, и до него с опозданием начало доходить, что призрак пытается надавить на него, прижать к стене! Кристофер Раули пришел сюда не для того, чтобы убить, из личной мести или ненависти, а…

– Какого дьявола? – вырвалось у Белова.

– Такого, генерал, что вы плохо спланировали операцию. Вы подобрали скверных исполнителей, и эти провокации с харамминами были убогими. Вы ничего не знаете про *Логрис* и не узнаете никогда.

Его спровоцировал не Грин…

Белов никогда не был упрямым ослом, он обладал гибкостью мышления и мог реагировать на ситуацию. Оглянувшись, он присел на пенек и спросил:

– Что произошло на Гефесте, Раули?

Кристофер принял предложенное перемирие.

Эволюция его души уже прошла определенные стадии, и Крис успел понять, что выстрел импульсной винтовки зачастую ставит лишь точку в вопросе, но не решает его.

– Вы сами подбирали компьютерных специалистов? – спросил он.

Белов кивнул. Не было смысла отпираться.

– Плохая работа, – произнес Раули. – Доминик Фрост узнал меня, мы встречались при жизни, – лаконично пояснил он. – Я спокойно сносил ваши тесты, пока он, улучив момент, не вломился ко мне на пару с Генрихом Саймоном. Они умудрились написать программу, способную уничтожать участки виртуальной структуры *Логра*, и продемонстрировали ее в действии. Вот это была *настоящая провокация,* на которую я был вынужден реагировать.

– Зачем они приходили? – мрачно спросил Белов, осознавая, что появление Раули на конспиративной виртуальной поляне уже не может расцениваться им как результат эксперимента, – это скорее походило на жест доброй воли со стороны почившей души наемного убийцы…

– Они приходили, чтобы «заказать» полковника Грина, – ответил Крис, выразительно указав взглядом на импульсную винтовку в своих руках. – Нужно сказать, у них нашлись веские доводы, чтобы склонить меня к сотрудничеству.

– Что с ним? – встрепенулся Белов.

– Пока – ничего. Он лишь пытается разобраться, что случилось с аппаратурой, которую я занял для визита сюда. Диспозиция такова: Грин в своем кабинете, Фрост и его соратники на наблюдательном пункте. Весь личный состав охраны во главе с капитаном Столетовым внизу, спасают тех поселенцев, кто еще не умер от внезапной эпидемии. На меня надавили и ждут устранения Грина. Если я не исполню «заказ» Доминика Фроста и не открою двери кабинета полковника в течение ближайшего получаса, то они уничтожат мою личность. Способ, каким они это сделают, я уже видел. – Раули позволил себе усмехнуться. – Вы задействовали не тех людей, генерал, и были заранее обречены на бунт и саботаж.

Белов понимал, о чем говорит Крис, и потому молча сглотнул упрек в некомпетентности.

– Они убьют вас, Кристофер, – сделал он встречный выпад. – Так или иначе – убьют.

– Попытаются убить, – спокойно парировал Крис. – Жизнь, прожитая по волчьим законам, не оставляет места для иллюзий, тем более в моем сегодняшнем состоянии. Потому я предлагаю сделку.

Белов нахмурился, выигрывая секунды для осмысления услышанного.

– В чем ее суть? – наконец спросил он.

– Я аккуратно стреляю в полковника, с наименьшим вредом для здоровья, и вытаскиваю его в расположение капитана Столетова, после того как Фрост убедится в том, что он стал хозяином положения, и, сняв ошейник, кинется взламывать компьютерную систему офиса. Это даст мне лимит времени, чтобы собрать свою личность и убраться с носителей *Логра* до того, как Фрост заявится туда по мою душу.

– Но тогда они станут хозяевами в зданиях на возвышенности!

– Это неизбежно, – покачал головой Раули. – Они атакуют кабинет Грина так или иначе. Осталось меньше получаса. Я могу сохранить жизнь полковнику и, убравшись с *Логра*, вытащить его с территории офиса, остальное – дело ваших компехов, которых я постараюсь проинформировать.

– Куда ты денешь свою сущность, Раули? Это ведь огромный объем информации… – Белов не заметил, как перешел на «ты».

– В кабинете Грина стоит симпатичный бытовой дройд. Попробую влезть в него, а дальше – как повезет. Если ваши бойцы справятся с проблемой – вернусь назад, в *Логр*. – Крис взглянул на часы. – Решайте, генерал, да или нет, осталось двадцать минут. – Его голос вдруг приобрел металлические нотки.

Белов размышлял не более нескольких секунд.

– Да, – вынужден был согласиться он, не отыскав за это время более приемлемого выхода из обрисованной ситуации, сложившейся на Гефесте. – Последний вопрос: что я должен буду отдать в обмен на сотрудничество?

Кристофер был заранее готов к ответу.

– Оставить Гефест в покое, – произнес он. – Гефест, его жителей и мой *Логр*. Ваш эксперимент закончен.

– Безрезультатно?

Крис усмехнулся:

– Вы настырны, генерал. Хотите напоследок вырвать то, чего не сумели выжать своими убогими экспериментами? – Он на мгновение задумался, а потом произнес: – Хорошо, у меня есть еще пара минут…

Если бы вы правильно наблюдали за мной, генерал, то увидели бы, как душа Кристофера Раули варится в бесконечном аду воспоминаний, вновь и вновь переживая агонию своих жертв. – Крис выговорил эти самоуничтожающие фразы медленно и спокойно. – Не знаю, кому будет полезна такая правда, но могу заверить, что полноценное существование души на электронном носителе невозможно. Это либо полная статика, равнодушие, отсутствие каких-либо желаний, что я правдиво продемонстрировал полковнику Грину, либо бесконечная, однообразная и утомительная прокрутка хранящихся в памяти событий и эмоций, где ты не можешь ни на йоту изменить чувства, сопутствующие тем или иным событиям. В *Логрисе*, да и на любом другом аналогичном носителе, сможет чувствовать себя комфортно только тот, кто прожил счастливую жизнь в реальности.

Он искоса посмотрел на Белова и добавил:

– Вы выполнили свою задачу, генерал. Ответ на все вопросы вашего эксперимента дал не я, а вы сами вкупе с Домиником Фростом и его компанией. На самом деле мир мертвых ничем не угрожает миру живых – электронные личности равнодушны, так как у них нет тел, нет биохимии, побуждающей чувства, нет стимула для страстей и поступков. Но статус-кво сохраняется лишь до тех пор, пока живые сами не начинают вторгаться в мир призраков, перекидывая мостики в иную реальность, тревожа души усопших… – Крис усмехнулся и заключил: – Вот – правда, а что с ней делать – решайте сами… – Призрак Раули вдруг начал терять свои очертания. – Если все сложится, еще увидимся, генерал.

Часть III. ГРАНЬ РЕАЛЬНОСТИ

Глава 11

Колония Гефеста.
Неделю спустя после старта общевойскового транспорта.
Район высокогорья, на границе двух биосфер…

Старый десантно-штурмовой модуль с полустершейся маркировкой военно-космических сил колониальной администрации Аллора на борту стоял, чудом приткнувшись на более или менее ровном скальном выступе, козырьком нависающем над бездной пропасти.

Все люки старого корабля были плотно закрыты, габаритные огни погашены, в бронеплитах обшивки виднелись несколько оплавленных дыр, одну из которых, судя по следам помета, облюбовало птичье семейство, – возможно, последнее, которому удалось выжить в суровых горах, на границе смешения двух атмосфер.

Десантно-штурмовой модуль стоял здесь много лет; казалось, что он давно превратился из функционального аппарата в мертвый памятник минувших событий. Внешне он создавал точно такое же впечатление, что и расположенные в предгорьях старые буровые комплексы: брошенный, никому не нужный, отслуживший свое и теперь медленно разрушающийся образчик техники, какой полно в покинутой людьми котловине.

Однако кто-то вспомнил про него после нескольких десятилетий забвения… более того, сутки назад бортовой компьютер модуля получил долгожданный и недвусмысленный приказ на радиочастоте, подтвержденный правильным цифровым паролем.

«Реактивация», – вот что гласил приказ.

Кажущаяся нефункциональность машины была на поверку лишь маской времени.

Когда-то, израсходовав все планетарное топливо, кибернетическая система модуля, отсчитав положенный лимит времени, автоматически ввела корабль в режим резерва, понизив мощность ядерного реактора до того минимума, который обеспечивал скромные потребности самоподдержания законсервированных систем. Военная техника в этом плане отличалась высокой степенью надежности и живучести – автономный аппарат такого типа мог стоять веками в ожидании своего часа, когда придет кто-либо из людей, знающий коды управления, и разбудит его.

И вот долгожданный сигнал поступил.

* * *

Пока внутри десантно-штурмового модуля, когда-то принадлежавшего военно-космическим силам колониальной администрации Аллора, шли процессы реактивации основных узлов и агрегатов, по дну ущелья, над которым нависал упомянутый скальный выступ, медленно продвигалась странная пара – это была девушка, ведущая за руку обезглавленного, поврежденного человекоподобного робота бытовой модели.

Невзирая на отсутствие головы, дройд передвигался достаточно уверенно – встроенная в корпус система тепловидения помогала ему безошибочно ориентироваться в окружающей обстановке, а поврежденный и оттого дребезжащий динамик аудиосистемы позволял вести разговор со своей спутницей.

Они беседовали уже давно, всю дорогу, за исключением тех часов, когда Дана, устав от очередного длительного перехода, засыпала, положив голову на колени дройда, который специально усаживался в тени какой-либо скалы, чтобы жаркое в это время года солнце Гефеста не донимало ее своими безжалостными лучами.

В первые дни путешествия, когда они только покинули разрушенный город и двигались вдоль старой асфальтированной дороги, ведущей мимо заброшенных нефтеперерабатывающих комплексов к скальному массиву, окольцовывающему котловину, их разговор шел на отвлеченные от реальности Гефеста темы. Крис рассказывал девушке об обитаемой Галактике, иных планетах, истории космического развития человечества, а Дана лишь слушала его, жадно впитывая новые и зачастую не совсем понятные ей сведения… но по мере приближения угрюмых скальных массивов общие темы закончились, и они понемногу перешли к вопросам, более близким, животрепещущим, так или иначе волнующим обоих.

Электронный отпечаток души Кристофера Раули, помещенный на носители искалеченного бытового дройда, по-прежнему мыслил логично, рационально, но в его разумных выкладках относительно того или иного вопроса, нет-нет, да и проскальзывали едва различимые в скверно синтезированном голосе нотки эмоционального восприятия.

Или это только казалось Дане, и она просто выдавала желаемое за действительное?

Сложно было описать внутреннее состояние и мироощущение девушки. Ее разум уже однажды справился с оценкой внезапных,

критических событий, участником которых она стала сначала поневоле, а затем уже вполне сознательно.

Теперь ей предстояло новое испытание.

Под безжалостными оценками Криса привычный мир Гефеста медленно и уродливо видоизменялся, постепенно представая перед ней в своем истинном свете.

Жалкое, недостойное проживания, позабытое богом и людьми место, где влачили свое существование она и еще несколько сот подобных ей, так называемых «остаточных поселенцев».

Все они, по словам капитана Столетова, являлись мутантами – людьми с измененной генетикой, доставшейся по наследству от предков, которые эмигрировали когда-то с далекой и непонятной планеты Зороастра. Дана так до конца и не поняла, почему по законам царящего в космосе галактического сообщества, в самом факте их существования уже заключалось преступление, но она с радостью и внутренним облегчением приняла его обещание улететь и навек забыть это место, оставив в покое маленький, явно вырождающийся анклав обитателей котловины.

Ее нисколько не пугала оброненная им вскользь фраза о том, что через поколение они попросту вымрут, в полном соответствии с постулатом о минимальном количестве особей, способных удерживать генофонд колонии от вырождения.

Слишком сложно, призрачно и туманно – такой была ее мысленная оценка слов капитана Столетова. Она еще не привыкла мыслить в масштабах времени более глобального, чем понятия «вчера», «сегодня», «завтра»…

Трудная наука лежала впереди, а пока она шла, не то поддерживая, не то сама опираясь на руку обезглавленного дройда, к невидимой отсюда, но уже известной ей цели.

Крис задумал еще раз обмануть смерть, и она искренне собиралась помочь ему в этом…

…Они поднимались по крутой горной тропе, проложенной когда-то животными, а теперь едва угадывающейся среди камней, когда дройд внезапно заговорил, нарушив стоявшую вокруг тишину.

– Мне будет нужна капля твоей крови, – глухим, надтреснутым голосом произнес он.

Дана удивленно повернула голову:

– Зачем?

– Если мне удастся задуманное, то, воскреснув, я не хочу отличаться от тебя.

– В каком смысле? – Она удивленно повернула голову. – Ты хочешь изменить внешность?

– Нет, – глухо прозвучал ответ дройда, который «чревовещал» своим скрытым в грудной полости динамиком. – Я хочу получить те генетические мутации, о которых говорил тебе капитан Столетов.

Дана ненадолго задумалась, прежде чем дать ответ. Ей не было жалко капельки своей крови для Криса, вопрос заключался в ином…

– Ты хочешь стать изгоем? – Она употребила это слово из лексикона капитана космической пехоты скорее интуитивно, чем осознанно, но по смыслу попала в самую точку.

– Я и так изгой, – ответил ей Крис. – Изгой и преступник.

Дана остановилась. Разговор внезапно вступил в ту фазу, которой она подсознательно ждала и боялась одновременно. Ранее они не касались темы прошлого Криса, и вот этот момент настал…

– Почему ты называешь себя так? – спросила она, не зная, в какую точку изуродованного человекоподобного тела ей смотреть.

– Потому что я был убийцей, когда жил среди людей, – спокойно ответил он.

Дана потупила взгляд.

Откровенно говоря, ей было все равно, кем в прошлом являлся Крис. Она запомнила его сгорбившимся, сидящим в кресле и глядящим в одну точку перед собой, на белой как мел стене. Этот образ так глубоко врезался в память, что его не могли поколебать ни последующие события, ни любые грядущие откровения.

– Я считал, что действую правильно, – несмотря на ее смятение, продолжил обезглавленный дройд. – Меня окружал жестокий мир, в котором, как мне казалось, выживал только сильнейший, а остальные просто существовали, подобно теням. – Он прошел еще несколько метров, но, заметив, что Дана отстала, тоже остановился и обернулся к девушке.

Они только что вскарабкались на небольшой выступ скалы, и теперь дно ущелья уже не стелилось под ноги, а змеилось внизу темной извилистой расселиной, на дне которой смутно угадывались россыпи острых камней.

– Вся жизнь – игра со смертью, с адреналином, превратившимся в наркотик, без которого уже не можешь… хотя задавленный в себе страх, постоянное торжество над ним, над инстинктом самосохранения, в конечном итоге порождает надменность и скуку, – продолжил андроид начатую мысль. – Ты находишься вне общества себе подобных: либо паришь над ним, либо ползаешь, прячась, твой мозг всегда настороже, но

та золотая середина, в которой живут миллиарды иных людей, кажется тебе еще худшим видом существования, чем взлеты и падения по синусоиде удачи. Умирая, я ни о чем не жалел, я старался обмануть смерть и искренне считал, что это мир сделал меня таким, каков я есть…

– А в *Логре* ты понял что-то иное? – тихо спросила Дана, страшась смотреть на изуродованную человекоподобную фигуру, застывшую на краю обрыва, подле пропасти.

– Да, – утвердительно ответил он. – Там от моей логики отняли чувства, которые зачастую двигали ею, в результате этого упали все ширмы, скрывающие правду, и я смог увидеть события такими, какими они были на самом деле. – Он немного помедлил и добавил: – Я Раули – тебе это ни о чем не говорит?

На лбу Даны появилась едва приметная вертикальная морщинка.

– Так звали тех, кто основал колонию на Гефесте?.. – внутренне вздрогнув, ответила она вопросом на вопрос.

Дройд сделал слабый утверждающий жест своей изуродованной правой конечностью.

– Жизнь вынуждает плыть по течению только слабых людей, – глухо прозвучали его слова. – Я же на поверку оказался сильным и лишь оправдывался тем, что совершать определенные поступки меня заставляли обстоятельства. – Он пнул камушек, и тот беззвучно канул в серую, разверзшуюся внизу бездну. – На самом деле не судьба правит большинством людей, а люди сознательно создают свой фатализм и потом покорно подчиняются ему. Если бы мой дед, отец, братья, да и я сам не были эгоистами, думающими лишь о себе, то этот мир – он сделал неопределенный жест, охватывающий пространство вокруг, – был бы совсем иным, и ты, Дана, не росла бы в канализации, среди крыс и высохших нечистот.

На глазах девушки вдруг выступили слезы.

– Зачем ты рассказываешь мне все это? – сдерживая внезапно подступившую к горлу удушливую горечь, спросила она.

– Не зачем, а «почему», – поправил ее обезглавленный дройд.

– Почему? – послушно переспросила она, не понимая, зачем ему нужно было затевать этот разговор…

– Потому что ты лучше меня, – внезапно признался Крис. – Скажи, если бы ты знала, что я выходец из семьи правивших тут людей, стала бы ты искать искалеченного дройда после боя?

– Да, – не задумываясь, ответила она. Замолчав, Дана прикусила губу, все еще пытаясь унять внезапно нахлынувшие на нее чувства. Зачем?..

Зачем он так говорит? Она не могла объяснить даже самой себе того, что творилось в ее душе на протяжении многих дней, с момента, когда она, задыхаясь от страха и усталости, преодолела запретный порог законсервированных офисных зданий…

Она шла к своей мечте, и ни одно событие, произошедшее позже, не могло вытравить из ее души глобальное ощущение счастья, испытанного в кьюиганской залитой солнцем цветущей степи.

…Взгляд вокруг сквозь дымку навернувшихся слез показал ей серые, угрюмые скалы, обезображенную человекоподобную машину, внутри которой странным образом оказалась заточена душа призрака, к которому она однажды пришла, ступая по ласковой шелковистой траве…

– Зачем ты хочешь вернуться в мир? – Вопрос, сорвавшийся с ее губ, прозвучал робко и горько, словно дуновение отравленного испарениями вулканов ветерка.

– Этого я тебе сказать не могу… Пока не могу… – Дройд запнулся, подбирая формулировку. – Я не знаю, как поведет себя мой разум, когда к нему вновь подключатся метаболические стимуляторы живого тела, – наконец признался он. – Понимаешь? Я не уверен в самом себе, поэтому и рассказываю тебе ту правду, которую успел узнать, став безэмоциональным набором байт. Я был страшным человеком, Дана, и твоя помощь, может быть, воспроизведет монстра, все вернется на круги своя под моей черепной коробкой, и…

– Что ты предлагаешь мне сделать? – внезапно оборвала она Криса.

Он чуть отклонил корпус и указал обрубком правой руки на темнеющий выступ скал.

– Я рассказал тебе о мире и о себе. Не все, конечно, но то, что успел. Теперь ты должна понимать, что в тот день, погрузившись в виртуальную реальность, ты пришла не к богу, которого придумала, а к душе убийцы, который боялся пошевелить хотя бы байт своих воспоминаний, чтобы не оказаться сожженным в их аду.

– Да, я понимаю это.

– Тогда ты должна бежать от меня сломя голову, страшиться того, что я задумал, а не помогать мне.

– Хочешь, чтобы я столкнула тебя в пропасть? – внезапно ожесточилась Дана. В ее глазах по-прежнему блестели едва сдерживаемые слезы. Она действительно сделала шаг навстречу Крису, резко вскинула руки, а он стоял на краю скального выступа, куда они только что взобрались по крутой осыпающейся тропе, и его процессор уже обсчитывал траекторию падения, хрусткий удар об острые камни,

усеивающие дно ущелья, и…

Закономерный конец для последнего отпрыска Раули, наемного убийцы по прозвищу Скарм.

Удар о камни и долгое, медленное ржавение под ядовитыми дождями…

Руки Даны коснулись его плеч, и она… обняла железного монстра.

– Не надо больше испытаний, Крис… Прошу тебя… – Слезы наконец вырвались на свободу, хлынув по ее щекам. – Я… Я хочу увидеть тебя живым, настоящим, понимаешь?

Он не нашелся, что ответить ей.

Ни чувства, которые он *помнил*, ни железная логика машины, которой он владел в данный момент, не могли объяснить ему мотивов ее поступка.

Скарм был слишком жесток, а машина слишком холодна, чтобы кто-то из них мог понять, как один человек может полюбить не оболочку, а *душу* другого человека, полюбить внезапно, необъяснимо даже для самой себя…

– Пойдем… – сипло выдавил искореженный динамик аудиосистемы дройда.

* * *

Старый десантно-штурмовой модуль нисколько не изменился за прошедшие десятки лет – все так же стоял, чуть накренясь вбок, опираясь на просевшие амортизаторы телескопических опор, и лишь его броня заметно потемнела, утратив былой глянец.

Вид башенного орудия, стволы которого в данный момент были втянуты внутрь и закрыты пластиковым чехлом, все же пробудил у Даны четкие, неприятные воспоминания той ночи, когда подразделение космической пехоты вело ожесточенный бой в руинах города, пытаясь овладеть высотой и спасти едва теплившиеся жизни пораженных эпидемией обитателей Гефеста.

А может быть, ее бессознательный страх перед ревущими, изрыгающими огонь и смерть механическими исчадиями родился раньше, во время второй попытки войти во Вселенную Раули, где в остервенелой схватке уже сошлись вырвавшиеся на свободу призраки, хранимые в его душе?

Дройд подошел к плотно запертому люку.

– Дана, помоги мне, – попросил он.

Она подошла и встала рядом, решившись идти с ним до конца, что бы

он там ни говорил о своем прошлом и вероятном будущем…

– Что я должна делать?

– Будем действовать, как в прошлый раз, помнишь, когда мы дистанционно реактивировали системы? Я буду называть тебе коды управления и доступа, а ты транслируй их через инфракрасный порт.

– То есть мне нужно просто думать о них? – Уточняющая формулировка Даны была более понятна ей самой, чем обстоятельные технические инструкции дройда.

– Да, – подтвердил он. – Ты готова?

Дана зажмурила глаза, потом расслабилась – черты ее лица утратили угловатость напряжения, и легкий кивок сообщил Крису, что можно начинать.

Крис готовился к этим минутам всю дорогу, которая заняла несколько стандартных суток Гефеста. Он заранее отыскал в своей памяти все необходимые коды, еще раз отметив при этом, что память человека, размещенная на электронном носителе, несомненно, получает огромные преимущества, – будь мозг Криса живым, он вряд ли бы вспомнил цифробуквенные значения, с которыми мельком ознакомился несколько десятилетий назад.

Оказывается, подсознание хранило в своих глубинах даже такие мелочи, о которых молодой Раули, покинув десантно-штурмовой модуль, казалось, попросту позабыл.

Нет… Человек ничего и никогда не забывает. Вся наша жизнь разложена по глубинным полочкам долгосрочной памяти, просто мы не всегда умеем обращаться к ней в нужный момент.

Для электронного отпечатка личности Кристофера Раули, разместившейся на постоянных запоминающих устройствах человекоподобного робота, в данный момент не существовало проблемы амнезии.

Он четко выговаривал значения цифр и букв, и в такт его глухим, отрывистым фразам, похожим на заклинания, произносимые шаманом перед алтарем божества, меж волос Даны аритмично взмаргивал инфракрасный порт дистанционной передачи данных.

Прошло некоторое время, и внезапно люк в броне модуля пришел в движение, открывая таинственное, подсвеченное зеленоватым сиянием нутро машины.

Дройд уверенно поднялся по выдвинутому пандусу, а вот Дана замешкалась на пороге – там, где зеленоватая подсветка десантного отсека смешивалась с серыми красками угрюмого, пасмурного дня.

Она не знала, какими они выйдут отсюда.

Электронно-механический мир, оживший под ее непосредственным воздействием, одновременно и манил и пугал Дану: она уже начала осознавать, что машины станут теперь неотъемлемой частью жизни на Гефесте, но разум еще не свыкся с данностью…

Внутри десантного отсека, рассчитанного на взвод космической пехоты, стояли противоперегрузочные кресла, между которыми располагалась масса непонятного Дане оборудования. Но дройд не обратил внимания на места для личного состава и мерцающие консоли с множеством экранов. Проигнорировав эту часть оборудования, он направился в хвостовой отсек модуля, где за стенами узкого прохода, ведущего к десантной рампе, располагались два изолированных друг от друга отсека – медицинский и биореконструкционный.

Первый предназначался для оказания помощи легкораненым бойцам, второй, более обширный, содержал две специальные камеры, внешне похожие на ячейки для низкотемпературного сна.

Это были аппараты биологической реконструкции.

Обезглавленный дройд присел подле сложного пульта управления ближней к выходу камеры биореконструкции, анализаторам которой он несколько десятилетий назад отдал образчик своей ДНК, заключенный в капле взятой у него крови.

По мнению кибернетической системы модуля, генетический код Кристофера Раули должен был послужить доказательством его дезертирства и угона боевой машины, но сейчас, спустя бездну прошедших лет, после консервации и последующего холодного перезапуска всех систем, компьютер боевой машины, введенный Даной в режим внешнего управления, более не претендовал на роль судьи – он был полностью подчинен и обезврежен правильно подобранными кодами реактивации и сейчас спокойно ждал команд пользователя, готовый исполнить их точно и безукоризненно.

Однако Крис не торопился.

Операция, которую он замыслил, вероятно, не имела прецедентов.

Будь на его месте человек, он, наверное, растерялся бы, спасовал перед сложностью и необычностью предстоящей процедуры, но андроид не испытывал ни страха, ни волнения – Крис в последний раз пользовался этими преимуществами холодного, отрешенного от эмоций рассудка.

Прежде всего он проверил сохранность резерва биологической массы, которая предназначалась для регенерации поврежденных органов и частей тела у тяжело раненых бойцов.

Проверка прошла успешно. Криогенные баки были полны.

Крис сделал несколько переключений на пульте управления камерой. За переборкой раздалось шипение, из невидимой щели вдоль пола поползли завитки ледяного тумана, быстро оседающего блестящими капельками конденсата.

Следующий этап: наличие в анализаторе ДНК Кристофера Раули.

«Образец сохранен», – высветил контрольный монитор в ответ на запрос.

Дройд повернулся всем корпусом. Дана стояла на пороге отсека, напряженно наблюдая за его действиями.

Крис поманил ее слабым движением искалеченной конечности.

– Подойди сюда, – попросил он.

Девушка повиновалась, не без дрожи перешагнув порог помещения.

– Что я должна делать?

Раули сдвинул защитный кожух со второй камеры биологической реконструкции. Автомат тут же активизировался, мягко осветились экраны второго пульта управления.

Крис указал на отверстие в панели анализатора.

– Погрузи сюда руку. Не бойся.

Дана сделала то, о чем он просил. Она почувствовала лишь легкий укол в подушечку среднего пальца.

– Все, – произнес дройд, взглянув на сменившийся узор огней. – Теперь подожди, пожалуйста, я буду занят некоторое время.

* * *

Действительно, операция, которую замыслил Раули, не имела аналогов.

Техногенная цивилизация способна творить чудеса, возводя в ряде случаев своих рядовых членов в ранг некоего полубожества, – стоит лишь применить волю и логику к исполнительным машинам и их функциям.

Военная техника, как известно, всегда шагает чуть впереди остальных образчиков научно-технического прогресса. Когда-то на далекой Земле, в веке двадцатом, началась эта гонка: например, в ответ на изобретение все более мощных зарядов утолщалась и совершенствовалась броня… Данный процесс противостояния средств уничтожения и средств защиты продолжался, взбираясь на новые и новые высоты технической мысли, по мере того как люди продвигались в космос, а войны, которые они вели,

становились все более высокотехнологичными.

Это отлично понимал Кристофер. Тот факт, что его разум занимал сейчас нечеловеческое тело, предоставлял ему дополнительные преимущества. Он не волновался и мог действовать четко, расчетливо.

Камера биологической реконструкции не предназначалась для создания человеческих тел, но автоматика данной машины могла восстановить, расшифровывая участки ДНК, серьезно раненного солдата, заново воссоздав его руку или ногу, затянуть регенерированной тканью рассеченную осколками грудную клетку, реанимировать функции мозга при тяжелейших ранениях в голову.

Крис осознавал, что он первый, кто решил использовать данную машину на всю ее мощь…

От него остался только генетический код и описание параметров тела, которое хранил бортовой компьютер модуля с момента медицинского освидетельствования двадцатидвухлетнего Кристофера Раули непосредственно перед началом операции на Омикроне-6.

В распоряжении машины было достаточно биологической массы для реконструкции, но чтобы не травмировать ее программную логику, Крис не стал рисковать, отдавая приказ на полное воссоздание тела по данным, которые содержал его генетический код.

Он задал машине задачу по реконструкции сложного, жизненно важного фрагмента собственного тела – грудной и брюшной полости со всеми органами, элементами скелета и защитными кожными покровами, а сам занялся иной проблемой.

В капельке крови, отданной его спутницей анализатору второй камеры, содержалась иная ДНК, на спиралях которой определенные участки являлись не порождением миллионнолетней эволюции, а результатом работы генных инженеров Зороастры.

Машине, которой отдавал команды Крис, понадобилось много времени, чтобы локализовать эти фрагменты. Пока первая камера растила в своей утробе якобы поврежденный и утраченный во время боя фрагмент тела рядового Раули, он сам, оперируя системой второй камеры, выделил необходимые участки генетического кода и теперь, скопировав их структуру на электронный носитель, отдал приказ добавить полученные данные в запись своего генетического кода.

Работая, он позабыл обо всем, время перестало существовать для него, а когда интересующий фрагмент генетического кода, ответственный за формирование несвойственных нормальному человеку тканей головного мозга, был вписан в структуру ДНК самого Криса, он наконец обратил

внимание на внутренний хронометр и понял, что прошло уже несколько часов с момента, когда они перешагнули порог открывшегося люка.

Покинув биореконструкционный отсек, он вернулся в десантное отделение в поисках Даны и увидел, что она спит, свернувшись калачиком в одном из противоперегрузочных кресел.

…Утомленная долгим восхождением, она проспала еще много часов, избавив себя от напряженного ожидания и невольного созерцания неприглядной процедуры формирования человеческих органов, которые медленно росли внутри камеры, омываемые ленивым течением физиологического раствора.

Крис же, наоборот, пристально следил за процессом, наблюдая сквозь прозрачный колпак за медленным ростом воссоздаваемого заново тела. Его нисколько не смущало это таинство, он заботился лишь о том, чтобы машина получала верные команды и не дала никаких сбоев.

Когда внутри камеры биологической реконструкции сформировался лишенный рук, ног и головы обрубок, он перезапустил машину, представив ей готовый фрагмент как… тело рядового Раули, жестоко пострадавшего при орбитальной бомбежке.

Впрочем, машине было все равно. Она восприняла поступившие данные и приступила к немедленному действию. Были включены все функции реанимации и насильственного поддержания жизни, заработали программы регенерации конечностей, и лишь программный модуль, ответственный за восстановление частей головного мозга, внезапно выдал сигнал сбоя. Машина могла сформировать мозг, черепную коробку, мышцы лица и кожные покровы, но требовала источник информации о биохимическом составе и электрическом потенциале всех клеток головного мозга Раули.

Это было справедливое требование – ведь сумма состояний каждой нервной клетки серого вещества в определенный момент времени и есть кодировка неповторимой личности человека.

Боевые шлемы, чьи мини-компьютеры всегда находились в прямом нейросенсорном контакте с разумом бойца, обязательно хранили подобную информацию, но свой шлем Крис утратил еще во время боя на Омикроне, да ему и не нужны были память и эмоциональное состояние двадцатидвухлетнего парня, только вступившего на тропу войны против всего человечества, а как оказалось на поверку – против самого себя.

Вернувшись в десантный отсек, он разбудил Дану.

Просыпаясь, она вздрогнула всем телом, отпрянула от Криса, и еще несколько секунд ее взгляд оставался мутным, неосознанным, пока

девушка вдруг не вспомнила, где она находится…

– Крис… Ты напугал меня…

– Извини, – хрипло ответил ей динамик. – Мне опять нужна твоя помощь.

– Что-то случилось? – Дана наконец села, выпрямившись в кресле.

– Да. Наступил критический момент.

– Что я должна делать?

– Пойдем со мной, я объясню на месте. – Крис даже не поинтересовался, голодна она или нет, сейчас для него не имело значения ничто, кроме предстоящей операции, собственной смерти и… возможного воскрешения.

В отсеке биореконструкции с одного из терминалов, плотно обступивших работающую камеру, были сняты защитные кожухи, обнажая сложную архитектуру электронной начинки. На панели управления по-прежнему рдели предупреждающие огни.

Следуя за дройдом, Дана невольно посмотрела сквозь колпак камеры. Взглянув на ее содержимое, она опять вздрогнула: там, без всяких сомнений, лежал он – Кристофер Раули, сильно помолодевший, даже относительно того образа, который она хранила в своем сердце после посещения виртуальной Вселенной, находившийся за электронным окном.

– Это… ты?..

Дройд развернулся к ней. Лишенный головы, он мог видеть ее только посредством расположенных в передней части корпуса инфракрасных датчиков. В данном состоянии ему было проще общаться с машинами, чем с живым существом.

– Нет, это не я, – ответил он. – Под колпаком лежит оболочка, тело, лишенное памяти, разума и воли. Видишь эти сигналы красного цвета? – Он, не оборачиваясь, указал обрубком правой руки в нужном направлении. – Они требуют ввода данных с устройства, которого у меня нет.

– И что ты собираешься сделать?

– У меня есть аналог. – Андроид без предупреждения нажал на определенные точки своей грудной клетки, и передний кожух соскочил с фиксаторов, обнажая внутреннее строение человекоподобного робота.

Дана содрогнулась, но продолжала смотреть на него.

– Запоминай, – коротко приказал он. – Ты должна будешь вытаскивать вот эти кристаллодиски – он указал на их расположение – и последовательно вставлять в считывающее гнездо терминала.

– А что за информация заключена на них?

– На этих дисках – запись моей личности. Я обстоятельно готовился к собственной смерти и переходу в *Логр*, – сознался Крис. – Меня беспокоил вопрос, каким образом древний мини-компьютер сможет прочитать мою память и записать личность? Поэтому, прежде чем вставить *Логр* в свой домашний терминал, я установил на компьютере сканирующую оболочку, которая должна была распознать процесс преобразования записи состояния моих нейронов в информационные массивы *Логра*. Для тебя это звучит сложно, понимаю, но позволь мне высказаться, потому что я не уверен в благополучном исходе затеянной мной операции… Так вот, после перезаписи личности на кристалл я прожил еще несколько дней и имел время просмотреть, что же обнаружила программа-сканер. Там был код, шифр для преобразования данных, очень сложный для восприятия и понимания, но я видел всю его последовательность и невольно запомнил. Сейчас мне не составило труда извлечь из долгосрочной памяти эту отслеженную сканером программу… Я ввел ее в систему машины, – Крис указал на терминал со снятыми кожухами. – Теперь, получая от тебя кристаллодиски с информацией, этот компьютер произведет обратный процесс – он *инсталлирует* мою сегодняшнюю память в мозг сформированного тела, преобразуя под управлением программы дешифратора каждый байт в определенное химическое состояние и электрический заряд нервной клетки.

Дана выслушала его терпеливо и внешне спокойно, хотя в душе девушки уже сформировалось свое понимание процесса.

Опустив непонятные термины, она догадалась, что, вынимая кристаллодиски из корпуса дройда, она будет медленно убивать искалеченную машину.

– Если все пройдет удачно, то колпак камеры автоматически откроется спустя некоторое время, – пояснил Крис.

– А если нет? – В голосе Даны прозвучала дрожь.

– Тогда будет включена программа уничтожения. Боец, то есть я, будет признан неудачно реанимированным, и его жизненные функции согласно инструкции оборваны. Тело растворится в специальном сосуде, – спокойно и обстоятельно ответил андроид.

– То есть ты умрешь окончательно?

– Да.

– А если я вставлю кристаллодиски обратно?

Крис на секунду задумался, а затем ответил:

– Дана, увечный человекоподобный агрегат не нужен ни тебе, ни мне. Если ничего не получится – выкинь их в пропасть.

Девушка не ответила.

Она стояла, глядя на обнаженные электронные внутренности двух машин и злобный красный сигнал, который продолжал моргать на контрольной панели.

Сколько еще испытаний предстоит вынести ей? Она не решалась протянуть руку и вытащить первый диск.

– Ну? Давай же… – подстегнул ее хриплый голос, вырвавшийся из динамика аудиосистемы.

Дрожащая рука Даны протянулась вперед, вытащила первый кристаллодиск и вставила его в приемное гнездо терминала.

Дройд, испустив затухающий звук остановившихся сервомоторов, опустился на пол отсека и застыл мертвой, развороченной грудой металла.

Ей казалось, что сердце сейчас пробьет грудную клетку, – так сильно и глухо стучало оно в эти бесконечные секунды ожидания.

Злобный огонь на панели управления горел еще примерно минуту, потом он моргнул и погас.

Внутри сложного компьютерного комплекса что-то заработало, раздались щелчки, с тихим воем раскрутился невидимый глазу носитель информации, и…

Дана бессильно села на пол, рядом с неподвижным корпусом дройда.

В этот миг ей почему-то хотелось плакать.

Глава 12

Гефест.
Район аварийной посадки десантно-штурмового модуля.
Некоторое время спустя…

Скупая на ласку природа Гефеста подарила этим утром один из редких солнечных рассветов, который в высокогорье ощущался особенно остро. Теплый, пригодный для дыхания воздух поднимался со дна котловины перистыми пластами тумана, неторопливо таявшими под лучами восходящей звезды. Белое эфемерное кружево медленно плыло вверх, поднимаясь из ущелья, оседая капельками влаги на серых камнях и потемневшей броне десантно-штурмового модуля. Оно было зябким и ласковым одновременно, воздух стыл кристальной свежестью, а белое покрывало, скрывшее под собой изуродованное дно котловины, казалось с высоты мягким и пушистым…

Дана сидела на пороге открытого шлюза и смотрела на восток.

Ей впервые довелось встречать рассвет в горах, вдыхать разреженный горьковатый воздух и наблюдать контраст двух стихий.

Отравленные, напоенные вулканическим пеплом облака, сформированные над лавовыми равнинами, толклись по ту сторону гор, цепляясь свинцово-серым подбрюшьем за вершины скального массива.

Солнце Гефеста – ярко-желтая звезда – вставало над мутноватым горизонтом, и от частичек вулканической пыли, которые постоянно присутствовали даже тут, в верхних слоях атмосферы, восход казался красным, но не зловещим, наоборот… словно чувства Даны переродились этой ночью, и теперь она иначе воспринимала мир контрастов.

Камень был холодным, борт модуля – влажным и стылым, а вот красноватые лучи несли телу тепло, ласковое, ненавязчивое, не обжигающее, а приятное, долгожданное. Такого никогда не испытаешь внизу.

Холодные мрачные подземелья, где прошли ее детство и юность, теперь казались ей жалкой, убогой обителью…

Ее сородичи просто следовали традиции, забиваясь все глубже в подземные норы, зачем-то ютились в недрах тоннелей, которые, как выяснилось, были предназначены не для людей, а вокруг, на изуродованных просторах котловины, умирали без должного присмотра

остатки завезенных сюда растений и животных, отказывали в работе последние, дышащие на ладан планетопреобразующие машины.

Сидя на пороге шлюзовой камеры и глядя на рассвет, она невольно вспоминала обстоятельное повествование Криса, которое ей пришлось выслушать по дороге сюда.

Дана прислушалась к своим чувствам и поняла, что ее мало волнует глобальность простирающегося за гранью стратосферы космоса.

Ее родиной являлся Гефест. Здесь она родилась, и никакие рассказы об иных мирах не в состоянии повлиять на это внезапно очнувшееся чувство родины. Разгорающиеся краски рассвета тревожили ее душу, перемешивая чувства и мысли в горьковатый, теплый коктейль.

Ее душа стояла на пороге чего-то нового, еще не прожитого, но значительного, всеобъемлющего…

Одно Дана осознавала абсолютно ясно: чем бы ни закончилось сегодняшнее утро, она больше не вернется в затхлый сумрак подземных тоннелей. Поднимающийся со дна ущелья разреженный, горьковатый воздух, которым она *дышала*, доказывал – тут еще можно жить, и у людей, оправившихся после болезни, есть шанс что-то изменить в своем существовании…

Как верно сказал ей Крис, люди сами ставят перед собой жизненную планку и потом следуют ей, страшась подняться выше установленного предела. Это не судьба загнала их в подземные коммуникации, а скорее страх и леность, привычка следовать чьим-то указаниям, а в отсутствие оных – идти по пути наименьшего сопротивления…

* * *

…Что-то щелкнуло, прошелестело за спиной, и Дана вздрогнула, страшась оглянуться.

Она застыла, как статуя в немом напряжении, казалось, что от этого внезапного звука в теле задрожал и тут же одеревенел каждый мускул, лишь вдоль позвоночника ползла медленная, крупная дрожь *предчувствия…*

Прошло уже много часов с того момента, как Дана скормила последний диск-кристалл жадному до информации считывающему устройству, и все это время, несмотря на великолепие рассвета и непривычную гамму порожденных им чувств, она подсознательно боялась и ждала.

Тихий шелест шагов – босая поступь по рифленому полу десантного отсека…

Дрожь доползла до шеи и медленно стянула мурашками кожу на затылке. Дана и помыслить не могла, что существуют такие моменты, когда управлять собственным телом окажется для нее сверхзадачей, – она сидела, неестественно выпрямившись, окружающий мир вдруг отдалился, его проявления остались вне сознания, воспринимавшего теперь лишь этот звук.

Она медленно повернула голову и боковым зрением увидела его – смутную обнаженную фигуру, застывшую посреди десантного отсека в зеленоватом сумраке, который исходил от работающих тактических мониторов.

– Крис?.. – Губы едва слышно выдохнули его имя. – Крис?! – Она обернулась, вскочила, разом преодолев свое оцепенение, и… вновь застыла, но теперь ее объяли совершенно иные эмоции…

Это был он.

Капельки прозрачного как слеза физиологического раствора влажно поблескивали на его коже, глаза смотрели на нее внимательно, взгляд скользил по фигуре Даны, словно оценивая ее заново, и она вдруг смутилась, осознав все, что раньше не смущало и не тревожило ее, пока рядом был призрак… или посеченный осколками, обезглавленный дройд…

Тот образ, который она носила в душе, внезапно обрел плоть… Плоть, которая дрожала, покрываясь такими же крупными мурашками, его взгляд, казалось, пронзал ее насквозь, добираясь до самого сердца, заставляя его останавливаться…

Они стояли друг против друга, молчаливые и напряженные, будто между ними в узком отсеке внезапно выросла прозрачная хрупкая стена, которая могла пропустить лишь взгляд…

Раньше, путешествуя с дройдом, Дана по привычке не обращала внимания на саму себя, но теперь этот пристальный, молчаливый, пронзительный взгляд вдруг смутил ее, она потупилась и поняла, что вся ее одежда – это скорее лохмотья, которые едва ли прикрывают тело, к тому же восхождение по отрогам горного хребта окончательно доконало и без того ветхое платье…

Чего стоили эти десять-пятнадцать секунд взаимной оценки, визуального знакомства, глубинного возрождения образов друг друга, словно Дана вместе с Кристофером тоже пережила смерть и последующее воскрешение…

Так оно и было… в душе.

– Дана… – медленно произнес он первое слово, которое вместе с напряженной артикуляцией губ внезапно вернуло ему очень многое: Крис ощутил себя живым.

Это было ошеломляющее чувство.

Он не испытывал ничего подобного ни в один из самых критических эпизодов своей прошлой жизни.

Имя, напряженно сорвавшееся с его губ, породило в душе такое эхо, что перед глазами помутилось от мгновенного выброса адреналина в кровь.

Он был живым!..

Полуобнаженная женщина, застывшая перед ним, притягивала взгляд. Каждый изгиб ее тела, проступающий сквозь прорехи ветхой одежды, не просто волновал его как мужчину – чувство, которое полыхнуло в очнувшейся душе, оказалось сильнее всего прожитого. Такое невозможно было вообразить или смоделировать. Перед этими ошеломляющими ощущениями тускнели самые яркие воспоминания…

Это наслаждение взгляда оказалось острее, чем вид падающего врага после удачного выстрела. Озноб, который ударил по телу, не имел ничего общего со страхом преследования, но явно затмевал его силой своей эмоциональной напряженности. Кристофер смотрел на Дану, и вид ее поднимающейся и опадающей в такт неровному дыханию наполовину обнаженной груди породил в его душе не инстинкт, не звериное желание молодого тела, а чувство, которое было глубже, чем любовь… Он любил ее не плотью, а душой, и это оказалось во сто крат острее…

Сильнее смерти только жизнь… Сильнее цинизма и ненависти только любовь.

– Дана… – вновь сорвалось с его губ дыхание жизни, и в этот миг, не выдержав, они одновременно сделали шаг навстречу друг другу, уже не в силах на осознанную речь, – все и так было слишком понятно, без пояснений и слов…

Ее руки были теплыми и сухими, а губы солоноватыми, обветренными, жаждущими…

В этот миг, когда соприкоснулись их тела, Крис понял, что вернулся в мир совершенно иным… Он вернулся, чтобы жить и дарить жизнь…

Гефест.

Горный массив в районе вынужденной посадки десантно-штурмового модуля.

Несколько часов спустя…

Они мало разговаривали в эти часы.

Силы, отданные порыву страсти, изменили их обоих, словно между Крисом и Даной натянулась незримая нить, связующая тела и души.

Очнувшись от наваждения, они по-прежнему открыто и украдкой смотрели друг на друга, словно это было главным в жизни, смотрели и молчали, страшась словами порвать эту нить.

Крису удалось включить систему рециркуляции воды, и они вымылись в крохотной душевой кабинке тесного санузла. Потом он вскрыл одну из переборок и достал оттуда упаковки неприкосновенного запаса, в которых были еда, одежда, оружие и еще некоторые предметы, необходимые для выживания.

Раскрошив кубики пищевых концентратов в котелок из термопластика, Крис залил их водой. Вскоре она забурлила, вскипая, и по воздуху десантного отсека поплыли незамысловатые флюиды эрзац-пищи, но Дана, втянув носом этот запах, едва не потеряла сознание, только сейчас до конца прочувствовав, насколько она голодна.

Они ели, по-прежнему глядя друг на друга, и Дана, заглушив острое чувство голода, обратила внимание на два нехарактерных вздутия, что прятались за ушными раковинами помолодевшего Кристофера.

Он перехватил ее взгляд, улыбнулся и сказал:

– Это от тебя. Помнишь каплю крови, которую ты отдала в анализатор?

Она кивнула, пораженная и смущенная увиденным.

– Капитан Столетов сказал мне, что из-за таких изменений мы не сможем эмигрировать на иные планеты обитаемой галактики.

– А зачем нам эмигрировать? – спросил Крис. – Я уже дважды родился тут, на Гефесте, и не собираюсь покидать его.

Эти слова вновь обожгли ее душу волной тепла, и Дана поняла: она подсознательно боялась, что Крис, обретя тело и свободу, не захочет оставаться тут – в убогом, разрушенном, умирающем мире…

Действительно, как могла она забыть, что он также когда-то родился здесь!..

Двойственность Криса временами пугала ее, было трудно свыкнуться с мыслью, что он тоже был ребенком… и бегал где-то неподалеку от сегодняшних городских руин в ту пору, когда самой Даны не было на свете, и неизвестно – родилась ли к тому времени ее мать?..

– А зачем ты вырастил их себе, Крис? – напрямую спросила она, чувствуя, что наконец утолила голод.

– Они удобнее и многофункциональнее, чем обычные импланты, –

ответил Раули. – К тому же я не хочу чересчур перегружать тебя. Многие вещи проще сделать самому.

– Например?

Крис на секунду помрачнел, но быстро справился с пробудившимися внутри эмоциями.

– Нам многое предстоит сделать, – произнес он. – Прежде всего – вернуть мою виртуальную Вселенную в *Логре*.

Дана смотрела на него расширенными от удивления глазами.

Ее ложка глухо стукнула о дно опустевшей посудины.

– Твою Вселенную?

– Да.

– Но разве…

Крис остановил ее мягким, успокаивающим жестом.

– *Логр*, в который было помещено мое сознание, связан через сеть Интерстар с Гефестом. Это не требует пояснений и доказательств. – Он посмотрел на Дану и осекся. Многие утверждения не требовали доказательств для него, но сознание девушки находилось еще в самом начале сложного пути. Она интуитивно могла управлять машинами, но их взаимосвязи, принципы действия тех или иных агрегатов оставались для нее тайной. – Тебе многое будет казаться непонятным, пока ты не вникнешь в суть общечеловеческой компьютерной сети, – после некоторой паузы завершил начатую мысль Кристофер.

– Тогда объясни мне.

– Хорошо… – Крис взял обе пластиковые миски, бросил их в утилизатор отходов и вернулся к Дане. – Нам предстоит вернуть себе виртуальную Вселенную, которую раньше занимала моя душа, хотя бы потому, что данное виртуальное пространство принадлежит нам по праву и может помочь обрести капельку моральной свободы тем, кто остался жить на Гефесте. Это, во-первых… – Он посмотрел на Дану и задумчиво добавил: – А во-вторых, прожив часть времени там, я понял, что уже нельзя говорить об одном физическом мире, где существуем мы с тобой. Есть физическая Вселенная, и есть виртуальная Вселенная *Логриса*, вход в которую отныне расположен тут, на Гефесте. И я не хочу, чтобы этот вход контролировали души таких людей, как Саймон и Фрост.

– О чем ты говоришь? Они умерли! – в смятении воскликнула Дана. – Я сама видела, как солдаты вытаскивали из кресел их мертвые тела!..

– Ты видела на них кровь? – прищурившись, осведомился Кристофер. – Они были застрелены?

– Нет… – внутренне похолодев, ответила Дана, припоминая все

обстоятельства тех часов, когда она вместе с космическими пехотинцами поднялась наверх. Она искала робота-андроида, ей казалось, что скорее всего он может оказаться наверху, и, блуждая по офису, девушка стала невольной свидетельницей того, как бойцы космической пехоты осматривали компьютерный центр. Там было три человека: один лежал на полу в луже крови, двое других сидели в креслах за компьютерными терминалами, а от их височных имплантов к электронным машинам тянулись глянцевитые кабели оптиковолоконных интерфейсов.

– Того, кто валялся на полу, звали Клаус, – припомнив разговор компехов, произнесла Дана. – Еще двоих убили на крыльце офиса, а те, что сидели в креслах…

– Они ускользнули, – завершил ее мысль Крис. – Фрост и Саймон, понимая, что проиграли, решились на этот отчаянный шаг. Они догадались, что мой *Логр* пуст, и боюсь – их души оккупировали его.

– Это имеет для нас значение? – с робкой надеждой на отрицательный ответ спросила Дана.

– Да, – ответил ей Крис, мысленно стараясь подобрать наиболее понятные для нее слова и термины. – Понимаешь, военные затеяли опасный эксперимент, который, по их мнению, провалился. Потому они и оставили Гефест, улетев отсюда. Но на самом деле никто из них, включая полковника Грина, так и не понял, что их усилия увенчались успехом.

– Разве они так глупы? – вновь спросила Дана.

– Нет, конечно, но ты должна понять: человеческие знания столь обширны и разделены на такое количество областей, что быть специалистом в каждой из них для отдельно взятого человека попросту невозможно. Грин и Столетов грамотные, честные офицеры, но им не хватает знаний в области наших и логрианских компьютерных технологий. А вот Саймон, Фрост и их подельники являлись спецами, кибернетиками – они быстро раскусили программную суть *Логра*, но повернули события в иное русло. Для них было важно обрести личную свободу, они не преследовали иных целей, кроме своего освобождения, а когда это не удалось, просто воспользовались полученными в процессе эксперимента знаниями и ускользнули из мира живых.

– И что они станут делать теперь? – Дана казалась не на шутку встревоженной и была полностью права в своих интуитивных опасениях.

– Откровенно сказать – не знаю. Но могу предположить, что они не станут, как я, сидеть и пялиться в одну точку на белой стене. – Он усмехнулся промелькнувшему воспоминанию, но тут же вернул себе серьезный вид.

– Они попытаются тем или иным способом вырваться назад, в мир плоти и чувств. Сомневаюсь, что это у них получится, по крайней мере с первой попытки, но действовать они будут обязательно. И прежде всего их деятельность коснется Гефеста. Мой *Логр* по-прежнему связан с кибернетическими комплексами офисных зданий, а значит, они смогут виртуально посещать их, возможно, вновь попытаются переподчинить себе систему офиса…

Дана нахмурилась.

– Почему тогда ты спрятался, не сказал о такой опасности капитану Столетову или полковнику Грину? – В вопросе девушки не прозвучало упрека, она просто пыталась понять логику Криса.

– Я создавал ситуацию, выгодную для себя и для нынешних коренных обитателей Гефеста, – сознался Раули. – Присутствие военных волей-неволей заставило бы Саймона и Фроста действовать без промедления. Я не хотел раскручивать дальше эту карусель противоборства, подвергая риску больных людей и горстку солдат… В тех условиях было выгодно, чтобы меня считали погибшим, а космическая пехота немедленно покинула Гефест.

– А что изменилось теперь? – спросила Дана. Она не стеснялась задавать вопросы – все происходящее было ей не чуждо, но главное – она верила в Кристофера, любила его и старалась как можно быстрее восполнить ту информационную пропасть, что по-прежнему лежала между ними.

– Дело в том, Дана, что мы с тобой не совсем обычные люди. И наши дети будут рождаться с точно такими изменениями в организме, – он машинально коснулся пальцем вздутия за своим правым ухом. – Многим людям, обитающим на иных мирах, это не понравится, поэтому я так стремился, чтобы все лишние убрались с Гефеста и забыли о нем, хотя бы на некоторое время. Капитан Столетов хороший офицер, но он мало знает о технологиях развития и самоподдержания генофонда малонаселенных колоний. Мы не вымрем, как он предсказывал, а выживем, но я хочу, чтобы наша борьба за возвращение полноценной жизни на Гефест стала не изнурительными потугами на выживание, а осознанным формированием новой ветви человеческой эволюции…

– Что такое «эволюция»? – тихо спросила Дана, которую из всего сказанного больше всего взволновали слова Криса о детях… Об их детях, которым еще предстояло родиться. Эти скупые фразы несли тепло, доказывали его любовь…

– Эволюция – это движение вперед, по пути совершенствования, –

пояснил Крис. – Видишь, несколько зерен из наследства Зороастры уцелели, пали на благодатную почву и дали всходы. Неплохие всходы, нужно сказать, полезные, по моему мнению, и вовсе не преступные.

Дана, хмурясь, пыталась вникнуть в смысл его многосложных фраз, и Крис, глядя, как девушка морщит лоб, не выдержал, притянул ее к себе, полуобняв за плечи, и сказал, целуя:

– Не напрягайся. Мы с тобой справимся.

Она ответила на его поцелуй, но затем отстранилась и посмотрела Крису в глаза.

– Я не могу понять, кто ты… – внезапно произнесла она.

– Я сам этого еще не понял до конца. Но между мной и, например, Фростом, лежит пропасть. Он ушел в *Логр* живым, полным стрессовых эмоций, и, думаю, у него не произойдет никаких переоценок своей души, он останется прежним, но получит возможность действовать более взвешенно и рационально. В этом заключена огромная опасность, и военные перед ней бессильны…

– А ты? – прервала его мысль Дана. – Разве ты не говорил мне, что прожил жизнь вне закона и пришел к виртуальному существованию с теми же…

– Нет, милая… – мягко оборвал ее Крис. – Прежде чем умереть от старости, я прожил лет десять, находясь не у дел. – Он вздохнул, ощущая, что ему приятно даже это – возможность выразить свои эмоции обыкновенным вздохом. – Я был старым, обрюзгшим, больным… Я оглядывался вокруг в поисках выхода и не находил его. Вокруг меня еще при жизни простирался моральный вакуум. Всю жизнь я гнался за деньгами, удачей, риском, я бежал по порочному кругу, меня осенял ореол сомнительной и страшной славы, которую я был вынужден поддерживать, чтобы не рухнуть с достигнутых высот в обыкновенную грязь. Потом, когда здоровье подвело и пришлось уйти от активных дел, я оглянулся вокруг и… увидел пустоту. Меня по-прежнему боялись. Я не создал за свою жизнь ничего, кроме накоплений в различных банках, у меня не было ни любви, ни привязанностей, ни ценностей. В конце концов я остался один на один с самим собой. Совсем как в *Логре*… Живой и дряхлый, никому не нужный, но по-прежнему остающийся вне рамок остального человечества. За мной тянулся лишь кровавый след удачно исполненных убийств и запоздалое понимание того, что я мог прожить свою жизнь как-то иначе… – Он посмотрел в глаза Даны и добавил: – Знаешь, зачем я старался раздобыть *Логр?*

– Чтобы жить вечно?

– Нет. Я хотел ускользнуть от самого себя, еще раз обмануть судьбу. Я думал, что, попав в виртуальную вселенную, где буду властен над ней, как бог, смогу зачеркнуть все, что было раньше, и открыть чистую страницу. Сотворить мир иллюзий, где меня будут окружать не призраки убитых мной людей, а кто-то другой… Но я был жесток и циничен до самой последней минуты, я опять расчетливо шел к цели, невзирая ни на что, я искал *Логр* и нашел его, обменяв маленький кристалл на целый мир… Собственно, я даже не знал, что тут продолжают жить люди.

Дана слушала его, начиная кое-что понимать в душе того Кристофера Раули, которого никогда не видела и не знала при жизни.

Действительно, как он и сказал, между ним и Фростом лежала пропасть.

– Болезнь и запоздало проснувшаяся совесть измучили меня, – прервал ее мысли голос Криса. – Я хотел как можно быстрее завершить свои дела и уйти.

– Не понимаю?.. – вскинула она взгляд.

– Я умер не своей смертью, – ответил Крис. – На третий день после сделки со Столетовым, получив *Логр* и скачав в него свою память, я отправил кристалл с надежным человеком для помещения его в *Логрис*, а сам застрелился.

– Ты убил себя?!

– Да. У меня не было сил жить дальше. Вокруг был вакуум, за спиной чернота и призраки, внутри неизлечимая болезнь. Я стремился к одному – прервать свою муку и ускользнуть в мир несбывшихся грез.

– И что вышло из этого? – грустно спросила Дана, посмотрев на него и вспомнив, как впервые увидела Криса, сидящего, сгорбившегося в единственном кресле посреди четырех белых стен. Трудно поверить, что именно таким был мир его мечты.

– Я вывел закон… – внезапно произнес он. – Закон перехода в *Логрис* и последующего существования в нем.

– Какой? – встрепенулась Дана.

– У личности, записанной на кристалл, нет будущего. Есть только прошлое. И решающим фактором становится эмоциональное состояние последних часов и минут жизни. Меня перед смертью мучила совесть и одиночество, за мной тащились призраки, и все это материализовалось там. Я сумел отгородиться от своих преследователей статичным равнодушием, но появилась ты и открыла тот самый чистый лист, о котором я когда-то мечтал, но прежде я был вынужден вновь пройти все круги ада, которые когда-то казались мне путем возмужания и восхождения на вершины

социума… Наверное, моя душа искупила часть вины, и, когда после тебя пришли военные, а за ними Фрост с Саймоном, я понял, что больше не являюсь тем, за кого они меня принимали. Я знал, что мой *Логр* связан с Гефестом, знал, что оттуда ко мне пришла ты, и я не хотел повторять свою жизнь, убивая и властвуя ради сомнительной славы и временных удобств… Да, я в последний раз встал на путь Скарма, но лишь затем, чтобы сберечь Гефест, тебя, других незнакомых мне людей от тех, кто вторгся извне, кто изначально смоделировал все события и думал, что управляет ими.

– Да, я знаю… Ты спас Грина. И пожертвовал собой ради того, чтобы бойцы Столетова…

– Нет. Это было не так, и Грина я спас позже… – Раули потянулся за сигаретами. – Сначала я сделал нечто другое, благо время в сети измеряется миллисекундами, – прикуривая, сознался он.

Дана удивленно посмотрела на него. Ей казалось, что она уже знает все, что совершил Крис…

– Помнишь ту бесноватую разноцветную реку, через которую перекинут узкий мостик в мою бывшую Вселенную?

– Да.

– Эта река – информационные потоки сети Интерстар, которая через станции Гиперсферной Частоты связывает между собой сотни обитаемых миров.

– И что из этого? – не поняла Дана.

– Я нырнул в нее.

– Зачем? – ужаснулась она.

– Чтобы найти того, кто в действительности дергал за ниточки операции по исследованию заточенной в кристалле души преступника. Я рисковал, не зная, «выживет» ли моя фантомная личность в этом бесноватом потоке. Но все оказалось много проще – меня подхватило течением и понесло, от сервера к серверу, от мира к миру. Это было непередаваемое, волшебное зрелище. Информационные каналы Интерстар проведены по выделенным мощностям миллионов кристаллов. Передо мной мелькали вперемешку личные Вселенные логриан, умерших три миллиона лет назад, и современные сайты планет, узлы станций Гиперсферной Частоты сменялись древними панорамами, которые хранит память отдельных участков *Логриса*. Я думал, что уже никогда не выберусь из этой стремнины и стану ее вечным пленником, невольным скитальцем, заблудившимся среди информационной бездны, но потом мне удалось зацепиться, осесть на свободном дисковом пространстве одного из человеческих серверов, и дальше я пошел уже осмысленно.

– Тебе удалось найти руководителя операции?

– Да. Пользуясь каналами Гиперсферной Частоты, я нашел вход в систему, установленную в офисе полковником Грином, а уже оттуда по выделенному каналу связи попал прямиком на Элио, к настоящему руководителю операции. Им оказался старый генерал, который действительно задался целью исследовать структуры *Логриса* и понять, насколько древняя машина совместима с человеческой сетью и не представляют ли опасности души умерших для живых пользователей сети Интерстар.

– А что ты хотел от него?

Крис невесело усмехнулся, вспомнив свою виртуальную встречу с Беловым.

– Изначально я собирался его убить, – признался он. – После того как ко мне вломился Фрост, первой моей мыслью было перебить всех причастных к данной афере и начать все заново, опять попытаться открыть чистый лист своей души, но…

Дана вздрогнула, и Крис обнял ее.

– К тому времени я уже изменился, благодаря тебе, Дана… Ты своим появлением разбудила мою память, заставила меня переоценить прошлое еще до начала операции военных на Гефесте. Взглянув на Белова, я понял: у каждого из нас своя правда, свое беспокойство, своя цель, которая, как иногда нам кажется, оправдывает средства. Поэтому я не стал стрелять. Мы просто поговорили с ним. Я рассказал ему о ситуации на Гефесте и пообещал спасти Грина…

– Он что-то обещал тебе взамен? – интуитивно предположила Дана.

– Да, – кивнул Крис.

– Что именно? – Она вдруг поняла, что начинает вытаскивать из него каждое слово, будто клещами…

– Он пообещал свернуть операцию на Гефесте, не производя зачистки.

Дана побледнела. Некоторые термины она просто не знала, но могла догадываться об их значении.

– Нас хотели уничтожить? – тихо переспросила она.

– Да. В вас видели наследников генной инженерии планеты Зороастра, все выходцы с которой были поставлены вне рамок закона и уничтожены около ста лет назад, как потенциально опасные, искусственно созданные мутанты. Когда Грин узнал об этом, он доложил генералу Белову о численном составе и генетическом наследии остаточного населения Гефеста. Операция по зачистке в этом случае была неизбежной.

– И ты считаешь, что теперь нас оставят в покое?

– Не знаю… – пожал плечами Крис. – Я сумел поставить генерала Белова в определенные рамки – он действовал незаконно, когда освободил из тюрем и взял в качестве специалистов-кибернетиков пятерых опасных заключенных. Мое появление в виртуальном пространстве его рабочей системы убедило генерала, что я в состоянии свободно перемещаться по сети и не в его силах отследить мой путь. Я мог бы оставить компрометирующую его информацию в любом месте, вплоть до персонального компьютера Шейлы Норман – президента Конфедерации Солнц.

– Ты правильно сделал, что не убил его… – тихо произнесла Дана, прижавшись к плечу Криса. – Все так сложно…

– Все достаточно просто, милая, – возразил он, ласково проведя рукой по ее волосам. – Дети не должны отвечать за поступки своих родителей – не твоя вина, что мой прадед взял на работу эмигрантов, ускользнувших с Зороастры, а твоя бабка несла в себе реконструированные на той планете участки генома. К тому же мутации, которые я видел у остальных обитателей подземелья, не выходят за рамки современных технологий. Это бытовые образцы, и среди оставшихся на Гефесте на самом деле нет ни одного монстра типа Зормалийских бойцов, которых генные инженеры Зороастры производили по заказу правителей Ганио.

– Ты успокоил меня… – Дана слабо улыбнулась, прижимаясь к его плечу. – И все же, что будет дальше?

– Теперь мы сможем спокойно строить свою жизнь. Все участники этой истории со стороны военного ведомства Конфедерации убеждены, что пятеро преступников мертвы, я уничтожен, а остаточное поселение Гефеста вымрет само собой. Они владеют только той частью истины, которую сообщил им я: личность, попавшая на носитель *Логра*, статична и безэмоциональна, то есть она безопасна для живущих…

– Но это только часть правды? – Дана вопросительно посмотрела на него.

– Да, – не колеблясь, ответил ей Крис. – Думаю, генерал так и не понял, что с момента реанимации *Логриса* Вселенная разделилась. Я не сказал ему о своем безумном прыжке в потоки Интерстар, не упомянул о виденных мною мирах. Моя личность не разбилась на отдельные фрагменты, я действительно будто нырнул в реку… которая пронесла меня мимо тысяч чужих берегов. Там есть жизнь – плохая или хорошая, статичная или буйная – я не знаю, ведь глубины *Логриса* не исследовал никто. А течение Интерстар несло меня слишком быстро, чтобы я мог разглядеть подробности. Но теперь благодаря вот этому, – Крис вновь

коснулся выпуклостей за своими ушными раковинами, – мы сможем войти в пространство второй Вселенной, пользуясь тем же программным мостиком, который создали военные, реконструировав мой *Логр*.

– Зачем?

– Чтобы снова нырнуть в эту реку, научиться бороться с ее течением, попробовать выйти на чужой берег. Белов был прав… – внезапно добавил Крис. – *Логрис* нужно исследовать и понять, а, кроме нас и наших детей, возможности этого не будет больше ни у кого.

– Почему? – удивилась Дана. – Ты ведь сам рассказывал мне о миллионах пользователей, чьи фантомы перемещаются по сети от сервера к серверу…

– Да, – согласился Крис, – но они связаны по рукам и ногам. Их фантомы генерируют определенные машины, каждое действие строго лимитировано, а перемещение происходит мгновенно – это как поездка в глухом вагоне без окон. Еще никто не входил в сеть, как вошла ты: пользуясь кибернетической архитектурой лишь как дорогой, по которой путешествует разум. После твоего появления в моей Вселенной я долго ломал голову, как тебе это удалось, пока не узнал о врожденных имплантах.

– А в чем разница? – спросила Дана. – В отсутствии оптико-волоконного кабеля для соединения с машиной?

– Нет, – ответил Кристофер, выбросив окурок сигареты через открытый люк. – Обычный пользователь, соединяясь с машиной, получает от нее информацию. Через шунт соединения текут данные в его мозг, который воспринимает их тем или иным способом, например, видит образы, слышит звуки, ощущает запахи. Сеть входит в человека, а не человек в нее, – терпеливо пояснил Крис. – Ты же, глядя в виртуальное окно, поступила точно наоборот. Стремясь туда, в несуществующее пространство, ты заставила свои импланты преобразовать собственную личность в потоки байт, которые действительно вошли в виртуальную архитектуру машин. Не сеть проникла в твой мозг, а ты вошла в сеть – в этом огромная разница. В данном случае автоматически реализуется совершенно иная степень свободы…

– Я все равно плохо понимаю тебя, Крис… – созналась Дана.

– Это не беда. – Он улыбнулся. – Понимание придет с опытом, поверь… – Кристофер взглянул на фрагмент темнеющего неба, который виднелся сквозь провал открытого люка и добавил: – Пора собираться. Нам с тобой теперь топать и топать до первой буровой вышки.

Глава 13

Гефест.
Комплекс офисных зданий.
Трое суток спустя…

Запыленный внедорожник, похожий на усеченную версию вездехода с тесной кабиной и открытым кузовом, ранним утром притормозил подле памятного устья тоннеля, ведущего к комплексу расположившихся наверху построек.

Водородный двигатель работал тихо, ритмичное постукивание и лязг поврежденной подвески, который они слышали на протяжении всей дороги, сейчас смолкли, и оттого казалось, что тишина вокруг царит оглушающая, ватная.

Здания немо возвышались над ними, показывая свои верхние этажи, виднеющиеся над неровным краем скальной площадки.

Зев тоннеля, перед которым на старом покрытии дороги темнело несколько свежих воронок, казался сумрачным и пустым.

Никакого движения ни наверху, ни в самом городе, который они только что проехали из конца в конец на раздолбанной, позаимствованной на одной из брошенных буровых вышек старой машине.

Прошла уже без малого неделя с тех пор, как войсковой транспорт покинул Гефест, и теперь все вернулось на круги своя – тихо завывал утренний ветерок, заплутавший меж иззубренных руин, и только свежие выщербины от пуль, испещрившие бетонную рубашку тоннеля, свидетельствовали о недавних событиях.

Крис медленно тронул машину с места, и грузовой внедорожник, жалобно постанывая поломанными деталями подвески, въехал в наклонный тоннель, расталкивая помятым передним бампером усеивающие дорогу обломки.

В конце стометрового замкнутого пространства светлел четкий овал неба.

Ни Крис, ни сидящая рядом с ним Дана не проронили ни слова, пораженные этой зловещей тишиной. Обоих тревожили мысли об оставленных тут выздоравливающих членах небольшой колонии, но никто не встречал их, ни одна тень не затмила собой приближающийся выезд, и оставалось только гадать, куда подевались люди, – все еще находятся под

присмотром медицинской автоматики или уже освобождены ею и просто не захотели оставаться в непривычном для них месте, которое традиционно считалось запретным и недоступным?

«Хорошо бы так…» – подумал Крис, выводя машину из тоннеля.

Наверху, перед разбитым взрывами крыльцом офиса, гулял ощутимый ветер. Двери, вырванные во время ночного штурма, валялись снаружи, в пустом проеме покачивался на ветру отрезок кабеля с распределительной коробкой на конце.

«Странно…» – подумал Крис, вспомнив, сколько обслуживающих машин содержал в себе этот комплекс. По идее тут все уже должно быть прибрано и по возможности исправлено, однако запустение и разрушения вкупе с различным мусором, пляшущим на ветру, были налицо.

Не вылезая из машины, он прикрыл глаза и постарался сосредоточиться, мысленно представив себе бытовую человекоподобную машину.

Дана, которая на протяжении их короткого путешествия объясняла Крису, как она пользуется своими имплантами, молча покосилась на него, заметив, что крохотная алая точка за правым ухом Кристофера нервно вздрагивает. Короткий, едва отросший ежик волос не мог скрыть внешнего проявления сформированных вместе с организмом биоэлектронных систем.

Он пытался использовать свой новый дар…

Отвернувшись, Дана решила не мешать ему, по собственному опыту зная, что удаленный контакт с любой кибернетической системой – это индивидуальное, интимное чувство, которое не следует нарушать. Он делал свои первые шаги в освоении новых способностей, и помочь в этом ему могли теперь только интуиция и выдержка.

В гробовой тишине она смотрела в серый провал выбитых дверей, ожидая, пока Крис завершит свою попытку удаленной связи с кибернетическим комплексом зданий.

Тишина вокруг стояла вязкая, ненатуральная, ее нарушало лишь тонкое подвывание ветра да еще какой-то до странности знакомый звук, который медленно приближался из сумеречных глубин расположенного за выбитыми дверями холла.

* * *

Пока Дана прислушивалась к окружающим ее невнятным звукам, Крис действительно экспериментировал, хотя понимал, что выбрал для

этого не лучшие время и место. Перед плотно смеженными веками не возникало никаких картинок, там лишь просвечивал розоватый узор кровеносных сосудов, и он подумал, что зря старается… этой наукой, основанной на интуиции, еще предстояло овладеть, возможно, он нечетко высказывал свое желание, или…

Образ бытового дройда возник перед ним внезапно, словно вынырнул из розовато-черного пространства.

Это произошло так неожиданно, что Крис едва не открыл глаза.

Изображение было смазанным, нечетким и постоянно уплывало из фокуса зрения, пока он не догадался, что его имплант связался не с чем иным, как с камерой внутреннего наблюдения, подвешенной у потолка неизвестного ему помещения офиса.

Изображение плавно смещалось – это камера поворачивалась из стороны в сторону.

Вот в разрешающую область ее объектива опять попало изображение дройда, и Крис сосредоточил свое внимание на нем.

Чем была занята бытовая машина?

Робот стоял спиной к камере наблюдения, склонившись над столом, на котором были разложены какие-то механические детали.

Первое, что безошибочно узнал Крис, было пластиковое ложе импульсного пулемета, рядом, отдельно, лежал барабан, в отверстия которого вставлялись семь стволов, десяток снятых электромагнитных катушек блестели разъемами контактов чуть в стороне от механических частей.

Бытовой робот собирал или осваивал конструкцию импульсного оружия!..

Мысли, которые до этой секунды текли плавно, неторопливо, вдруг лихорадочно сорвались с места: за долю секунды он успел подумать о многом, прежде всего о том, что, ускользнув в *Логр*, сущности Доминика Фроста и Генриха Саймона, похоже, не утратили ни связи с компьютерным комплексом офисных зданий, ни своей болезненной жажды свободы и власти…

В следующий миг его мнемоническая связь с видеокамерой офиса была грубо оборвана: Крис ощутил толчок в плечо и одновременно услышал приближающийся звук работающего сервомотора.

Открыв глаза, он увидел рулевую колонку внедорожника и понял, что грубый рывок Даны сбил его на пол в узкое пространство между сиденьем водителя и панелью управления.

Он не успел обменяться с ней ни словом, ни взглядом – над головой

раздался оглушительный треск, и гранулы прошитого очередью лобового стекла осыпали тесную кабину хрустальным крошевом. Несколько пуль угодили в капот внедорожника, и из моторного отсека, заволакивая все вокруг, ударила струя водорода, смешанного со специальными двигательными добавками. Это была не воспламеняющаяся смесь – машину в одну секунду окутало плотными клубами удушливого тумана, похожего на желтоватый пар.

Все происходило стремительно, намного быстрее, чем поддается описанию. Гранулы разбитого стекла еще сыпались серебристым дождем, а Крис уже толкнул дверь внедорожника, хватая свободной рукой укороченный вариант «ИМ-12», позаимствованный из бортового арсенала оставленного высоко в горах модуля.

– Дана, не шевелись! – успел выкрикнуть он, кубарем выкатываясь из кабины.

Его рывок со стороны мог показаться просто паническим прыжком, но на самом деле Раули действовал расчетливо, хотя и испытывал в этот миг досаду на самого себя.

Он должен был заранее подумать об этом! Зная таких людей, как Саймон и Фрост, следовало загодя понять, что они не откажутся от борьбы, не осядут статичными, ни на что не способными наборами байт на опустевших носителях его *Логра*…

Они уходили туда, уже зная, куда попадут и как следует себя вести. Статика не коснулась их – в отличие от Криса, который спокойно готовился к переходу в мир иной, они ускользнули в фантомное пространство, унося с собой всю эмоциональную гамму предсмертного шока, состояния борьбы и чувства проигрыша…

Неудивительно, что очнувшись *там*, они прежде всего ринулись назад, по известному заранее пути, которым не раз и не два проникали в виртуальное пространство *Логра*, когда на его носителях еще обитала душа Раули.

Офис. Все системы офиса, которые, по утверждению Даны, были заблокированы военными, вновь заработали. Видимо, две фантомных личности сумели за прошедшее время восстановить уничтоженное программное обеспечение, видоизменив его на свой лад, а он, как последний идиот, подвел машину к самому крыльцу!..

Удара о землю он не почувствовал, его тело хоть и было воссоздано заново, но рефлексами управлял прежний разум: он вовремя сгруппировался, и оттого перекат вышел точным, безошибочным. Выкатившись из клубов водородного облака, Крнс с колена выпустил

очередь, и андроида, который стоял на крыльце, буквально вбило назад, в сумеречное пространство просторного холла.

«Этот уже вне игры», – подумал Крис, бросаясь назад к машине.

Дана сползла со своего сиденья и теперь полулежала в тесном пространстве, широко раскрыв глаза и задержав дыхание, чтобы не наглотаться ядовитой воздушной смеси.

Крис действовал машинально, а она не сопротивлялась, полностью доверившись ему. Его рука нашарила ручку, распахнула дверь, и Крис подтолкнул Дану наружу, выразительным жестом указав на открытый кузов внедорожника, которого не достигали сминаемые ветром ядовитые клубы. «Спрячься за ним и жди!» – вот что говорил его немой приказ, и Дана безропотно повиновалась.

У Криса не было ни единой лишней секунды на более подробные объяснения, – он понимал, что ситуация развивается по чужому сценарию, и это обстоятельство нужно было срочно изменить.

Моторный отсек внедорожника продолжал истекать ядовито-желтыми клубами тумана, но теперь эфемерная завеса играла ему на руку: под ее прикрытием он проскользнул до самого крыльца, и, пожалев, что в его скудном арсенале нет ни одной гранаты, заглянул в сумеречное помещение.

Дройд лежал на полу в двух метрах от порога, куда его отшвырнула очередь штурмового автомата. Укороченный образец «ИМ-12», который по-другому еще именовали «шторм», вполне оправдывал свое название. Его скорострельность выражалась многозначными числами, и, сообразуясь с данной характеристикой, нетрудно было понять, почему короткой очереди, выпущенной Крисом, вполне хватило, чтобы проделать в корпусе дройда уродливую, оплавленную по краям дыру, куда при желании можно было всунуть кулак.

«Одна проблема – заряды», – подумал он, рассмотрев поверженную машину. К «шторму» подходил любой магазин от стандартной импульсной винтовки, но у Раули их было всего два, поэтому он, окинув беглым взглядом обширное помещение холла и не заметив ничего подозрительного, прежде всего подполз к опрокинутому навзничь роботу.

В скрюченных пальцах андроида была намертво зажата такая же «ИМ-12». Зная, что пытаться разжать механические пальцы робота занятие бесполезное, Крис, изловчившись, освободил фиксатор, выщелкнув из рукояти оружия две обоймы. Запасная оказалась полной, первая же опустела на треть, значит, по внедорожнику было выпущено, как минимум, тридцать титановых пуль. Если бы Дана вовремя не толкнула его, вырвав из транса, валяться бы Крису сейчас на окровавленном сиденье с разбитой

вдребезги черепной коробкой.

Мысленно поблагодарив любимую и поклявшись самому себе, что больше не станет изображать вальяжного лоха, вернувшегося домой после загородной прогулки, он осторожно двинулся вперед, следуя периметру холла и используя каждое, мало-мальски пригодное укрытие, чтобы осмотреться.

Конечно, бойцы из бытовых роботов никудышные – это сразу же доказал своим поведением атаковавший их андроид, который, выпустив прицельную очередь, тупо застыл в проеме дверей, разглядывая плоды своего творчества, но самоуспокаиваться на этом не стоило. Если Крису не изменяла память, то бытовых образчиков человекоподобной техники в офисе насчитывалось около четырех десятков, да и различного оружия, если поскрести по кладовым господ Раули, можно было набрать на маленькую армию…

«Ладно, эту задачу будем решать по мере ее возникновения», – подумал Крис, перемещаясь вдоль стены холла.

Сейчас его занимал другой вопрос: знают ли новые хозяева покинутой им виртуальной Вселенной о прибытии незваных гостей, или данный робот просто охранял вход, исполняя бесхитростную программу, – стрелять по всему, что шевелится?

Криса больше устраивал последний вариант.

«Не факт…», – мысленно одернул он себя.

Не стоило недооценивать противника. Слишком свежи были в памяти воспоминания о вторжении Фроста в его виртуальную Вселенную. Этот человек был умен и дерзок, при ближайшем рассмотрении его цинизм казался еще опаснее, чем аналогичное качество самого Кристофера. Фрост был виртуальщиком, а это накладывает известный отпечаток на психику. Для личности, которая большую часть времени проводит в среде электронных образов, человеческая жизнь перестает играть положенную ей роль. В отличие от Фроста Раули не раз воочию видел смерть, и, как бы дико это ни прозвучало, научился ценить жизнь, никогда не убивая без нужды. Фрост же привык «мочить» направо и налево, нимало не задумываясь при этом о той тонкой грани, которая разделяет симулятор и настоящую жизнь.

Его следовало остановить во что бы то ни стало. Крис еще не соприкоснулся с двумя душами, ускользнувшими в оставленное им пространство, но уже понял, что *Логрис* подкинул очередную загадку, от решения которой зависело многое… Возможно, он неверно оценивал военных, и в их действиях и опасениях было зарыто намного больше зерен

истины, чем это могло показаться на первый взгляд?

Скорее всего это было именно так, просто им попался неудачный образчик испытуемого. Крис не лгал Дане, когда говорил, что еще перед уходом из жизни начал изменяться в своей душе, к тому же у него был изношенный, равнодушный ко всему рассудок, – поэтому он так апатично реагировал на внешние раздражители. Фросту же внешние стимуляции, похоже, не нужны вовсе – он и без подталкивания извне готов перевернуть обе Вселенные, и виртуальную и физическую… остается лишь уповать, что за столь короткий промежуток времени у него не нашлось достаточно верного способа сделать это…

* * *

Осмотрев холл здания, Крис вернулся к центральному входу и призывно махнул рукой Дане.

Она быстро пробежала разделяющее их расстояние, низко пригибаясь при этом, чем еще раз удивила Раули. Он заранее не инструктировал ее, как вести себя в той или иной ситуации, но трудная жизнь в городских руинах научила ее многому.

Оказавшись рядом с Крисом, она поймала его взгляд, не решаясь заговорить, потому что каждый звук отдавался в огромном пустом помещении гулким эхом. Склонившись к ее уху, он прошептал:

– Двигаемся вверх по правой лестнице. Идешь за мной метрах в пяти позади. Нам нужно попасть в компьютерный центр.

– А люди? – также шепотом спросила она.

– Медицинское крыло проверим позже. Все намного хуже, чем я предполагал.

– Давай разобьем этот компьютер… – с нотками усталости в голосе прошептала в ответ Дана. – От него одни неприятности.

– Нельзя… – лаконично ответил ей Крис. – Дело не в машине, а в человеческих сущностях, которые ее контролируют. – Перебить всех дройдов и разгромить компьютерный центр – дело нехитрое… Но как мы потом совладаем с Гефестом без поддержки машин?

– Ладно… – тихо согласилась с ним Дана. – Тебе виднее.

Компьютерный центр колонии располагался двумя этажами выше, в том крыле комплекса, где находились рабочий кабинет и бывшая спальня Вениамина Раули со злополучным электронным окном.

Крис первым начал осторожно подниматься по правой лестнице,

ведущей вдоль стены холла на второй и третий этажи комплекса.

В который раз он входил с оружием в руках в дом, где родился и провел большую часть детства!

Крис знал тут каждый уголок, но мысленно эти стены казались чужими, слишком много безрадостных воспоминаний наслаивалось на те крохи беззаботного счастья, которые хранила память маленького мальчика…

Лестничная площадка второго этажа контролировалась подвешенной под потолком видеокамерой.

Крис остановился вне пределов обозреваемой ею области, секунду подумал, а потом мысленно махнул рукой, переключив «шторм» в режим одиночной стрельбы.

Титановый шарик с хрустом пробил тонкий механизм камеры, заставив ее сделать несколько конвульсивных рывков и застыть, истекая едким дымком.

«Так можно переломать все на свете…», – не без раздражения подумал он, поднимаясь на лестничную развязку.

Гробовая тишина продолжала окутывать помещения. Не было слышно ни звука сервомоторов бытовых роботов, ни каких-то иных признаков жизни. Здания казались вымершими, но то была обманчивая, коварная тишина. Крис вполне мог купиться на нее, но только в том случае, если бы у порога его не встретил перепрограммированный человекоподобный робот с импульсной винтовкой в руках…

Нет, в данный момент комплексом владели определенные силы, но они затаились, выжидая удобный момент, либо просто потеряли Криса и Дану из поля зрения…

Он, секунду поколебавшись, ступил на следующий лестничный марш.

Двери третьего этажа послушно распахнулись перед ним, открывая длинный узкий коридор, который вел к компьютерному центру брошенной колонии.

Когда-то тут действительно располагалось сердце всех кибернетических систем освоенной котловины, отсюда осуществлялось автоматическое управление климатическими станциями, буровыми вышками, здесь отдельные компьютеры регулировали транспортные потоки и обслуживали совершавшие посадку челночные корабли.

Сейчас весь комплекс, частично омертвевший, а частично перепрофилированный, служил иным целям – отсюда пытались диктовать свою волю сначала полковник Грин, а теперь ускользнувшие от возмездия Саймон и Фрост…

Крис сделал шаг вперед, и в этот миг массивные двери компьютерного комплекса дрогнули и начали раздвигаться в стороны.

– Назад! – крикнул он Дане, плашмя падая на пол коридора.

Град титановых пуль просвистел над головой, впившись в сомкнувшиеся за спиной Раули створки легких пластиковых дверей.

Их разнесло вдребезги, расколов на мельчайшие кусочки, которые взметнулись дымчатым, шелестящим вихрем.

Он выстрелил в ответ, целясь в полуметровую щель раздвигающихся створов, и передовой андроид из внушительной группы человекоподобных механизмов, сконцентрированных именно там, повалился, опрокидываясь на спину, словно огромная, тяжеловесная кукла, у которой вдруг отказали ведущие механизмы.

За несколько секунд, пока падал загородивший проем андроид, Крис успел переключить регулятор темпа стрельбы и прицельно выпустить остаток магазина в упрямо расширяющийся проем.

Тщетно… Их было слишком много…

Сухо щелкнул интегральный затвор «шторма», на пистолетной рукоятке оружия зардел предупреждающий сигнал, и пустая обойма серебристой рыбкой мелькнула в воздухе, клацнув об усеянный осколками пластика пол коридора.

Крис, не раздумывая, кувыркнулся назад, выкатившись, словно свернувшийся клубком ежик, на лестничную площадку, у стены которой, вжавшись в облицовку, стояла бледная как смерть Дана.

– Бегом вниз, на второй этаж! – Крис уже стоял, припав на одно колено под защитой простенка, и перезаряжал штурмовой автомат.

Из коридора послышался характерный ноющий звук сервомоторов, сливающийся в сплошной гул.

Слух отказывался однозначно определить количество роботов, двигавшихся по коридору.

Раули быстро прикинул шансы и понял – ему не выстоять. Пусть эти роботы не предназначены для ведения боевых действий, но масса вооруженного сервоприводного металлопластика, не знающая ни страха, ни инстинкта самосохранения, а лишь наспех обученная нехитрым приемам стрельбы, так или иначе сомнет, уничтожит его…

Он заставил себя отползти от спасительного простенка, на миг выглянув в коридор, и действительно увидел там множество дройдов, заполнивших узкий проход от стены до стены.

Три секунды – и магазин «шторма» опустел.

За ничтожный отрезок времени он успел повести стволом автомата,

наискось перечеркнув пространство коридора плотной, уничтожительной очередью. Несколько передовых машин разом повалились, утратив равновесие и загораживая дорогу остальным, образовался хаос, в который внесли свою лепту прущие сзади механизмы. Обнаружив человека, они открыли огонь, но ни один заряд не достал Раули – все пули впились в спину передовых машин. Один из дройдов взорвался, наполнив узкий коридор чадным дымом, под прикрытием которого Кристофер ускользнул с опасного участка и вновь оказался на лестничной площадке.

В другое время программная тупость бытовых дройдов вызвала бы у Раули усмешку, но только не сейчас, когда у него остался последний, наполовину опустевший магазин к импульсному автомату.

Оставался один путь – отступать, но куда?

Он понимал, что действиями разношерстного сервоприводного отряда руководит отнюдь не главный компьютер офиса, машины были перепрофилированы и действовали сами по себе, но вот остановить их вполне могла команда, поданная с главного кибернетического узла комплекса зданий.

Одно плохо – туда не прорваться.

Оставались еще импланты, которыми обладали он и Дана, но время для столь глубоких экспериментов со своими новыми способностями показалось Крису совершенно неподходящим. Не факт, что он сумеет остановить хотя бы одну машину волевым усилием своего разума, – неизвестно, какие программы руководят ими в данный момент…

Эти мысли промелькнули в голове в течение нескольких секунд, пока он сбегал вниз по лестнице.

Дана ждала его на площадке второго этажа у открытых дверей.

Крис, тяжело дыша, перезарядил автомат и посмотрел на нее.

В ее глазах не отражалось ни тени испуга. Казалось, что, пока он пытался воевать со сворой бытовых дройдов, Дана по-своему оценила ситуацию.

– Сюда. – Она потянула Криса за рукав, намереваясь войти на второй этаж.

– Зачем? Куда ты меня ведешь?

Она не ответила, потому что цель располагалась буквально в двух шагах от входа на второй этаж.

Кабинет Грина…

Крису захотелось расцеловать ее. Умница…

Они вбежали внутрь, и массивные двери автоматически сомкнулись за их спинами. Если уж выбирать позицию для отражения атаки, то лучше

этого помещения не найти во всем комплексе зданий. Полковник Грин был разумным человеком, он не тронул ничего в бывшей спальне Вениамина Раули. Крис смог убедиться в этом, взглянув на локальный компьютерный комплекс, возвышавшийся уступчатой массой в углу комнаты. Кроме массивных пуленепробиваемых дверей, данное помещение отличалось от иных кабинетов офиса несколькими степенями дополнительной защиты. Отсюда, посредством терминала, можно было соединиться с центральной кибернетической системой и управлять ею. В эти секунды Крис впервые в жизни порадовался маниакальной подозрительности отца, который постарался отгородить свой смертный одр от любых посягательств извне… и в то же время оставил за собой право безраздельно управлять делами колонии.

Прошло меньше минуты, и эйфория Криса угасла.

Компьютерный комплекс не желал реагировать на вводимые команды. Все попытки выйти на связь с центральным процессором офиса кончались лаконичной надписью: *Сбой.*

Поздно было гадать, что явилось причиной нарушения связи, – случайная пуля, повредившая какой-либо важный кабель, проложенный за тонкой пластиковой облицовкой коридорных стен, или предусмотрительность двух беглецов, которые знали о потенциальных возможностях дублирующего компьютерного комплекса, – так или иначе Крис и Дана оказались в ловушке. По ту сторону дверей уже слышались неясные, стушеванные звукоизоляцией шумы, и вдруг мощные створы дверей задрожали, принимая на себя выпущенную в упор очередь из импульсной винтовки.

Крис огляделся вокруг, лихорадочно соображая, долго ли продержатся двери под методичным натиском дройдов, и увидел, что Дана стоит и пристально смотрит в стереоскопические глубины электронного окна.

Он остановился, как громом пораженный, глядя туда же.

* * *

Над кьюиганской степью клубились свинцово-черные, готовые вот-вот разразиться бурей облака.

Не было белого домика у виртуального горизонта и бесконечной водной глади за ним. Вместо этого, разделяя мрачное предгрозовое пространство, там высились два гротескных, уступчатых замка, в небе, разрывая тяжкое месиво туч, с надсадным воем пронеслось звено

орбитальных штурмовиков, вслед им, продавив облачный покров и наплевав на все физические законы, начал опускаться титанический космический корабль, на борту которого четко проступали буквы интеранглийского, складывающиеся в название титана: «Интерпрайз».

Дана взяла Криса за руку и взглядом указала за окно.

Ему была понятна ее мысль и немой жест, но Крису, несмотря на весь опыт прошлой жизни и короткого существования в *Логре*, вдруг стало жутко. Дана предлагала ему сделать то же самое, что проделала однажды наивная девушка, вскарабкавшаяся по уступам скал в запретные для посещений здания офиса.

Войти туда, в мир виртуальной реальности, в пространство *Логра*, где теперь властвовали две иные, чуждые Крису души.

Она знала, как это сделать…

В бронированные двери ударило что-то тяжелое, и толстый металл прогнулся внутрь.

Крис протянул руку и включил последний рубеж защиты, предусмотренный в данном помещении его отцом. Две автоматические пушки, спрятанные в углах комнаты, активировались, с противным визгом развернув стволы по направлению к двери, которая трещала и гнулась под ударами извне.

Он взял Дану за руку, они встали напротив электронного окна, сосредоточенно глядя в его глубины, и два импланта – его и ее – вдруг заработали, синхронно взмаргивая крохотными алыми огоньками.

Никто из ныне живущих не мог проделать ничего подобного – только они двое оказались способны войти в общечеловеческую сеть, а через нее и в *Логр*, без непосредственного, физического контакта с электронными машинами. Они уходили *туда*, используя только силу мысли: собственное желание плюс врожденные, *биологические* приспособления, готовые связать их с любой точкой, избранной разумом из множества виртуальных миров.

С момента своего второго рождения Крис нес в себе крохотный участок ДНК, сконструированный более сотни лет назад на сожженной дотла планете Зороастра, но только сейчас он смог впервые ощутить всю ошеломляющую мощь такого способа вхождения в сеть, когда все происходит мгновенно, безболезненно, словно делаешь шаг вперед и…

…Мрачная кьюиганская степь, по которой барабанили первые крупные капли дождя, внезапно рванулась навстречу, обнимая их сознание предгрозовыми запахами и ревом планетарных двигателей совершающего посадку крейсера.

Они вошли в личный ад Доминика Фроста и Генриха Саймона.

Отсюда к виртуальной системе управления офисными зданиями Гефеста вел узкий мостик, перекинутый военными специалистами через сияющие информационные потоки сети Интерстар.

Вопрос заключался лишь в том, доберутся ли Крис с Даной до него прежде, чем какой-либо из персонажей этой фантасмагории обратит внимание на них или штурмующие спальню Вениамина Раули андроиды ворвутся внутрь?

Поздно было гадать, их разумы уже находились тут, в пространстве *Логра*.

Они не слышали, как с треском вылетела одна из бронированных створок дверей, и два расположенных под потолком спальни автоматических орудия заработали, выбивая назад, в коридор, сунувшихся было в образовавшийся проем дройдов.

* * *

Шквальный, порывистый ветер, секущие капли крупного дождя, разряды молний, бьющие из облаков, раскаты грома и перекрывающий их рев работающих планетарных двигателей огромного крейсера – вот та гамма ощущений, что навалилась на них в первую же секунду пребывания в ином пространстве.

Дождь внезапно превратился в ливень, видимость резко сократилась, и в этой бушующей стихии стало невозможно ориентироваться, – мгла сомкнулась вокруг двух фантомных фигур, отрезав их от панорамы окрестностей.

Первые ошеломляющие секунды пребывания в виртуальном пространстве уже канули в вечность, шок прошел, и оба – Крис и Дана – прекрасно понимали, что им нужно бежать, двигаться, но куда?!

В конечном итоге, взявшись за руки, они побежали наугад, продираясь сквозь упругую, хлещущую наискосок стену дождя.

В этом движении было что-то жуткое и завораживающее. Они понимали безо всяких иллюзий, что творящаяся вокруг фантасмагория не что иное, как мысли, память, внутренний мир двух людей, ускользнувших в опустевший *Логр* от неминуемой смерти.

Что они делали или пытались сделать?

Внезапно сквозь мутную стену проливного дождя показалась человеческая фигура, они, не сговариваясь, остановились, пытаясь понять,

кто идет им навстречу, но появившийся перед ними человек оказался незнакомым. Он был толстым, низкорослым, одетым в строгий и дорогой деловой костюм… Поначалу, пока не были различимы черты лица, Крис и Дана видели только бледное пятно да мокрую, поблескивающую лысину незнакомца, но, когда тот подошел ближе, стало ясно, что его лицо – это синюшная маска мертвеца…

Руки человека сжимали собственное горло, но Крис почему-то подумал, что этот низкорослый мертвец не покончил жизнь самоубийством, – то был инстинктивный жест умирающего от удушья, и тут Раули внезапно осенило: это одна из жертв Генриха Саймона, осужденного на пожизненное старение в криогенной камере за то, что, взламывая компьютерную систему одного из банков планеты Дион, он случайно запер в подземных хранилищах, полностью изолированных от внешнего мира, несколько десятков человек, которые умерли от удушья, прежде чем компьютерные техники сумели восстановить систему, выведенную из строя Саймоном ради получения двух или трех миллионов галактических кредитов!..

Теперь, обратив внимание на низвергающийся с небес грохот, Крис мгновенно вспомнил и название того крейсера Конфедерации, который пытался угнать Доминик Фрост, – это был именно «Интерпрайз», половина экипажа которого погибла от декомпрессии в момент взлома бортового кибермозга, управляющего в том числе и всеми шлюзовыми системами космического корабля…

Здесь действительно сошлись два ада воспоминаний, но что выйдет из такого невольного совмещения душ в едином виртуальном пространстве, а главное, что сейчас делают Саймон и Фрост?

Ответ на данный вопрос они получили спустя несколько секунд.

Толстый, лысый мертвец поравнялся с ними и внезапно спросил сдавленным голосом, не отрывая рук от посиневшего горла:

– Вы не знаете, где здесь аварийный выход?

Крис молча покачал головой в отрицательном жесте, в то время как Дана с ужасом смотрела на мертвеца.

– Вы все умрете… – обронил тот, собираясь идти дальше, и вдруг…

Из-за царящего вокруг грохота не было слышно выстрела, но фигура задохнувшегося банковского служащего вдруг пошатнулась, и на его спине начало расплываться алое пятно…

Еще секунда, и мертвец исчез, растаяв на глазах.

…Генрих Саймон опустил импульсную винтовку. Он стоял в нескольких метрах от Криса и Даны, не замечая их… Лицо Саймона было

перекошено, его трясло от злобы, а губы шептали одно и то же:

– Пятнадцатый… Пятнадцатый, мать вашу, я всех выловлю, всех…

– Что он делает? – тихо спросила Дана, прильнув к Крису. Она дрожала, и он ответил:

– Генрих охотится на призраков… Он пытается вычеркнуть их из своей памяти, убить, стереть с носителей *Логра*.

– Но ведь это…

– Они безумцы. Они думают, что уничтожают ненужные воспоминания, но убивают при этом самих себя. Чтобы выжить в *Логре*, нужно пройти сквозь этот ад, вспомнить все, не утратив ни капли, только тогда, возможно, уляжется эта буря и наступит примирение, осознание самого себя в новой ипостаси…

Слова Криса заглушил остервенелый вой.

Медленно разрывая полог проливного дождя, на залитую водой кьюиганскую равнину опускался призрак «Интерпрайза», а сверху на него пикировало звено тяжелых орбитальных машин класса «Гепард»…

Несложно было понять, что в кабине головного штурмовика сидел не кто иной, как сам Фрост…

Крис не двинулся с места, пораженный этой картиной.

Они вообразили себя богами, а на самом деле были всего лишь неумелыми портными, пытающимися заново перекроить собственную судьбу, оставив только те воспоминания о прошлом, которые комфортны и приятны.

Глупцы…

Он вспомнил призраков, что влачились за ним по просторам кьюиганской степи, вспомнил их каждого в лицо, и, вспоминая, забрал с собой, освобождая из уз черного смерча, вновь и вновь болезненно переживая сотни смертей, без скидки на то, что все убитые Скармом являлись негодяями, не меньшими, чем он сам…

Он миллион раз прожил их смерти, чтобы понять – настоящей ценностью является только жизнь, иначе по ту сторону черты будет вечно гнездиться этот распоротый неистовством молний мрак…

«Как мы жестоки и глупы… – думал Крис, глядя на пикирующее звено тяжелых орбитальных штурмовиков. – *Всю жизнь мы рвемся идти по чьим-то головам, карабкаясь наверх, к недостижимой вершине позолоченного счастья, а ведь оно рядом с нами, стоит только оглянуться и понять, что есть иные моральные ценности…»*

Есть безумие любви…

Есть радость растить детей…

Есть необыкновенная магия жизни, которая оставляет в душе такой же неизгладимый след, только белый, а не черный, но эта наука столь сложна, что дается от рождения лишь единицам, остальных прозрение настигает в старости, как пуля на излете…

Фрост и Саймон так и не поняли ничего.

– Двадцатый… – шептали сжатые в жесткую линию побелевшие губы Генриха. – Последний, мать вашу, последний!!!

В рубке орбитального штурмовика Доминик Фрост с ненавистью и удовлетворением сжал гашетку, выпуская свору управляемых ракет по ненавистному кораблю-призраку…

Вселенная взорвалась.

Тяжким кружевом забило свинцовые тучи, дождь, вопреки всем законам природы, полоснул параллельно иззябшей земле, на миг просветлело вокруг, и стали видны два гротескных уродливых замка, что беззвучно рассыпались, оседая невесомой пылью разрозненных байт, таяла, истончаясь, одинокая фигура Генриха Саймона с импульсной винтовкой в руках, и падал, сорвавшись в штопор, неуправляемый более орбитальный штурмовик…

* * *

Когда они очнулись от страшного наваждения последних секунд крушения виртуальной Вселенной, дождь уже прекратился.

Вокруг не было ничего, лишь простиралась ровная как стол кьюиганская степь – последняя декорация вновь опустевшего пространства, пережившая уже трех хозяев, обретя при этом странную устойчивость.

Мгла рассеялась, и Крис с Даной увидели, что заветный мостик, столь необдуманно перекинутый при «доработке» данного Логра через сияющую реку Интерстар, изгибается совсем рядом с ними, до него, по обычным меркам было метров тридцать-сорок, не больше.

Увидев его, Дана обернулась к Крису, собираясь спросить, каким образом он сможет разрушить эту связь?.. Но он, угадав вопрос, лишь покачал головой в отрицающем жесте.

– Этого не стоит делать, – произнес Крис.

– Почему?

– Вселенная *Логра* пуста, и она еще послужит нам, – лаконично ответил он. – Побежали!

Они бегом преодолели небольшое расстояние до радужной реки, потом пересекли мост и вошли в виртуальное пространство компьютерного центра колонии планеты Гефест.

Крис уже бывал тут и ориентировался меж потоков данных почти как дома. Он быстро отыскал нужный канал, по которому можно было управлять всеми бытовыми машинами комплекса, и ввел одну-единственную команду: «Отключение».

В спальне Вениамина Раули последний, прорвавшийся таки к двум неподвижным человеческим телам робот-андроид испустил затухающий звук останавливающихся сервоприводов и с грохотом осел на исковерканный пулями пол.

ЭПИЛОГ

Планета Гефест.
Несколько лет спустя…

Над котловиной, когда-то бывшей первобытным океаном планеты, занимался стылый, туманно-розовый рассвет.

Люди по-прежнему жили тут, но они давно покинули подземные коммуникации и сам разрушенный город, переехав в глубь котловины, к двум озерам, вода в которых постепенно опреснилась вследствие возобновившихся дождей и работы специальных установок, завезенных сюда с иных миров.

Жизнь понемногу налаживалась, и одноэтажные домики с островерхими крышами, крытыми пластиковой черепицей, виднелись тут и там, разбросанные по берегу без всякой планировки, как заблагорассудилось их хозяевам.

Единственной общностью, которая прослеживалась в живописной асимметрии застройки, было обязательное наличие зелени подле каждого из строений.

Вулканические тучи, образующиеся над горячими и безжизненными равнинами Гефеста, толклись далеко у горизонта, цепляясь за вершины гор. Отравленные облака более не смели беспрепятственно парить над котловиной, их сдерживали незримые электромагнитные поля, которые генерировали несколько восстановленных по периметру котловины климатических станций.

Восстановление климата да небольшое количество планетопреобразующей техники – вот все, на что хватило сбережений Кристофера Раули, полученных известным только ему способом с размороженных банковских счетов. Все остальное приходилось делать своими руками, но людям, родившимся в стылых подземельях, грех было жаловаться на труд под чистым небом и теплым солнцем.

Комплекс офисных зданий, принадлежавший когда-то семейству Раули, по-прежнему царил над котловиной, сияя по ночам манящими россыпями габаритных огней.

Ничто не погибло и не пропало всуе, наоборот, весь горький опыт и приятные открытия были сложены вместе и приумножены. Комплекс продолжал функционировать, более того, он развивался вместе с новой

экономикой Гефеста, которая не эксплуатировала больше ни природные ресурсы планеты, ни чьи-либо жизни.

Теперь комплекс зданий делился на две части. В одной располагался Храм *Логриса*, в другой, большей по масштабам, компьютерные лаборатории и мастерские.

Раз в месяц, а иногда и чаще, в зависимости от количества поступающих заказов, старый десантно-штурмовой модуль, переоборудованный в полноценный космический корабль, стартовал с Гефеста и отправлялся на рандеву в определенную точку пространства.

Обычно он стыковался с небольшим курьерским кораблем, который доставлял груз в виде небольших герметично запечатанных посылок и получал в обмен точно такие же контейнеры с точными указаниями адресатов.

В обитаемой Галактике, где вот уже несколько лет кряду всем гражданам Конфедерации Солнц выдавались производимые по технологии логриан черные кристаллы, появился новый вид бизнеса, который пока что предлагала одна-единственная фирма, медленно, но верно приобретавшая популярность.

За умеренную плату специалисты данной фирмы производили некоторую доработку изготавливаемых логрианами устройств.

Идея была проста: владелец усовершенствованного кристалла мог еще при жизни получить доступ к его мощностям и сформировать на носителях *Логра* ту Вселенную, в какой хотел бы обитать после своей кончины.

Это был разумный, правильный шаг, но никто из воспользовавшихся услугами фирмы «Гефестион» не ведал, какой ценой был куплен данный опыт.

Когда ты заранее знаешь, куда попадешь, когда тебе еще знакомы муки совести, сопряженной с психикой живого тела, мир, который формируется в *Логре*, и личная жизнь творца постепенно и безболезненно приходят к единому знаменателю. Никто не проводил опросов по данному поводу, но несомненно, что многие из ныне живущих, побывав в холодной и отрешенной Вселенной абсолютной памяти, серьезно задумались над собственной жизнью.

Каждого, кто получал видоизмененный *Логр*, в комплекте ждала короткая инструкция по мерам безопасности, с лаконичным предупреждением в конце:

Хранители Логриса посетят Ваш мир по факту его присовокупления к остальным Вселенным.

Мало кто обращал внимание на этот постскриптум.

А зря…

* * *

Раннее утро началось как обычно: Крис вышел на крыльцо своего дома, приветствуя рассвет, прошелся по лужайке, осматривая недавно посаженные кусты, задержался у виноградной лозы, которая в этом году обещала дать первую кисть плодов, и, удовлетворенный осмотром, вернулся в дом.

Их гость еще не проснулся, а Дана уже накрыла на стол, да и Андрей – старший сын, которому сегодня исполнилось пять лет, в нетерпении крутился подле.

Свои подарки и поздравления он уже получил, а вот главному событию в жизни – посвящению – еще предстояло свершиться ближе к вечеру.

…Ровно в полдень все жители небольшого поселка собрались подле дома Криса и Даны.

На крыльце уже стоял пятилетний мальчик, его родители и гость с иных миров, жилистый, сухощавый старик, в котором трудно было признать кадрового военного, генерала, начальника внешней разведки Конфедерации Солнц.

Он был приглашен на церемонию Крисом и не смог отказаться от посещения Гефеста. Во-первых, как любого нормального человека, его жгло любопытство, а во-вторых, его и Раули связывала тайна, которую они хранили, не раскрывая никому…

Белов за прошедшие годы еще ни разу не пожалел о принятом однажды решении. Конфедерация росла, ширилась, все больше ее граждан получали непосредственный доступ к древней, но сильно очеловеченной сетью Интерстар машине, которая также росла вместе с бурным развитием галактического сообщества…

…Торжественная процессия прошла по дороге с новым, не растрескавшимся, как раньше, покрытием и ступила под прохладные своды тоннеля, ведущего наверх, к Храму *Логриса*.

…Звучала тихая и немного печальная музыка.

Источник звука был скрыт где-то наверху, под сводами перестроенного помещения, которое казалось бесконечным из-за царящего в нем мрака.

Сразу за входом начиналась Бездна. Фигурки людей казались крохотными, они входили в двери и таяли, растворялись во мраке.

Даже Белов, прагматик и циник, невольно поддался общему чувству: ступив через порог, он оказался во тьме, и его душа вдруг ощутила тоскливую растерянность.

Двери сзади закрылись, отсекая последний проблеск света.

Музыка по-прежнему лилась откуда-то сверху, и вдруг во мраке одна за другой начали зажигаться крохотные искорки холодных, немигающих звезд, таких острых, колючих, ярких, какими они видны из космоса.

Абсолютный мрак превратился в сумрак, смутно прорисовались контуры высоких колонн, подпирающих свод огромного помещения. Стоя среди немногочисленных обитателей Гефеста, Белов заметил, как от общей группы отделилась чета Раули, вслед за ними шел малыш.

На фоне звездного мрака, проступая из него, внезапно появился титанический смерч *Логриса* – миллиарды кристаллов, соединенные вместе, вращались по часовой стрелке… Отдельные нити отслаивались от общей структуры, и их относило в сторону, отчего вращающийся смерч казался слегка размытым.

Старика, искушенного в знании разных обычаев и религий, внезапно проняла непроизвольная дрожь: в отличие от иных мест религиозного поклонения здесь не было ни капли мистики или лжи – перед ним проецировалась *сама реальность*, и оттого становилось чуть жутковато…

Кристофер Раули поднялся на небольшое возвышение.

Он и Дана встали рядом, малыш чуть ниже, и в этот миг заговорил Крис. Его речь была спокойной, уверенной, он не проповедовал абстрактные истины, а излагал факты, и в этом заключалась неодолимая сила:

– Две тысячи лет назад был человек, и был окружающий его космос. Мы знали лишь одну Вселенную – ту, которую видели глаза наших предков, куда уходили космические корабли с поселенцами на борту. Они осваивали планеты, любили и ненавидели, воевали и примирялись, человечество ширилось, росло и, наконец, вышло к границам, где три миллиона лет обитали и развивались чуждые нам расы.

Крис на секунду умолк, глядя на расплескавшуюся вокруг него звездную бездну, а затем продолжил тихим спокойным голосом:

– Мы осваивали космос, не замечая, что постепенно растим среди своих технологий новую Вселенную. Она зародилась в тот момент, когда на далекой планете Земля появилась первая электронно-вычислительная машина. Позже их стали называть компьютерами, затем, по мере

усложнения – кибернетическими системами, и в конце концов на их основе возникла новая реальность, названная виртуальной.

Он обернулся к черному смерчу *Логриса*.

– Физические законы материальной Вселенной едины и незыблемы для всех, поэтому техническая мысль разных, непохожих друг на друга рас шла одними и теми же путями. Мы создали виртуальную реальность и сеть Интерстар, которая объединила звезды. Логриане создали свою машину – *Логрис*, объединявший не физические миры, но разумы усопших. Потом наступил миг потрясений, и мы, объединяясь против общего врага, вынуждены были совместить нашу сеть Интерстар с носителями древней машины.

Несколько долгих, показавшихся Белову бесконечными секунд Кристофер смотрел на черный смерч.

– Мы не поклоняемся *Логрису*, – вновь заговорил он. – Мы констатируем факт его существования и понимаем, что в нем реализовалась вторая Вселенная, где обитают уже не люди, логриане, инсекты или хараммины, а их души. Миры *Логриса* так же бесконечны и разнообразны, как планеты в физической Вселенной, но если обитаемую Галактику хранят законы, военные силы, межзвездные договоры, то миры *Логриса* до определенной поры существовали сами по себе…

Опять наступила секунда тишины, данная на осмысление сказанного, а затем вновь зазвучал ровный, спокойный голос Кристофера:

– С момента реанимации *Логриса* мир разделился на две половины, и мы, обитатели Гефеста, взяли на себя ответственность: хранить вторую Вселенную от попадающего туда зла, следить за тем, чтобы ни один личный ад того или иного существа не выплескивался за рамки, ограниченные отданным ему *Логром*, чтобы мир виртуальный не пытался влиять на мир физический.

Крис обернулся к своему сыну и обратился уже непосредственно к нему:

– Чтобы хранить, нужно понимать хрупкость и неповторимость двух Вселенных. Сломать дерево легче, чем посадить и вырастить его, в этом каждый из нас убеждается ежедневно. Мы получили по наследству уникальный врожденный дар, который позволяет каждому из нас существовать в двух Вселенных одновременно. Этот дар делает обитателей Гефеста особыми людьми, но не в смысле глобальной власти над мирами, а в плане ответственности перед ними.

Он умолк, и вместо него заговорила Дана:

– Честь – вот слово, смысл которого должен понимать каждый, кто

ступает через границу двух Вселенных, – произнесла она. – Хранить целостность Вселенной – это честь… и ответственность за каждый свой шаг.

– Закрой глаза, сын! – приказал Крис.

Малыш повиновался. Его тело била крупная дрожь.

– Теперь мысленно представь себе *Логрис*.

Белов, наблюдавший за процедурой, вдруг увидел, как за правым ухом мальчика зардела, пульсируя, крохотная алая точка, и тотчас, затмевая колючее сияние звезд, вспыхнул ровным фоном исполинский проекционный экран.

В его стереоглубинах рос, приближаясь, увеличиваясь в размерах, черный вихрь *Логриса*.

Еще миг, и он заполнил собой все, потом исчез, истаял, и Белов увидел малыша, стоящего по пояс в цветущем травостое.

– Отсюда начинается путь каждого из нас, – раздался под сводами храма голос Кристофера Раули. – Эта Вселенная принадлежит не отдельной личности, а всем обитателям Гефеста. Повернись, сын!

Малыш вновь повиновался, но его тело осталось неподвижно – он обернулся там, в пространстве, куда ушел его разум.

Перед ним сияло многоцветье информационных потоков сети Интерстар.

– Запомни – это общечеловеческая сеть. Без нее *Логрис* – всего лишь набор отдельных, никак не взаимосвязанных виртуальных миров. Интерстар объединяет не только реальные планеты, но и фантомные миры. Технологии людей и логриан слились воедино, дополняя друг друга, и потому *Логрис* в сегодняшнем виде – это создание двух рас. А теперь – вперед!

Мальчик сделал робкий шаг, по щиколотки утонув в радужном потоке, и тот внезапно подхватил его, понес, но не стремительно, а бережно, будто знал, сколь ценный груз доверен ему…

На проекционном экране, куда транслировалось все, что видел пятилетний малыш, медленно видоизменяясь, проплывали берега многоцветной реки.

Одна реальность сменяла другую, здесь были и мертвые пустыни, и цветущие сады, и ужасающие картины непонятных войн, и серая мгла логрианских Вселенных, с их абстрактными понятиями красоты, сотканной из сложных завитков мрака, и феерия красок, присущая обителям человеческих душ…

– Запомни, – раздался в гробовой тишине голос Криса, – найдутся

существа среди живых, кто захочет использовать миры усопших в своих интересах. Есть те, кто пытается использовать Интерстар для взлома отдельных *Логров*, но есть и мертвые, неупокоенные души, которые, попав в свой посмертный мир, не выдерживают тяжести принесенных с собой грехов и силятся вырваться отсюда назад, в мир живых.

Мы не смеем вмешиваться в отдельно взятые миры, мы лишь стоим на страже своей границы, на Грани Реальности, защищая от взаимных посягательств обе Вселенные, не отдавая предпочтения ни одной из них.

Прошло еще несколько захватывающих минут, в течение которых на огромный экран проецировалось все, что наблюдал разум пятилетнего малыша, впервые скользящий по границе двух пространств.

– А теперь – возвращайся! – раздался под сводами храма голос его отца.

Малыш повиновался – медленно, неумело. Краски одного из чуждых миров на проекционном экране блекли слишком долго, словно не желали отпускать юный разум из своего пространства, но в конце концов на их фоне вновь проступил черный как смоль вращающийся смерч *Логриса*, который медленно удалялся, отдавая назад колючее сияние миллиардов звезд, и, наконец, мальчик открыл глаза.

Посвящение состоялось.

Когда процессия двинулась назад, к выходу из храма, Белов, приблизившись к Кристоферу, заметил, что Раули-старший напряжен и измотан не меньше, чем его сын, впервые прошедший по Грани Реальности, разделяющей две Вселенные.

Прилетев сюда, седой генерал был полон сомнений относительно той роли, что присвоили себе обитатели Гефеста – мало кому известной, забытой колонии.

Теперь его мнение изменилось.

Он поравнялся с Крисом и несколько минут шел бок о бок с ним, вспоминая события, происходившие тут несколько лет назад.

Теперь он знал, что названия и расовая принадлежность обитателей любого мира не играют роли и не меняют сути, ну а то, что продемонстрировал сегодня пятилетний малыш, могло быть обозначено только одним термином – эволюция.

Люди шагнули еще на одну ступеньку вверх по бесконечной лестнице развития, и Белов вдруг поймал себя на мысли, что испытывает гордость за юного Раули, будто это был его собственный сын или внук.

Декабрь 2001